

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 800.561.72:808.2

*Воронежский государственный университет
Д-р филолог. наук, проф. кафедры современ-
ного русского языка Кольцова Л.М.
Ламок О.Н., студентка 5-го курса филологиче-
ского факультета*

*Voronezh State University
The chair of contemporary Russian lan-
guage, d-r of philological sciences, full prof.,
Koltsova L.M.
Fifth-year student of philological department
Lamok O.N.*

Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732) 20-84-26

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 20-84-26

Л.М. Кольцова, О.Н. Ламок

ПУНКТУАЦИОННЫЕ КЛЮЧИ К ПОДТЕКСТУ ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО»

В статье рассматривается пунктуационно-графическая организация повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Средства, способы и приемы визуального представления замысла автора анализируются с позиций теории текстовой пунктуации, позволяющей выявить содержательные свойства элементов формы.

L.M. Koltsova, O.N. Lamock

PUNCTUATION KEYS TO THE SUBTEXT OF A STORY «THE NOTES OF A MADMAN» BY NICOLAI GOGOL

The article considers punctuation and graphic organization of “The Madman’s Sketches” by N.V. Gogol. The means and methods of visual representation of the author’s intention are analyzed from the viewpoint of the textual punctuation theory which allows to display the connection between the content and the formal elements.

А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы все было написано языком самым строгим, очищенным и благородным, словом, хотят, чтобы русский язык сам собою опустился вдруг с облаков, обработанный как следует, и сел бы им прямо на язык, а им больше ничего, как только разинуть рот да выставить его.

Н.В. Гоголь

Пунктуационный знак. Трудно переоценить его роль в художественном тексте. Исследовательский опыт показывает, что иногда именно интерпретация графического облика текста (то есть пунктуации в широком смысле термина), предполагающая творческое участие читателя, исследователя в восприятии и осмыслении актуального содержания знака, является ключом к пониманию идеи произведения.

Активное вовлечение графических средств в процесс своеобразного кодирования смысла художественного произведения отмечается еще в стиле «плетения словес». Традиция внимательного отношения к форме свойственна русской литературе. Она находит отражение как в литературе XIX века, так и в современных текстах. Одним из необычайно интересных в этом плане произведений представляется повесть Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» – произведение, не раз привлекавшее к себе внимание ученых.

Первым исследователем, подвергшим это произведение собственно лингвистическому анализу, стал В.А. Лукин, сделавший немало интересных открытий в структуре и смысле поистине необычной повести.

Вместе с тем в пространстве текста великого Мастера есть неисчерпаемые, глубинные сферы и пласты, которые при определенном подходе в новом ракурсе дают возможность показать, что в повести «Записки сумасшедшего» устройство единиц всех уровней языка представляет собой системную расстановку акцентов и организацию сильных позиций разного уровня, что открывает новые возможности для выражения мысли автора («наблюдателя») в произведении и воздействия на читательское восприятие.

При проведении исследования мы исходили из положения теории пунктуации художественного текста, согласно которому в текстовом единстве при эстетическом совершенстве все элементы пунктуации подчинены идее произведения. Не представляется возможным игнорировать тот факт, что в художественном тексте складывается и развивается относительно автономная, не поддающаяся перекодировке, специфическая по функциям система пунктуационных знаков, обеспечивающих высокую степень упорядоченности, играющая архитектурную роль и гармонирующая структуру текста, соединяя и разграничивая его компоненты в соответствии с творческой, эстетической задачей автора. Текст реализует свою архитектуру, свое содержание, свои эксплицитные и имплицитные смыслы благодаря существованию средств, способов и приемов пунктуационно-графической организации.

Пунктуационная архитектура объединяет единицы разных уровней, и, как нам представляется, участвует в организации типа речи, регистра речи, являясь связующим звеном между семантизированными эксплицитными единицами и единицами имплицитными. Пунктуация организует основное содержание и с

неизбежностью становится важнейшим элементом композиции.

Все это в полной мере находит отражение в организации исследуемой нами повести, закономерности оформления которой становятся ключом к пониманию произведения, начиная с первого знака, слова, элемента текста.

«Записки сумасшедшего» – заголовок. Абсолютно сильная позиция текста. Сам выбор слова «сумасшедший» показателен: по своей семантике и по своей форме оно предсказывает развитие произведения, а сам способ его образования – сращение – основан на изменении, своеобразной трансформации графического облика слов. Кроме того, заголовок рассматриваемой повести диктует читателю специфику ее оформления: перед нами дневниковые записи, фрагменты размышлений, и читатель замечает необычную форму произведения: его внимание сразу привлекают графически выделенные обозначения дат дневниковых записей, на значимом уровне которых читателю предстоит попытаться решить одну из основных интриг текста – временную интригу. По мнению В.А. Лукина (и с этим можно согласиться), здесь мы имеем дело с метатекстом в тексте, связность которого основана на повторе чисел (прежде всего числа 34), также осложненном инверсией – повтором числа в измененном порядке. Одна из возможных интерпретаций указанного метатекста основана на допущении «присутствия» автора в тексте, когда анализируемый метатекст истолковывается как знак инобытия Гоголя в собственном тексте. Другая же интерпретация метатекста основана на предположении о том, что его ключевые знаки имеют своим обозначаемым судьбу главного героя, и тогда все значимые события текста отмечены числами 9, 25 vs 52, 34 vs 43 (Лукин 2005, с. 245-247). Кроме того, что выбор дат в повести связан с годом ее написания – 1834 (Лукин 2005, с. 243), каждое из выбранных чисел приобретает символическое и даже мистическое значение в судьбе главного героя повести – Аксентия Ивановича Поприщина. Последняя обо-

значенная дата «Чи 34 сло Мц гдао. Февраль 349» (числа 34 и 349) перекликается с началом повести: 3 октября и 4 октября, следующие записи дневника сделаны 6 ноября и 8 ноября (а 68 – это удвоенное число 34; Лукин 2005, с. 245). Таким образом, даты записей в гоголевской повести действительно представляют собой своеобразную систему, в которую вовлечены и другие, представленные особым образом элементы текста.

Так, пристальный взгляд на пунктуационно-графическую организацию повести обнаруживает, что системно устроенными оказываются и единицы уровня главы (одной дневниковой записи), межфразового единства, предложения и слова. В частности, содержательная характеристика заголовков глав коррелирует со способом графического оформления самих глав, и здесь примечательны знаки временных характеристик размышлений героя.

Конкретные и реальные даты в первой части произведения поддерживаются лексическими элементами в тексте, выдвигаемыми в инициальную позицию. Здесь мы обнаруживаем *явный* акцент на описании действий, происходивших в хронологической последовательности. Причем знаки времени в них систематически находятся в сильной позиции как в рамках главы (в ее начале), так и в рамках предложения:

• «Сегодняшнего дня случилось необыкновенное приключение. Я встал поутру довольно поздно, и когда Мавра принесла мне вычищенные сапоги, я спросил, который час. Услышавши, что уже давно било десять, я поспешил поскорее одеться» (первая глава; Гоголь, 1975. т. 1, с. 577);

• «Сегодня среда, и потому я был у нашего начальника в кабинете» (вторая глава; Гоголь, 1975. т. 1, с. 579);

• «В восемь часов отправился в департамент» (пятая глава; Гоголь, 1975. т. 1, с. 582).

Единообразие начала глав повести со слова «сегодня» или синонимичных лексем сразу дает понять читателю: про-

исходит что-то неладное. Художественное время останавливается (это одна из точек бифуркации – раздвоения, разделения – данного текста), и именно этот смысл репрезентируется графическими средствами.

Постепенно, вместе с изменением, искажением, распадением сознания героя повести, структурообразующая роль «знаков времени» меняется: появляются записи, где показатели времени отсутствуют; например, в записи «Никоторого числа. День был без числа» чрезвычайно важным представляется именно такое название «записки». Более частыми становятся случаи, когда «знаки времени» нелогично помещаются в пространство текста: на уровне межфразового единства значимым становится и отсутствие абзаца. Например, последние предложения главы «Декабрь 8» выглядят так:

«Мавра замечала мне, что я за столом был чрезвычайно развлечен. И точно, я две тарелки, кажется, в рассеянности бросил на пол, которые тут же расшибились. После обеда ходил под горы. Ничего поучительного не мог извлечь» (Гоголь 1975. т. 1, с. 590).

Начиная с записи «Мадрид. Февруарий тридцатый», читатель замечает, что система временной ориентации героя полностью перестроилась, и, будучи параллельной (в какой-то степени аналогичной) традиционному восприятию времени, она наполнена событиями воображаемыми, нереальными. Причем почувствовать эту параллельность, инобытие позволяет акцентирование сильных позиций, схожее с тем, что мы видели в самом начале текста:

«Итак, я в Испании, и это случилось так скоро, что я едва мог очнуться. Сегодня поутру явились ко мне депутаты испанские, и я вместе с ними сел в карету» (Гоголь 1975. т. 1, с. 593).

«Знаки времени» схожи с началом текста, но качественно иное событийное наполнение системы координат показывает читателю, что сознание героя полностью перестроилось, перед нами раскрывается образ предельно измененного со-

стояния сознания, определенной обструкции, или «спорсистемы» (термин С. Дали). Этот способ изображения вполне можно назвать антисистемой. С помощью графически выделяемого лексического повтора создаются особо наглядные сильные позиции этой антисистемы:

«Говорит очень редко; неделю назад беспрестанно говорил сам с собою: «Получу или не получу?» Возьмет в одну руку бумажку, другую сложит пустую и говорит: «Получу или не получу?» Один раз обратился и ко мне с вопросом: «Как ты думаешь, Меджи? получу или не получу?» (Гоголь 1975. т. 1, с. 585) или

«Да, говорят, нет короля. – Не может статья, чтобы не было короля. Государство не может без короля. Король есть, да только он где-нибудь находится в неизвестности» (Гоголь 1975. т. 1, с. 590).

Такое использование текстовых ресурсов показывает особенную структуру сознания Меджи и Поприщина, причем важно, что оба эти сознания – собачки и сумасшедшего – построены аналогичным образом.

Дополнительным индикатором изменения здорового сознания героя в тексте становится и перестройка причинно-следственных отношений в мышлении героя. Это проявляется на уровне предложений: «Странная земля Испания: когда мы вошли в первую комнату, то я увидел множество людей с выбритыми головами» (Гоголь 1975. т. 1, с. 594) или «Завтра в семь часов совершится странное явление: земля сядет на луну» (Гоголь 1975. т. 1, с. 594). Знак «двоеточие», традиционно обозначающий причинную связь или являющийся показателем пояснительных отношений между частями предложения, здесь связывает явления, между которыми, с точки зрения здравомыслящего человека, не могли возникнуть такие отношения.

Принципиально важным является то, что Н.В. Гоголь одним из первых в русской прозе использует ресурсы воздействия визуального оформления текста. Так, в уже упомянутой переходной главе «Ноября 13», связанной с мистическим образом Меджи, фрагмент повести

оформлен необычно: он четко разделен графически на части, одна из которых содержит цитаты из писем собачки, а вторая – отражает размышления героя. Не случайно именно глава, обусловившая изменения сознания героя, оформлена неоднородно, разделена на два взаимодействующих, но коррелирующих типа предъявления «материи текста»:

«А ну, посмотрим: письмо довольно четкое. Однако же в почерке все есть как будто что-то собачье. Прочитаем:

Милая Фидель! я все не могу привыкнуть к твоему мещанскому имени. Как будто бы уже не могли дать тебе лучшего? Фидель, Роза – какой пошлый тон! однако ж все это в сторону. Я очень рада, что мы вздумали писать друг другу.

Письмо писано очень правильно. Пунктуация и даже буква «ять» везде на своем месте. Да этак просто не напишет и наш начальник отделения, хотя он и толкует, что где-то учился в университете. Посмотрим далее:

Мне кажется, что разделять мысли, чувства и впечатления с другими есть одно из первых благ на свете» (Гоголь 1975. т. 1, с. 584-585).

Важно, что такое оформление текста также позволяет количественно изменить состав сильных позиций главы, в результате чего в главе автору удается выделить как принципиально важный во всей повести мотив молчания: фраза «Ай, ай!.. ничего, ничего. Молчание!» становится самостоятельным абзацем (Гоголь 1975. т. 1, с. 585), так и мотив метатекста: в сильной позиции несколько раз оказываются комментарии стиля Меджи («Письмо писано очень правильно. Пунктуация и даже буква «ять» везде на своем месте» (Гоголь 1975. т. 1, с. 584), и не раз отмечаемые исследователями знаки влияния темных сил: в сильной позиции все чаще оказывается слово «черт», которое чуть позже появится даже в названии одной из глав: «Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое», а также в рамках текста глав: «Черт знает что такое! Экой вздор! Как будто бы не было предмета получше, о чем писать» (Гоголь 1975. т. 1, с.

585), «Тьфу, к черту!.. Экая дрянь!.. И как можно наполнять письма такими глупостями» (Гоголь 1975. т. 1, с. 587), «Черт возьми! Я не могу более читать... Всё или камер-юнкер, или генерал» (Гоголь 1975. т. 1, с. 588).

Примечательно, что Н.В. Гоголь одним из первых ввел в практику прием необычного графического оформления текста путем применения нестандартного шрифта. Здесь мы имеем в виду перевернутое слово «Февраль»

*Чи 34 сло Мц гдао,
чирдвэФ 349.*

расположенное в названии одной из записей, то есть в сильной позиции текста, которое как знак перевернутого, искаженного времени является ключом к разгадке временной интриги текста, в обеих его интерпретациях (В.А. Лукин назвал это слово в данном графическом оформлении «инструкцией к прочтению повести еще раз, от начала к концу по числовому «надтексту»; Лукин 2005, с. 248).

Абсолютный конец текста также работает на организацию и выведение на поверхность главной мысли текста:

«Нет, я больше не имею сил терпеть. Боже! Что они делают со мною! Они льют мне на голову холодную воду! <...> Дом ли мой синее вдали? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына! Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, как мучат они его! Прижми со груди своей бедного сиротку! Ему нет места на свете! Его гонят! Матушка! Пожалей о своем больном дитятке!.. А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?» (Гоголь 1975. т. 1, с. 596)

В сильной позиции здесь находится обращение к Богу, которое многие исследователи трактуют как знак, позволяющий возвести финал повести к универсальному

образцу: переход от художественного исследования сознания конкретного больного человека к воссозданию образа человека вообще, а в частности, образа *человека страдающего*. Эмоциональный пафос последней главы в *буквальном* смысле становится *заметным* благодаря частотности использования восклицательных и вопросительных знаков, которые влекут за собой изменение ритма текста.

Таким образом, в повести «Записки сумасшедшего» устройство единиц всех уровней языка представляет собой систему акцентирования сильных позиций разного плана, что открывает новые возможности для выражения присутствия автора в произведении. Принципиально важным здесь представляется и то, что в рассмотренной повести нестандартное графическое оформление текста раскрывает неповторимые особенности языковой личности автора, предлагающего многие приемы, активно используемые в современной литературе и считающиеся новаторскими. Особенно впечатляет и то время, когда была создана гоголевская повесть – 1834 год.

Именно поэтому, анализируя язык произведений Н.В. Гоголя, подбирая ключи к сокровенным мыслям автора, следует помнить наставление самого Н.В. Гоголя о работе над языком и стилем литературного произведения: «Перед Вами поприще великое ... перед Вами громада – русский язык! Наслажденье глубокое зовет вас, наслажденье погрузиться во всю неизмеримость его и уловить чудные законы его... Не мыслью работайте, работайте чисто фактически» (Гоголь 1975. т. 2, с. 399).

Библиографический список

1. Гоголь Н.В. Записки сумасшедшего / Н.В. Гоголь // Соч. в 2 тт. – М. : Худ. лит., 1975. – Т. 1. Повести. – С. 577-596.
2. Гоголь Н.В. Мертвые души / Н.В. Гоголь // Соч. в 2 т. – М. : Худ. лит., 1975. – Т. 2. Драматические произведения. Мертвые души – С. 245-614.
3. Лукин В.А. Художественный текст : Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В.А. Лукин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Ось-89, 2005. – 560 с.

References

1. Gogol N.V. The Madman's Sketches. / N.V. Gogol // Collected works in 2 vol. – M., 1975. – Vol. 1. Stories. – P. 577-596.
2. Gogol N.V. The Dead Souls. / N.V. Gogol // Collected works in 2 vol. – M., 1975. – Vol. 2. Plays. The Dead Souls. – P. 245-614.
3. Loukin V.A. Literary text: Linguistic theory basis. Analytical minimum. / V.A. Loukin. – 2nd edition. – M., 2005. – 560 p.

УДК 801.561.72:808.2

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
К. филолог. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Новикова О.В.*

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication,
candidate of philological sciences, prof.
Novikova O.V.*

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

О.В. Новикова

АРХИТЕКТОНИКА И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

В статье анализируются типичные синтаксические конструкции, встречающиеся в текстах по строительной специальности. Подход к изучению текста, предлагаемый в данной работе, ориентирован на студентов-магистров, изучающих русский язык.

O.V. Novikova

ARCHITECTONICS AND SYNTACTIC FEATURES OF THE TEXTS ON CIVIL ENGINEERING

The article deals with typical syntactic structures coming in the texts on civil engineering. The approach presented in the article is aimed at Russian-learning students doing master's degree.

В XX веке в отечественной теории и практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) была решена задача научной разработки и практической реализации целостной системы профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных студентов российских вузов.

Однако в настоящее время в связи с реформой высшего образования вновь обозначился целый круг проблем. Так, Л. Клобукова [1] выделяет три основные проблемы.

Первая проблема связана с огромным количеством новой информации в науке и переоценкой старой информации.

Перед преподавателями РКИ встаёт проблема оптимизации и интенсифика-

ции процесса обучения, создания новых пособий на материале научных текстов.

Вторая проблема связана с введением трёхступенчатой подготовки специалистов в вузах РФ в связи с участием в Болонском процессе: «бакалавр – магистр – аспирант». В результате возникает проблема корректировки содержания обучения, изучения коммуникативных потребностей каждой из этих трёх категорий, создания новых учебных программ и методов обучения.

Третья проблема связана с усиливающейся интеграцией стран, поэтому для иностранных студентов важно овладеть русским языком не только как языком специальности, но и как средством делового общения.

Остановимся подробнее на содержательном аспекте обучения языку специальности магистров. Обучение магистров профессиональному общению осуществляется прежде всего на материале текстов по специальности. Поэтому актуальной проблемой было и остается типологическое описание данных текстов, ориентированное на создание типовых моделей построения текста конкретной специальности, который имеет свои специфические признаки.

В этом направлении активно работают такие лингвисты, как Е.И. Мотина, Г.А. Золотова, И.Б. Авдеева, Д.И. Изаренков и др. [2].

Студент должен уметь видеть проблему, выделять предмет из множества других, находить причинно-следственные связи и т.п. Помочь в этом ему может четкое представление структурно-семантической организации текста. Поэтому важной задачей является анализ содержательной и структурной организации оригинальных текстов по строительной специальности, с которыми сталкиваются магистры. Если взять тексты, связанные с особенностями строительства в национальных регионах, то наиболее типичная коммуникативная организация таких текстов, или их архитектура (термин И.Б. Авдеевой), будет следующей:

- 1) формулировка проблемы,
- 2) анализ причин ее возникновения,
- 3) положительное и отрицательное влияние,
- 4) способы решения (с использованием иллюстративного материала),
- 5) оценка результатов решения.

В качестве факультативных аспектов рассмотрения могут присутствовать: классификация объектов, смена фазовых состояний, видоизменение объекта.

В подобных текстах преобладают информационно-описательный и оценочно-квалификационный типы изложения материала. Каждая из названных микротем представлена своим структурно-семантическим классом предложений, среди которых, как правило, выделяется одна или несколько основных моделей и дополнительные, периферийные, модели.

Рассмотрим два примера.

I. Семантический класс предложений с инвариантным значением «причина возникновения проблемы» предполагает наличие каузального элемента. Самой распространённой структурной схемой (следовательно, центральной, ядром), выражающей причинную зависимость двух явлений, является модель **«что зависит от чего»**. Компонент «что» обозначает свойство предмета, которое возможно лишь при наличии мотивирующего фактора, содержащегося в компоненте «от чего». Мотивирующим фактором может быть структура или другие свойства предмета, внешние условия, процесс изготовления, окружающая среда. Например: *Морозостойкость бетона зависит от его строения. Тип несущих и ограждающих конструкций зависит от температурного режима местности. Количество солнечной энергии зависит от высоты стояния Солнца.*

Периферийными моделями этой семантической группы будут модели: **«что определяет что»** (*Механические характеристики определяют свойства металлов, применяемых в строительстве*), **«что обуславливает что»** (*Двойкий характер пористости обуславливает малую теплопроводность*), **«что основны-**

вают на чём» (*Выбор расчётной схемы основывают на изучении действительной конструкции*), **«что вызывает что»** (*Вертикальная нагрузка вызывает только вертикальные опорные реакции*), **«что обеспечивает что»** (*Инженерные сооружения обеспечивают пропуск поверхностных вод или их накопление*) и др. Возможны и их пассивные варианты.

Данные синтаксические конструкции являются синонимичными, взаимозаменяемыми. Сравните: *Свойства бетонополимеров зависят от свойств бетона; ... определяются свойствами бетона; ... обуславливаются свойствами бетона; .. основываются на свойствах бетона; ... вызываются свойствами бетона. Свойства бетона обуславливают (определяют, вызывают, обеспечивают) свойства бетонополимеров.*

Особо следует оговорить модель «что основывают на чём». В ней компонент «что» не обозначает свойства, а имеет процессуальное значение. Компонент «на чём», выражающий мотивировку, усложняется за счёт ограничения своего лексического наполнения (слова «изучение», «исследование» и т.п.) и введения дополнительного элемента «чего», определяющего объект изучения.

В данном семантическом классе встречается ещё одна группа предложений, построенных по схеме **«что должно быть увязано с чем»**. В таких построениях выражается условность причинной связи. Например: *Применение уточнённой расчётной схемы должно быть логически увязано с необходимой точностью расчёта.*

II. Семантический класс предложений с инвариантным значением «положительное и отрицательное влияние» в качестве основных нейтральных моделей имеет конструкции: **«что влияет на что»** и **«что приводит к чему»**. Например: *Солнечная радиация отрицательно влияет на строящиеся здания и сооружения. Количество выпадающих осадков и их интенсивность существенно влияют на практику проектирования в строительстве. Длительное отсутствие осадков*

приводит к отвержению верхнего слоя грунта. Данные модели нейтральны в оценочном плане.

Можно выделить и периферийные нейтральные конструкции: **«что вызывает что»**, **«что изменяет что»**. Например: *Солнечная радиация вызывает напряжения деформации. Сезонные колебания относительной влажности резко изменяют влагосодержание строительных материалов.*

Кроме активной, представлена, хотя и менее частотно, пассивная конструкция **«что изменяется в зависимости от чего»**. Например: *При повышении влажности воздуха изменяются эксплуатационные свойства конструкций.*

Однако надо отметить, что чисто нейтральные конструкции – редкое явление. Их нейтральность часто нарушается оценочными наречиями при глаголах (*отрицательно* влияет, *существенно* влияет, *резко* изменяют и т.п.).

Дальнейшая конкретизация с учетом положительной и отрицательной оценки зависит уже от семантики глагола.

Сравните:

1)	нарушает ухудшает понижает поражает разрушает сокращает ускоряет ужесточает вынуждает опасно для чего	что
	представляет опасность для чего подвергается воздействию чего	

2)	повышает улучшает обеспечивает сохраняет и т.п.	что
----	---	-----

Первая группа моделей говорит об отрицательном влиянии, вторая – о положительном. Подобные модели предпо-

лагают работу с семантическими классами глаголов и грамматическими синонимами. Сравните: *При повышении влажности воздуха водяные пары **увеличивают** (повышают, ускоряют) теплопроводность и ухудшают (снижают, сокращают) теплозащитные свойства. Во влажных районах ветер способствует увеличению долговечности зданий, так как **ускоряет** (повышает, улучшает, обеспечивает) просушивание строительных конструкций.*

Однако более сложная проблема при чтении текстов по специальности возникает при столкновении с грамматическими омонимами, когда одна и та же грамматическая форма в различных речевых ситуациях обладает разным смыслом, в результате чего входит в состав различных функционально-семантических полей. Так, например, одна из распространеннейших моделей научного стиля «*что является чем*». Хотя её употребление ограничено сферой характеризующего значения, она может выражать различные характеристики в зависимости от лексического наполнения.

1) **Объект и его признак:** *Железобетон является основным материалом для строительства различных видов сооружений. Чугуны являются конструкционными материалами.*

Особенностью данных предложений является то, что последний субстантивный компонент модели как бы семантически опустошен, а основную смысловую нагрузку берет на себя прилагательное, которое является обязательным элементом компонента «чем». Существительное этого компонента может повторять существительное первого компонента или опускаться. Например: *эта проекция является прямоугольной.*

Данная модель может осложняться условным компонентом, указывающим на то, что данный признак не является постоянным. Например: *Грунт является самым распространенным строительным материалов в условиях сухого жаркого климата. Балка при наличии обыч-*

ной горизонтальной подвижной опоры является безраспорной системой.

2) **Процесс / признак и его оценка:** *Землетрясения интенсивностью 6 баллов и выше являются опасными для зданий и сооружений. Химическая стойкость битумов к действию агрессивных веществ является наиболее важным свойством.*

Данное значение возникает в результате введения оценочного прилагательного или прилагательного в превосходной степени в последний компонент модели и замены предметного существительного первого компонента абстрактным.

3) **Состав и структура:** *Асфальтовый бетон является смесью асфальтового раствора с щебнем. Глины являются компонентом сырьевой смеси.*

В данной модели часто происходит усложнение второго компонента указанием на состав – «**чего с чем**» (в группе предложений с инвариантным значением «целое и его компоненты») или «**чего**» (в группе предложений с инвариантным значением «компонент в составе целого»).

4) **Возникновение объекта:** *Искусственные пористые заполнители являются продуктами термической обработки минерального сырья.*

Данное значение появляется, если компонент «чем» представлен словом «продукт» или его синонимами с дополнительным элементом «чего».

Однако подобные конструкции в оригинальном научном тексте, обладающем большой семантической емкостью, как правило, структурно усложнены предложно-падежными сочетаниями, что приводит к образованию компрессивных форм (свернутых пропозиций), являющихся семантическими эквивалентами придаточных предложений. Поэтому одна из задач при обучении языку специальности состоит в том, чтобы научить студентов развертывать компрессивную форму в ядерную маркированную структуру. Сделать это не всегда легко, так как использование предложно-падежной

формы как бы стирает различия в смысловых отношениях.

Возьмем для примера Творительный падеж с предлогом *с*:

1) *Весьма высокие значения усадки связаны с полимеризационным твердением карбамидной смолы с переходом ее в неплавкое и нерастворимое состояние* (время – ... когда она переходит, ... во время перехода ...).

2) *Устройство междуэтажных монолитных железобетонных перекрытий с применением арматурного профилированного настила* позволило выявить ряд конструктивных преимуществ этой технологии (условие – ...если применять, ...при условии применения ...).

3) *В связи с отсутствием специальных гнутых профилей система опалубки щита* выполнена из стандартных профилей (причина – ...Так как отсутствуют, ...по причине отсутствия ...).

4) *С целью получения достоверной информации* была проведена серия натуральных экспериментов (цель – ...Чтобы получить ...).

5) *Наряду с известными положительными свойствами полимеризующихся смол* выявился и существенный их недостаток (сопоставление).

6) *Масличное покрытие лучше всего применять в промышленных зданиях с умеренным режимом эксплуатации* (определение – ...которые имеют умеренный режим эксплуатации).

7) *Устройство бесшовных покрытий* не допускается в помещениях, где

возможна обработка различных деталей с использованием ломов и кувалд (способ действия).

Как видно из примеров, различие в значении зависит от лексико-грамматических факторов: отглагольное – неотглагольное существительное, состав предложно-падежного сочетания, его сочетаемость и лексическое наполнение. Так, если сравнивать два первых примера, то можно отметить, что условное значение, в отличие от временного, появляется при наличии конкретного объекта, обладающего определенными признаками (*арматурный профильный настил*). Определительное значение появляется, когда анализируемая предложно-падежная форма относится к имени существительному и не является отглагольным существительным (*зданиях с умеренным режимом*). Значение способа действия связано с семантикой слов, входящих в состав рассматриваемого предложно-падежного сочетания (*использование; лом и кувалда* – орудия труда).

Таким образом, чтобы студент-иностранец мог правильно осмыслить научный текст по своей специальности, он должен овладеть определенными логико-грамматическими навыками: четко представлять коммуникативную организацию текста, функционально-семантическое поле конкретного смысла, его ядро и возможные трансформации, овладеть механизмами свертывания и развертывания предложений.

Библиографический список

1. Клобукова Л., Авдеева И.Б. Шесть «сквозных» тем грамматики русского языка при обучении иностранных учащихся инженерного профиля // Тезисы II Международного конгресса русистов-исследователей. – М., 2004;
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998;
3. Изаренков Д.И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом. – 1990. – № 4;
4. Мотина Е.И. Язык и специальность: лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов. – М., 1998.

References

1. Kloboukova L., Avdeeva I.B. Six "through" themes of Russian grammar in teaching foreign students of engineering qualification // The theses of 2nd international congress of Russian language researches. – M., 2004.
2. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.J. Russian communicative grammar. – M., 1998.
3. Izarenkov D.I. Main components of advanced students' communicative competence. // Russian language abroad. – 1990. – № 4.
4. Motina E.I. Language and qualification: linguistic and methodic basis of Russian teaching to students of non-philological qualification. – M., 1998.

УДК 801.2

*Воронежский государственный университет
Аспирант кафедры современного русского
языка Аль Кадими Махмуд Гази Чаллюб
Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732) 20-84-26*

*Voronezh State University
The chair of contemporary Russian lan-
guage, postgraduate student
Al Kadimi Makhmud Gazi Challob
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 20-84-26*

Аль Кадими Махмуд Гази Чаллюб

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ПРИЗНАКИ АРАБСКИХ
ЗАЙМСТВОВАНИЙ И ПУТИ ИХ ОСВОЕНИЯ**

В данной статье рассматриваются вопросы лексических заимствований из арабского языка. На основе комплексного анализа устанавливается этимология наиболее употребительных арабизмов, уточняются пути проникновения арабизмов в лексический состав русского языка.

Al-Kadhimi Mahmood Ghazi Challob

**SEMANTIC AND STRUCTURAL FEATURES OF THE ARABIC BORROWINGS
AND WAYS OF THEIR ADAPTION**

This article deals with the problems of lexical borrowings from the Arabic language on the basis of complex analysis, establishes etymology of the most frequently used Arabic words and specifies ways of their penetration into the lexical structure of Russian language.

Проблема определения источников заимствования - одна из актуальных и весьма сложных проблем современной лингвистики в целом и русистики в частности.

Этимологический анализ, установление происхождения слова даёт возможность выполнить ту важнейшую задачу науки о языке, о которой пишет в предисловии к этимологическому словарю М. Фасмера проф. Ларин: «Чтобы правильно разобраться в сложнейшем по

составу и происхождению словарном богатстве такого языка, как русский, недостаточно значения многих языков, необходима широкая осведомленность в его истории и диалектологии, а кроме того, и в истории народа и его этнографии; нужно и непосредственное знакомство с древними памятниками – языковыми источниками не только русского языка, но и его соседей (Фасмер, 1964 г.С.7.).

В нашей статье рассматриваются семантические сдвиги, т.е. случаи, когда современное значение слова совсем не совпадает со своим исконным значением, например:

Садразам – **الصدر الاعظم**. Это образование, представленное как одна лексема (Аль-Равви Фарук, Хадарат аль Ирак, 1969г.) является сочетанием двух арабских слов. Эти арабские слова использовали турки как термин, обозначающий чиновника самого высокого ранга в турецком государстве у османского султана. В наше время он называется премьер-министром. Это сочетание как своеобразный термин возникло во время распада политического османского государства, после нескольких войн между русскими и турками. Такие термины возникли в разных государствах для названия официальных постов.

Такие ошибки нередко встречаются в переписке востоковедов на арабском языке. Они переводят слова, не учитывая зависимости от их происхождения и того внутреннего содержания, которое определяет его значение.

Мы попытаемся уточнить происхождения слов, ошибочно считающихся неарабскими, дадим исторический обзор некоторых слов, зафиксированных в арабских словарях.

При толковании слов были использованы некоторые примеры из Корана, стихов и прозы.

Известно, что арабские слова, которые вошли в русский язык, были исследованы недостаточно полно лингвиста-

ми-востоковедами. Мы провели на базе русских и арабских словарей сравнительный анализ и пришли к выводу, что эти слова по своему смыслу и истинному происхождению являются арабскими.

Некоторые арабские слова ошибочно считаются неарабскими по происхождению, например, Адам, банан, генетика, диван. Рассмотрим более подробно те основания, по которым можно уточнить историю этих слов.

Арабские языковеды расходятся в значении слова «Адам». Некоторые из них считают, что слово «Адам» возникло от арабского слова (أديم الأرض), которое обозначает «лицо земли». Одни из них думают, что оно образовалось от основы слова (الأدمة), обозначающего (смуглость). «А. Бин Фарис, Моэдхам Макаийс аль – Луга, т. I, с. 71 – 72; Аль – Мусбах аль – Мунир, Аль – Мкри Аль фаеуми, т. I, с. 12; Аль – Джвхари, аль – Сихах фи аль – Алуга Валулум, с. 13. Ибн Мандур, Лисан аль – араб, т. I, с. 273 ». Аль – Замхшарий утверждал, что это слово иностранное «Махмуд Аль – Хаварзми, аль – Кашаф ан хакаик аль – танзил ва уюн аль акавил фи вуджух аль тэвиль, т. I, с. 125». Такое же мнение встречается в русских словарях. Например: [гр. Adam] – в Библии и Коране – первочеловек и отец рода человеческого, созданный Аллахом (Смирнов, С. 27).

Можно считать, что основа слова «Адам» принадлежит арабскому языку, так как оно подчиняется изменчивости арабского словообразования. На самобытность этого слова указывают арабские языковеды. Удалось узнать, что это слово существует в аккадском и ассирийском языках, звучит как «адамо» и обозначает «кровь», «красный» или «приличный» человек. Это слово используется для наименования человека, принадлежащего к определенному типу или роду. Например, красный человек – «Адам» - это человек с красным цветом

кожи, волос и пр.

Это название произошло из «أديم الأرض - лицо земли» «The Assyrian dictionary, part1, стр.95». Известно, что арабский язык является наследником ассирийского языка (адам – араб).

Слово «банан» широко используется во всех языках мира. Русские словари относят его к испанскому языку и объясняют его значение так: Банан исп. banana - род гигантских тропических трав семейства банановых (Лехин и Петров, 1954г.с.96; Лехин и Петров, 1964г. С.92; Кузнецова, 2000, С.58). Из этого можно понять, что такое название присвоено фруктам, которые называются «الموز, аль – мауз», как известно, такое растение похоже на «البنان», т.е палец. Арабы говорят: «بنان الموز, т.е палец аль – мауз». Европейские языки заимствовали только первую часть слова «بنان; банан» и пренебрегли второй частью слова «الموز; аль- мауз», и появилось слово «банан», что обозначает «الموز, аль – мауз», вообще (Зегрид Хонка, С. 57).

Это слово «البنان; аль – банан» означает в арабском языке «палец», также «البنان; аль – банан» означает кончик пальцев, его единственное число в арабском языке «بنانة; банана» «Моэдхам Макаийс аль – Луга, т.1, с.191-192.См.Аль-Сихах Тадж Алуга ва Сихах Аль-Арабия, т.1, с. 2081.СМ. Сихах фи аль – Алуга Валулум, с.117.СМ. Лисан аль – араб, т.16, с.305». Есть в Коране несколько сур, где указывается на это слово.

Например: «واضرٍ وا منهم كل نان» «Коран, Аль – Анфаль, стих 12» и «لا قادرين على أن سوي ناه» «Коран, Аль-Киама, стих 4», языковеды объясняли его как «палец».

Всё это указывает на то, что оно заимствовано из арабского языка.

Русский словарь относит слово «генетика» к греческому языку: Генетика, и, ж. [от греч. genetikos- относящийся к рождению, происхождению]. Наука о

законах наследственности и изменчивости организмов. Г.человека. Г.растений. Медицинская г. космическая г. (С.А. Кузнецов, С. 198).

Это слово использовано в арабском языке буквально в прямом значении. Как сказано в арабских словарях, слово «جنين» происходит из «الاجتنان», которое обозначает «прикрываться», так мы называем «الجنين - جنينا», потому что он скрыт в теле матери «Моэдхам Макаийс аль – Луга, т.1, с.422.См. аль – Мусбах аль – Мунир, Аль – Мукри Аль фаеуми, с.154. Аль – Джвхари, аль – Сихах фи аль – Алуга Валулум, т.1, с.215.См.Аль-Сихах Тадж Алуга ва Сихах Аль-Арабия, т.5, с.294.СМ. Аль-Камус аль – Мухит, т.4, с.210». Как говорит священный Коран:

«واذ تم أجنة في طون أمهاتكم» «Коран, Сура Аль-наджм, стих 32». Русский словарь иностранных слов не совсем правильно относит его к греческому языку, так как:

а) это слово состоит из двух частей: гене + тика. Первая часть этого слова совпадает с произношением и значением арабского слова «جنين», кроме изменения звука (ج) – [Г], но это естественно для русского языка;

б) это слово часто используется в арабской поэзии и прозе;

в) существование этого слова в аккадском языке «ginu», которое обозначает по англ. «infant, child», русс. «ребёнок», араб. «طفل – جنين» и распространилось во второй новой ветви Вавилона «The Assyrian dictionary, letter G, p. 83». Как мы раньше отмечали, арабский язык является наследником аккадского языка.

Слово «диван» в русском языке имеет два значения: первое «место», второе - «книги». Русский словарь относит его к персидскому языку. Первое значение говорит о том, что оно персидское,

так как в арабских словарях нет никакого аргумента, указывающего на то, что оно арабское. Так в книге Аль-Джавалики «Аль – муэраб» утверждается, что это слово персидское. Аль-Асмаэй уверяет, что его основа персидская, говоря: «وديان ديبان», т. е. слово «диван» происходит от слова «дипан» «Аль – Джавалики, аль-Муэраб мин аль-калам аль-аджами ала хуруф аль муэджам, с154» «В этом слове звук [п] изменился на [в], потом на арабский звук (و)».

Второе значение слова «диван» более интересно, русский словарь относит его, как выше отмечено, к персидскому языку со значением «диван» перс. Diwan запись, книга (Смирнов, 2000 г. с. 191; Лёхин и Петров, 1954 г. с. 226), но то, что мы нашли в арабских словарях, опровергает это. В арабских словарях отмечено следующее значение этого слова: «مجتمع الصحف», которое обозначает «собрание листов или тетрадь, где пишут имена солдат».

Это слово исконно арабское, произошло от слова «دونت الكلمة», которое обозначает: «я записал слово» (Аль - Камус аль – Мухит, т. 4, с. 224; Сихах фи аль – Алуга Валулум, т. 2, с. 719; Лисан аль – араб, т. 17, с. 24; Тадж аль – Арус, т. 18, с. 222; Шарх аль Фасих, с. 94). Может быть, исследователи ошиблись, относя это слово к персидскому языку. В том, что это слово арабское, нет никакого сомнения, и это подтвердил Мухаммед Ахмед Шакир (Сихах фи аль – Алуга Валулум, т. 1, с. 586; Лисан аль – араб, т. 6, с. 28; Тадж аль – Арус, т. 6, с. 28; Моэджам Макаийс аль – Луга, т. 3, с. 72-73).

Нуждаются в уточнении иностранные слова, которые ошибочно считаются арабскими по происхождению. Это касается таких слов, как «адмирал», «азур-азурит», «алкоголь», «яшма». Рассмотрим их более подробно.

В русских словарях происхождение слова «адмирал» относят к голландскому, admiral или немецкому языку. Admiral из старого французского языка, которое восходит к араб. emir al bahr

(князь моря) (М. Фасмер, 1964 г., с. 12; Л. Н. Смирнов, 2000 г. с. 28). Русские языковеды полагают, что это слово является словосочетанием от арабского «emir al bahr». Они толковали и разделили это слово, подобно тому, как и арабы толкуют и разделяют словосочетание «شمي», образованное от двух слов «شمس».

Между тем, во всех классических и современных арабских словарях мы не найдём слова «адмирал», также как и не найдём словосочетания «amir al bahr», потому что арабам такие названия неизвестны.

Все это подтверждает наш вывод, что это слово не является заимствованием из арабского языка.

Подобное словосочетание (со сходным значением) имеется в арабском языке, но оно образуется от корней двух слов или более. Внимательно рассматривая слово «адмирал», нельзя однозначно определить, что это слово образуется от двух арабских корней слов «البحر/أمير» (князь моря). Таким образом, древние арабские названия дают основу для образования исследуемого слова.

Азур – Азурит :

Азурит: медная лазурь, минерал синего цвета; используется для изготовления синей краски (Аль – Сихах фи аль – Алуга Валулум, т. 1, с. 215).

Лингвистические словари по-разному истолковывают это слово. Русские словари относят его к арабскому языку (Смирнов, 2000 г. с. 30; Лехин и Петров, 1954 г. с. 26), а современные арабские словари считают, что это иноязычное слово, обозначающее какой-то камень, который встречается в горах Армении и Персии (Бутрус Аль – Бустани, Мухит аль - Мухит, т. II, с. 426). Очевидно, что название этого минерала является современным. Доказательством этого служит то, что оно встречается только в современных словарях, а в классических словарях оно отсутствует. Также это слово не подчиняется арабской словообразовательной системе.

Местонахождение этого минерала в горах Армении и Персии является луч-

шим доказательством того, что армяне или персы дали этому минералу такое название. Арабский язык заимствовал это слово и указал в своих словарях на его иноязычное происхождение.

Алкоголь – это « асилик или этаноль » и именуется « спиртом »: жидкость без цвета, имеющая своеобразный запах и острый вкус, которая готовится из сахара, или из картофеля, или дерева на дрожжах. Можно приготовить его и химическим способом. Из него делают вино, также он используется как жидкое топливо и дезинфицирующее средство. Алкоголь широко используется в парфюмерии. Его химический символ (C_2H_6O) (Лувис Малуф, Аль – мунджид, с.675).

Слова «алкоголь» нет в арабских лингвистических классических словарях, таких, как Тадж аль – Арусс и Лиссан ал – Араб. Об этом слове написано только в новых арабских словарях, таких, как Муэжум аль – мусталахат аль – ильмиа и Аль – мунджид . Оба слова «коголь – гаоль – غول» имеют новую семантику как химическое вещество. Но слово « غول – гаоль » используется как термин в практике преподавания некоторых дисциплин (химии, например) в Сирийском государственном университете.

Французы говорят, что слово «коголь» произошло от арабского слова « الكحل - al – kohol» в значении الأثمд, обозначает порошкообразную сурьму.

Но французы в Средние века изменили его произношение и значение и дали название « kohol» спирту.

Русские языковеды утверждают, что это слово немецкое: немецкое Alkohol < ар, al- kohl тонкий порошок (Смирнов, 2000г. стр37; Фасмер, 1964г., с.71; Лехин и Петров; Кузнецов, 2000г. с. 35). Тот, кто заимствовал это слово, обратил внимание только на омоним этого слова и не обратил внимание на значение.

Арабские слова « كحول - коголь , كحل - kohl » имеют одинаковое произношение, но различаются по значению. Слово « كحل - kohl » обозначает « الأثمд », что значит « порошкообразная сурьма », а слово « كحول - коголь » называет химическое вещество « спирт ».

Арабы не могут назвать « спирт » - словом kohol, происходящим от «Alcool», так как существует большое различие между спиртом и « kohol », обозначающий « الأثمд » (это вещество используют восточные женщины как косметику для глаз, для специального макияжа). Но с нашей точки зрения лучше использовать слово « غول - гаоль » (аль – Сихах фи аль – Алуга Валулум, т.1, с.379).

Всевышний Аллах говорит в Коране:

« لا فيها غول ولا هم ينزون » «Коран, сура аль – Сафат, стих47». Языковеды разъяснили этот стих, говоря и описывая райский напиток, от которого нет головной боли. Абу Убайда разъяснил слово « غول – гаоль » так :

والغول أن تغتال عقولهم , которое обозначает « ал-гаоль – потеря умов », и сочинил стихотворение, содержание которого можно перевести следующим образом:

Вино искушает опытных и соблазняет неискушенных

Мухаммед бин – Мукрим говорил, описывая райский напиток: те, кто пьет его - لا تغول عقولهم ولا يسكرون - « не потеряют свой ум и не будут пьяными » (Тадж аль – Арус, т.8, с.51. Аль – Сихах фи аль – Алуга Валулум, с.214).

Из выше сказанного видно, что арабское слово, обозначающее одну из составляющих химического соединения « алкоголя », стало обозначать все соединение в целом.

Слово « غول – гаоль » было заимствовано другими языками с произно-

шением « Alcool », после чего подчинилось языковой системе другого языка, когда добавили звук [h], оно стало произноситься как «Alkohol». После всех этих изменений слово вернулось в арабский язык, но уже сильно изменённым под иностранным влиянием. Тогда русский язык и позаимствовал иностранное слово в его специфическом произношении «alkohol». Но русские только изменили звук (h – ح) - [г], и слово приобрело сегодняшнее звучание «алкоголь».

Из вышесказанного видно, что слово « غول - гаоль » исконно арабское, а слово «алкоголь» не имеет никакого отношения к арабскому языку. Те, кто относит слово « алкоголь » к арабскому языку, абсолютно не правы.

Яшма - непрозрачный поделочный камень пестрой окраски; идёт на разные поделки « на выделку чаш, ваз и т.п. ». Русские словари относят его к арабскому языку (Лехин и Петров, 1964г. с.773; Смирнов, 2000г. с.764; Фасмер, с.572».

Арабские словари приводят те же значения, но они относят это слово к персидскому или еврейскому языкам (Аль – Сихах фи аль–Алуга Валулум, т. II, с. 2302; Аль - Мунджид, с.926; Мухит аль- Мухит, т II, с.722».

Ошибка в определении происхождения этого слова у востоковедов произошла, видимо, оттого, что они исходили из наличия этого камня и его использования арабскими мастерами.

В действительности это слово персидское, так как оно отмечено в персидском языке гораздо раньше (Аль- Муэдхам аль-захаби Фрханк Тилаии, с.769).

Таким образом, сравнительное исследование формы и содержания слова позволяет уточнить его истинное происхождение и выявить особенности семантики, проследить историю развития значений многозначных слов.

Библиографический список

1. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – С- Пб., 2000.
2. Лехина И.В., Петрова Ф.Н. Словарь иностранных слов. – М., 1964.
3. Смирнов Л.Н. Словарь иностранных слов и выражений. – М., 2000.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – в 4-х т. – М., 1964.
5. The Assyrian dictionary, the university of Chicago 1956-1964.

References

1. Kouzhetsov S.A. Great dictionary of Russian language. – St. Petersburg, 2000.
2. Lekhina I.V., Petrova F.N. Dictionary of foreign terms. – M., 1964.
3. Smirnov L.N. . Dictionary of foreign terms and expressions. – M., 2000.
4. Fasmer M. Etymological dictionary of Russian language: 4 vol. – M., 1964.
5. The Assyrian dictionary, the university of Chicago 1956-1964. Letter A, letter G.

УДК 801.3=82(045/046)

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Сычева Л.В.
Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, senior lecturer
Sychyova L.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48*

Л.В. Сычёва

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ В.В. НАБОКОВА

В статье рассматриваются и анализируются принципы отбора и функционального использования иноязычных вкраплений в русских оригинальных художественных текстах В.В. Набокова.

L.V. Sychyova

FOREIGN ELEMENTS IN NABOKOV'S WORKS

The article deals with foreign language expressions in Nabokov's original Russian novels, the principles of their selection and functional usage.

Русская зарубежная литература XX века – почти неисследованная область русской национальной культуры. Между тем это одна из блестящих страниц отечественной культуры, созданная крупнейшими её мастерами, оказавшимися в силу тех или иных обстоятельств в эмиграции после Октябрьской революции. Самыми крупными центрами русской эмиграции в Европе стали Франция и Германия.

Материалом нашего исследования являются романы, повести, рассказы, сборники воспоминаний В.В. Набокова, которые отражают не только культуру народа, но и культуру своего времени. Набоков, как и другие писатели, жившие в эмиграции, был верен России и стремился сохранить свою "русскость", поэтому всё лучшее и живое, что развивалось в эмигрантской литературе, питалось ностальгическими соками родной земли, русской классики [1, 8].

Кроме того, писатель был воспитан в культурных традициях русских интеллигентных семей конца 19 – начала 20 в. Эти традиции предполагали свободное владение несколькими иностранными языками, а также непременно изучение древних языков.

Знание нескольких языков (полилингвизм) – характернейшая черта писателей-эмигрантов первой волны. Это способствовало, с одной стороны, их умению переключаться с одного языка на другой в условиях неродной языковой среды, а не строить макаронический дискурс; с другой стороны, обусловило определённые особенности их русской речи в области лексики, грамматики и фонетики [2, 36]. Таким образом, верно то, что причиной полилингвизма являются «социальные факторы, разные в различные исторические периоды, а его целью - обслуживание разных видов общения или отдельных социальных слоёв этнического коллектива, или всего коллектива в целом» [3,14].

Язык произведений В.В. Набокова с точки зрения присутствия в нём иноязычных элементов не был темой отдельного исследования. Усвоив старые русские литературные традиции, писатель оказался в неродной языковой среде, где испытал влияние других языков на язык своих произведений.

Результатом языкового контактирования выступает появление в речи (устной или письменной) иноязычных вкраплений (ИВ), представляющих собой слова, словосочетания, фразы, отрывки текста и тексты на иностранном языке, включённые в русскую речь без изменений или с теми или иными изменениями [4, 23]. Языковой контакт определяется в лингвистической литературе как "попеременное использование двух и более языков одними и теми же лицами" [5, 61].

Одним из признаков ИВ считается их неассимилированность, неосвоенность, употребление часто в графике языка-источника, но этим признаком обладает лишь часть ИВ. Другая их часть удовлетворяет признаку окказиональности (невоспроизводимости в литературной речи), но есть и узуальные ИВ, регулярно используемые в тот или иной период развития русской литературной речи в определённых речевых стилях и составляющие международный фразеологический фонд (МФФ).

Стилистическое использование ИВ определяется содержанием сообщения, в которое они включены. "Национально-культурное своеобразие содержания сообщения имеют прежде всего тексты (оригинальные и переводные), изображающие переменную и стандартные речевые ситуации, требующие от контактирующих использования иностранного языка или ИВ" [4, 142].

В стандартных речевых ситуациях вербальное и невербальное поведение человека подчиняется определённым законам. "К числу переменных речевых ситуаций мы относим такие, в которых форма речи существенно меняется в зависимости от обстоятельств" [4, 142]. Для нашей работы важно использование сконструиро-

ванной типовой речевой (переменной) ситуации, которая "характеризуется набором признаков, влияющих на выбор языка общения и характер проявления двуязычия у билингов: 1) место языкового контакта (родная страна, заграница); 2) характеристика контактирующих (национальность, социальный статус, пол, гражданство); 3) степень владения родным и иностранным языком (от нулевого до "в совершенстве"); 4) цель общения (установка на качество речи)" [4, 142].

ИВ, введенные в текст в связи с его национально-культурной спецификой, могут обозначать предметы и явления нерусской культуры, участвовать в изображении жизненных или сюжетных ситуаций, где в качестве действующих лиц выступают носители нерусской культуры. Национально-культурная специфика текста складывается из многих составляющих, в том числе из участия в речевом акте персонажей-билингов, из изображения реалий чужой культуры или действия, происходящего в условиях чужой культуры, и некоторых других.

Целью нашего исследования является выявление общих норм употребления, отбора и функционального использования ИВ в художественной прозе В.В. Набокова.

В исследованном материале нами было выявлено меньшее число ИВ, что объясняется тоской писателя по всему русскому, традиционному, христианскому. Больше всего вкраплений из немецкого языка (70%), затем по частотности употребления следуют вкрапления из французского, английского, латинского языков.

Большая часть ИВ в текстах прямо связана с национально-культурным содержанием сообщения (со стандартной или типовой переменной речевой ситуацией, воспроизведённой в произведении), или с темой (предметом) сообщения. Такие ситуации изобразил В. Набоков в романах "Подвиг", "Камера обскура".

Это бывает в тех случаях, когда, кроме своего родного, иностранцы никакого другого языка не знают (таких вкраплений сравнительно немного). Например, у Набо-

кова в романе "Камера обскура" героиня немка разговаривает с сиделкой француженкой, не знающей немецкого языка (Он стоил всё-таки двадцать тысяч марок. Auto... mille, beaucoup mille marks – обратилась она к сиделке – vous comprenez? Бруно, как по-французски двадцать тысяч?).

Встречаются случаи изображения авторами ситуаций, когда нерусский собеседник-билингв знает русский язык, а русский не знает языка собеседника. Так, в романе «Подвиг» американец изъясняется с героем при помощи контаминированной русской речи (присутствует интерференция на грамматическом уровне). «... Паткин, считавший, что карантин должен быть обоюдный, кричал на него: «Я тебя утону!».

Встречаются случаи, когда русская речь даётся в иноязычном графическом оформлении, так в романе Набокова "Машенька" герой находит следующую телеграмму: "priedy subboty 8 utra". Выбор такой графики позволяет создать объёмный текст, изображающий узнаваемую действительность, ведь герои романа эмигранты, живущие в Германии.

Местом действия произведений писателей-эмигрантов часто становится заграница, и героями произведений являются люди нерусской культуры, совсем не знающие русского языка, поэтому в текстах В. Набокова много нулевых ИВ. Они представляют собой обычный русский переводной текст или отрывок такого текста, включённый в оригинальную русскую речь, например в романе Набокова "Защита Лужина" его герой приезжает в Германию, что предполагает немецкий язык в передаче разговоров персонажей.

Также довольно многочисленны случаи использования в текстах полных ИВ, представляющих собой вставленный без всяких изменений в принимающий их текст отрезок текста на иностранном языке. Как правило, они передают речь героев-иностранцев, демонстрируют тексты песен, пословицы, крылатые выражения, различные надписи, т.е. передают национально-культурную специфику содержания сообщения, например, немецкие и французские

вкрапления – названия улиц, площадей, театров, кафе в произведениях писателя, посвящённых описанию культурных реалий других стран.

В исследованном материале есть ИВ, участвующие в изображении вариативной речевой ситуации, при которой используются как иностранный, так и русский языки, так как общение осуществляется билингвами. Например, в речи персонажей Набокова многочисленны французские вкрапления, полные, частичные разных типов в графике языка-источника, передающие особенности речи представителей высшего общества России, в которой были естественны ИВ, если даже использовался при общении русский язык. Например: «Imprayable се, разумеется, - прошептал он, несколько запоздало оценив шутку.» (Приглашение на казнь).

Художественной речи писателей-эмигрантов свойственно употребление ИВ не только той страны, где они жили, но и слов других языков. Они оформляются иногда как инкрустации из чужого языка, иногда передаются русскими буквами, с кавычками или без них. Например: «Благодарю Вас за очаровательную крисмаскарточку и милые слова» (Другие берега).

Иногда использование ИВ поддерживалось отсутствием точного однословного эквивалента в русском языке. Например: «Видаю здесь множество людей, стараюсь найти какой-нибудь литературный или университетский джоб, но пока ничего не наклёвывается» (Другие берега).

Казалось бы, что в русском языке имеется точный эквивалент *работа*. Однако английское *job* ассоциируется и с должностью, и с заработком, поэтому оно может быть одновременно употреблено с обоими прилагательными. Сказать же по-русски «найти литературную или университетскую работу» нельзя, равно как и «найти литературный или университетский заработок».

Меньшую часть в исследованном материале представляют вкрапления, ассоциативно связанные или совсем не связанные с национально-культурным своеобразием содержания сообщения. Это, как правило,

слова и выражения из европейских языков, вошедшие в МФФ. Например, Набоков вводит в авторскую речь романа "Камера обскура" латинское вкрапление, относящееся к МФФ: «Чипи ...появилась на новом рисунке Горна со скромно опущенными глазками, с цветком в лапке и с лаконичной надписью «Noli me tangere». Являясь стилистическим средством речевого выражения, такие фразы, даже с предельно кратким контекстом, обладают яркой экспрессивно-эмоциональной насыщенностью, что обеспечивает их живучесть в языке.

Традиция XIX века "украшать" вкраплениями из МФФ речь автора и пер-

сонажей в художественных произведениях сохраняется и в русской литературной речи писателей-эмигрантов начала XX века.

Таким образом, В.В. Набоков во многом продолжает традиции отбора, использования и ввода ИВ в тексты, сложившиеся в XIX веке в русской литературной речи. Эти выражения не утратили своей "престижной" функции, т.е. они продолжают использоваться для украшения речи образованных людей. Однако нужно отметить, что общее количество ИВ снизилось по сравнению с текстами этого стиля XIX века. Это объясняется тоской писателя-эмигранта по всему русскому, русской старине.

Библиографический список

1. Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.- С. 8.
2. Язык русского зарубежья: Общ. процессы и речевые портреты/ Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз.им. В.В. Виноградова; Отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Вена: Яз. слав. культуры: Wiener Slawistischer Almanach, 2001.- С. 36.
3. Проблемы двуязычия и многоязычия./ Ред. колл. Азимов П.А. (отв. ред.), Дешериев Ю.Д., Филин Ф.П. и др. – М.: Наука 1972.- С. 14.
4. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. – Воронеж, 1986. – С. 23-144.
5. Хаугэн Э. Языковой контакт. // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 61-81.
6. С того берега: Писатели русского зарубежья о России в 2 т. - М., 1992.

References

1. Sokholov A.G. The fortune of Russian literary emigration in 1920-s. – M.,1991.- P. 8.
2. Language of Russian emigration: General process and speech portraits. – M.: Vienna: 2001.- P. 36.
3. Problems of bilingual and multilingual situation. – M.,1972.- P. 14.
4. Listrova-Pravda J.T. Selection and usage of foreign droplets in Russian literary speech in 19th century. – Voronezh, 1986. – P. 23-144.
5. Howgen E. Language contact. // New in linguistics. – M., 1972. – Vol. 6. – P. 61-81.
6. From the other bank: Russian emigrant writers about Russia: 2 vol. - M., 1992.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 811.111:378

*Воронежский государственный университет
Преподаватель кафедры английского языка
гуманитарных факультетов факультета
РГФ Панкова Т.Н.*

*К. филол. наук, преподаватель кафедры ан-
глийского языка гуманитарных факультетов
факультета РГФ Соловьёва И.Ю.*

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 20-84-41

Voronezh State University

*The department of Romanic and Germanic
philology, humanitarian faculty, the chair of
English language, lecturer Pankova T. N.,*

*The department of Romanic and Germanic
philology, humanitarian faculty, the chair of
English language, candidate of philological
sciences, lecturer Solovieva I. U.*

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 20-84-41

Т. Н. Панкова, И. Ю. Соловьёва

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются межкультурные особенности в процессе подготовки специалистов в области иноязычной культуры. В данной работе выделяются основные источники проблем, связанные с межкультурным общением в ходе преподавания иностранного языка.

T. N. Pankova, I. U. Solovieva

CROSS-CULTURAL SPECIFICATIONS IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

The article deals with cross-cultural specifications in the development of the specialists in cross-cultural communication. The main reasons of problems concerning cross-cultural communication in teaching foreign languages are singled out.

В условиях трансформации современного общества, ищущего свою социокультурную идентичность, стремящегося создать эффективную систему социальной организации, потребность в исследовании проблем межкультурной коммуникации возрастает. Проблемы межкультурного общения оказываются не менее важными, а подчас и более напряжёнными, чем политические и экономические. Их острота обнаруживается во взаимодействии разных стран, вновь утверждающих свою самобытность, культурную специфичность и государственный язык.

Это требует осмысления сложившейся межкультурной коммуникации.

Практические потребности межкультурной коммуникации задают направление новых теоретических поисков, приводят к переосмыслению традиционных идей, выявляют острую необходимость в научной парадигме, базирующейся на эвристических возможностях коммуникации и культуры.

Интеграция знаний, накопленных в области межкультурной коммуникации, осуществляется посредством выявления межкультурных различий, специфики

культур как предпосылок их взаимопонимания и взаимодействия, определения механизма межкультурного общения и факторов, способствующих успешной адаптации субъектов межкультурной коммуникации.

Проблема межкультурной коммуникации является одной из самых главных в системе гуманитарного знания и требует своего теоретического и практического анализа в преподавании иностранных языков. Несомненно, последнее связано с тем, что в процессе коммуникации всё большее значение приобретает культура, и наличие языковых знаний оказывается недостаточным для адекватной коммуникации, а главное – для представителей иного культурного сообщества. Следствием научного интереса к данной проблеме в нашей стране стало интенсивное развитие международных контактов, что привело к появлению исследований в сфере преподавания иностранных языков, образованию центров межкультурной коммуникации и изучению данного вопроса на уровне межэтнических отношений.

Изучение иностранного языка как средства межкультурного общения в отличие от традиционного подхода направлено на развитие лично значимых смыслов, представлений, понимания системы ценностей носителей той или иной культуры. Будущим специалистам необходимо дать обязательный минимальный объём знаний об особенностях партнёра по коммуникации как представителя конкретной лингвокультурной общности, познакомить со спецификой коммуникативного поведения и теми ценностями, которые приняты в иноязычной культуре.

Как было отмечено выше, основной целью обучения иностранным языкам в языковом вузе является выход в реальное межкультурное общение. В последнее время прослеживается переход к социо- и межкультурной парадигме преподавания. Её основу составляет когнитивно-коммуникативный подход, который, наряду с обучением иностранному языку как средству общения, нацеливает не только на включение культуры в содержание обуче-

ния, но и на сравнение и оценку собственной и иноязычной культуры.

Центрообразующим началом и основным целевым назначением когнитивно-коммуникативной парадигмы является формирование культурно-языковой личности специалиста по иностранным языкам, обладающей языковой, коммуникативной, прагматической, дискурсивной и межкультурной компетенцией. Необходимо отметить, что последняя присутствует как компонент во всех названных выше видах компетенции.

Изменение парадигмы и целеустановок обучения приводит к иным методологическим позициям относительно модернизации содержания обучения иностранным языкам. В соответствии с этим речь идёт о включении дискурса в содержание обучения, поскольку данный коммуникативный феномен обладает социокультурной дистрибуцией, что позволяет реализовать взаимосвязь языка и культуры и в зависимости от целей обучения использовать различные его типы в учебном процессе.

Понятие иноязычной культуры в межкультурной коммуникации позволяет решить лингводидактические и методические вопросы, связанные с обучением иностранному языку как средству межкультурного общения, в котором главное внимание направлено на развитие когнитивной способности обучаемого и качеств сознания.

При обучении иностранному языку в контексте межкультурного общения необходимо выделять два основных источника возникновения проблем:

1. Первый и наиболее очевидный – это ситуации, в которых преподаватель работает в другой стране, то есть является иностранцем для своей аудитории. В этом случае взаимное незнание культурных норм может привести к дезориентации аудитории и межкультурным конфликтам. В качестве примеров здесь можно привести требование американского преподавателя к иранским студентам обращаться к нему на «ты»; обсуждение темы «Dating» в аспекте говорения со студентами с Востока и т.п. Такие конфликты, обусловленные

прежде всего межкультурными (чаще всего межнациональными) различиями, достаточно хорошо описаны и изучены в многочисленных работах по межкультурной коммуникации.

2. Второй источник конфликтов в процессе преподавания иностранного языка в контексте межкультурного общения гораздо менее очевиден, поскольку он не подразумевает участие представителей различных национальных культур. Тот факт, что межкультурная коммуникация в сознании многих зачастую приравнивается к коммуникации интернациональной, мешает осмыслению проблем, возникающих в такой, казалось бы, монокультурной студенческой аудитории, как российская.

Однако понятие «культура» в межкультурной коммуникации рассматривается как характеристика любой (не обязательно национальной) социальной группы. Таким образом, необходимо признать, что проблемы межкультурного характера могут возникать и в том случае, когда и преподаватель, и аудитория относятся к одной и той же национальной культуре.

Очевидно, что приведённые выше источники проблем могут негативно повлиять не только на ход занятий, но и на то, каким образом сложатся дальнейшие отношения как между членами группы, так и между членами группы и преподавателем.

Можно предположить, что обучение иностранному языку в аспекте межкультурной коммуникации, в котором всё чаще применяются методы активного образования, с повышенной степенью вероятности индуцируют данные источники проблем.

В этой связи необходимо рассмотреть возможности преодоления их возникновения.

Преподавателю следует заранее прогнозировать критические ситуации и строить занятие таким образом, чтобы не провоцировать их. Это может происходить путём отбора тем для занятия (исключение «опасных» тем) или путём преподавания таких тем на сугубо теоретическом уровне, исключая их непосредственное применение к ситуациям в повседневной жизни.

Такая стратегия, пожалуй, в наивысшей степени обеспечивает бесконфликтность учебного процесса. Однако её применение имеет свои особенности. В частности, для того чтобы иметь возможность исключить темы, способные спровоцировать конфликт в группе, преподавателю необходимо обладать информацией о том, о каких темах может идти речь, то есть быть в курсе не только об академической, но и повседневной жизни студентов (а это, без сомнения, не всегда осуществимо). Кроме того, перевод занятий на сугубо теоретический уровень не всегда отвечает прикладному характеру данной дисциплины, цель преподавания которой в том и состоит, чтобы обучить студентов применять теоретические знания в практике межкультурного общения.

Преподавателю необходимо быть готовым к тому, чтобы в случае возникновения межкультурных конфликтов на некоторое время отступить от основной темы занятий в ходе обучения и, применив определённые психологические методики (например, метод метокоммуникации, метод отстранённой дискуссии и т. п.), вывести группу на уровень конструктивного осмысления конфликтов. Эта стратегия, направленная на осознанную работу с личностными и групповыми конфликтами, в конечном счёте способствует переосмыслению собственной позиции по отношению к чужим культурам и их проявлениям и личностному развитию участников. В случае успеха она наиболее полно обеспечивает рост межкультурной компетенции как одного из аспектов социальной компетенции личности. Её применение ограничивается тем, что требует от преподавателя прежде всего глубокого знакомства с методиками психологических тренингов.

В процессе преподавания потенциально конфликтных тем преподаватель приводит примеры конфликтов и предлагает группе разобраться в них с позиций «независимого наблюдателя». Таким образом, он, с одной стороны, предвосхищает возникновение реальных подобных конфликтов в аудитории, а с другой – даёт группе возможность выработать собствен-

ную стратегию обращения с такими ситуациями, опираясь на чужой опыт. Такой подход предполагает наличие у преподавателя определённого опыта, а также знание возможных источников конфликта в группе. Одновременно он даёт возможность «безопасного» моделирования конфликтных межкультурных ситуаций и выработки стратегий их преодоления, что также является одной из целей преподавания иностранного языка в аспекте межкультурной коммуникации.

Выбор оптимальной стратегии для работы с проблемными ситуациями, вероятнее всего, является функцией тематики

преподавания, специфики конкретной аудитории, а также личностных качеств преподавателя. Иными словами, он является личным выбором каждого. В этой связи наибольшую важность представляют исследования в области разработки новых дифференцированных методик преподавания иностранного языка в аспекте межкультурной коммуникации, направленных на развитие межкультурной компетентности, усовершенствование навыков коммуникативного поведения в рамках межкультурного общения в повседневной жизни.

Библиографический список

1. Галочкина Е. Н. «Пусть меня научат ...» / Е. Н. Галочкина. Межкультурная коммуникация в учебной аудитории. / МГУ: Россия и Запад: диалог культур. Вып. 5. – М., 1998. – С. 362 – 372.
2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288с.
3. Рот Ю. Основные положения в преподавании межкультурной коммуникации / Ю. Рот // Межкультурная коммуникация как предмет исследования и преподавания в российских вузах: Материалы конференции. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – 188 с.
4. Matsumoto D. Culture and Psychology / D. Matsumoto. – Australia: Wadsworth, 2002. – 415p.
5. Richard K. Crossing Cultural Borders / K. Richard. – International Research Center: New York, 1999. – 330 p.
6. Ruben B. & Kealey D. / B. Ruben & D. Kealey // Behavioral assessment of communication competency and the prediction of cross-cultural adaptation // International Journal of Intercultural Relations. № 3. 1997. – P.15 – 48.
7. Ting-Toomey S. Communicating across Cultures / S. Ting-Toomey. – Guilford Press: New York, 1999. – 210 p.

References

1. Galochkina E. N. «Let them teach me...» / E. N. Galochkina. Cross-cultural communication at the lesson. / MSU: Russia and the West: dialog of cultures. Vol. 5. – M., 1998. – С. 362 – 372.
2. Goudkov D. B. Theory and practice of cross-cultural communication / D. B. Goudkov. – M., 2003. – 288 p.
3. Rot J. Main points of cross-cultural communication teaching / J. Rot // Cross-cultural communication as a subject of research and teaching in Russian universities. – Krasnoyarsk, 2003. – 188 p.
4. Matsumoto D. Culture and Psychology / D. Matsumoto. – Australia: Wadsworth, 2002. – 415 p.

5. Richard K. *Crossing Cultural Borders* / K. Richard. – International Research Center: New York, 1999. – 330 p.
6. Ruben B. & Kealey D. / B. Ruben & D. Kealey // Behavioral assessment of communication competency and the prediction of cross-cultural adaptation // *International Journal of Intercultural Relations*. № 3. 1997. – P.15 – 48.
7. Ting-Toomey S. *Communicating across Cultures* / S. Ting-Toomey. – Guilford Press: New York, 1999. – 210 p.

УДК 811.111:378

Воронежский государственный университет
Старший преподаватель кафедры зарубежной литературы Морозова Т.В.

Преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов факультета РГФ Панкова Т.Н.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 20-85-37

Voronezh State University

The chair of foreign literature, senior lecturer Morozova T.V.

The department of Romanic and Germanic philology, humanitarian faculty, the chair of English language, lecturer Pankova T. N.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 20-85-37

Т. В. Морозова, Т. Н. Панкова

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ СТУДЕНТОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В данной статье рассматриваются особенности обучения студентов в процессе подготовки специалистов в области иноязычной культуры. В работе анализируются некоторые современные подходы к обучению иностранным языкам, связанные с межкультурным общением в ходе преподавания иностранного языка.

T. V. Morozova, T. N. Pankova

SEVERAL MODERN APPROACHES TO TEACHING STUDENTS FOREIGN LANGUAGES

The aim of this article is to analyse and evaluate the problems that may rise in cross-cultural specifications in teaching students foreign languages and the development of the specialists in cross cultural communication. The main reasons of problems concerning cross-cultural communication in teaching foreign languages are singled out.

Общая цель обучения английскому языку, как известно, состоит в подготовке студентов к реальному межкультурному иноязычному общению в профессиональной среде.

В связи с динамично развивающимися условиями обучения переосмысливаются цели, задачи, содержание курса, совершенствуется структура, обновляется методическое обеспечение, приёмы обучения иностранному языку студентов в неспециальных вузах.

Современный рынок труда выдвигает новые требования к выпускникам вузов: профессиональные знания и умения – условия необходимые, но недостаточные в карьерном росте. Для успешной профессиональной адаптации требуется реализация всего личностного потенциала, профессионального сознания и самосознания квалифицированного специалиста. При этом чем большим количеством компетенций, расширяющих область профессионального сознания, обладает специалист, тем увереннее он будет выдерживать конкуренцию в профессиональном развитии, легче обучаться новым технологиям, осваивать новые специальности. Среди подобных компетенций особую важность представляют компьютерная, мультимедийная, иноязычная компетенции. Обладающий ими специалист имеет большие возможности в поиске и анализе информации, в межкультурной коммуникации, а следовательно, в более адекватной оценке результатов и перспектив своей профессиональной деятельности.

Согласно концепции модернизации российского образования на период до 2010 года, основной целью профессионального образования в высшей школе является подготовка квалифицированного специалиста соответствующего уровня и профиля, конкурентно способного, компетентного, способного к эффективной работе на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности. Соответственно, основной стратегической целью обучения иностранным языкам на неязыковых факультетах будет формирование специалиста, готового к профессиональной межкультурной коммуникации. В связи с этим необходимо провести обновление методов и подходов к обучению.

Под подходом к обучению иностранным языкам мы, вслед за многими авторами (И. Л. Бим, М. Н. Вятютнев, И. А. Зимняя, М. В. Ляховицкий, Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин, М. К. Колкова, И. Л. Колесникова, О. А. Долгина и др.), понимаем базисную категорию методики, определяющую теоретическую стратегию обучения языку и выбор технологии обучения, реализующей такую стратегию, то есть подход к обучению – это реализация ведущей, доминирующей идеи обучения на практике в виде определённой стратегии и с помощью того или иного метода обучения. В широком смысле подход выступает как самая общая методологическая основа исследования и обучения в конкретной области знаний, как методологическая основа разработки методов-направлений и, следовательно, методов-моделей обучения иностранным языкам.

Современным подходом к обучению иностранным языкам в условиях модернизации российского образования является компетентностно-деятельностный подход, который рассматривается в качестве теоретической базы построения системы обучения иностранному языку. Модернизация образования предполагает, что система обязательного формирования знаний, умений и навыков будет заменена набором компетентностей, формируемых у студентов на основе обновлённого содержания. При этом процесс освоения этого содержания должен носить деятельностный характер.

Подход к обучению определяет и выбор (или подготовку) средств обучения, в том числе учебника, который, по сути, является основным средством обучения и, соответственно, компонентом системы обучения иностранным языкам. Учебник, в свою очередь, а точнее учебно-методический комплекс (современный учебник иностранного языка пред-

ставляет собой многокомпонентный комплекс), не только отражает все компоненты этой системы обучения: цели, содержание, принципы, приёмы, формы, но и определённый концептуальный подход к обучению, обусловленный общественно-историческими факторами, уровнем развития науки.

Однако преподавание иностранного языка в неязыковых вузах не полностью реализует как образовательные запросы студентов, так и гуманитарный потенциал данной учебной дисциплины. Среди причин сложившейся ситуации можно отметить несовершенство учебных пособий, применяемых в учебном процессе. Обучая иностранному языку в русле традиционного образования, современные учебные пособия для неязыковых специальностей страдают недостаточным количеством аутентичного материала, отсутствием визуального ряда и персонифицированной информации. Также явно прослеживается недостаток компьютерного, мультимедийного сопровождения, то есть всего того, что делает учебное пособие по-настоящему актуальным, то есть отвечающим потребностям нашего времени.

В процессе преподавания иностранного языка проблему, вызванную отсутствием современных по содержанию учебных пособий, приходится решать методическими средствами.

Бесспорным является тот факт, что специалист должен уметь самостоятельно использовать знания, умения и навыки по иностранному языку в своей профессиональной деятельности для получения новой информации и для профессионального общения. Поэтому учебная деятельность должна быть приближена к профессиональной, чтобы обеспечить условия, в которых студент сможет научиться применять иностранный язык в данном аспекте. Для этого в обучении и была создана ситуация профессио-

нальной деятельности: межфакультетские проектные работы по развитию социокультурных навыков общения.

Следует отметить, что межфакультетские проектные работы по развитию социокультурных навыков общения успешно организуются и проводятся уже несколько лет подряд. Особое внимание уделяется материалу, с помощью которого иллюстрируются универсальные закономерности межкультурной коммуникации, их преломление в различных культурах, а также идиокультурные особенности их проявления. Критерии отбора иллюстративного материала вырабатываются параллельно с выявлением категориального аппарата и становятся, таким образом, одной из важных теоретических и методологических задач при разработке материала.

Данные соображения обусловили содержательную основу и организацию учебного процесса. Для облегчения познавательной и учебной деятельности студентов презентация тщательно структурируется и ещё до непосредственной подачи материала снабжается обширным перечнем заданий, в рамках которых не только формулируются вопросы по данной теме, но и даётся большой объём концептуальной теоретической и разнообразной фактической информации. Задания преподавателя в течение учебного процесса работы над презентацией носят проблемный и творческий характер и нацелены не только на тренировку или усвоение тех или иных положений, значимых теоретически или практически, но и на развитие у студентов умения аналитически мыслить, аргументированно излагать свою точку зрения, непредвзято и всесторонне рассматривать факты, избегать необоснованных обобщений, проявлять толерантность и культурную сенситивность. Что касается документальной организации материала в презентации, следует отметить, что не-

обходимым требованием является наличие списка используемой (цитируемой и дополнительной) литературы на разных языках, допускается приобщение словаря терминов, а также сведения об организации проектной работы.

Вне всякого сомнения, следует осознавать, что в процессе работы над презентацией возникают определённые сложности при решении вопросов, связанных, во-первых, с отбором тематико-содержательного материала для обсуждения, обоснованием логики изложения этого содержания, выбором анализируемых позиций, опубликованных в списке цитируемой и дополнительной литературы на разных языках; во-вторых, со способом и формой изложения, с учётом того, что адресатом межфакультетской проектной работы и непосредственно самих презентаций являются студенты, нуждающиеся в ясности, чёткости формулировок, то есть в такой организации материала, которая, с одной стороны, облегчает восприятие и усвоение ими соответствующих сведений, а с другой – даёт более или менее полное, однако обозримое и внутренне непротиворечивое представление об изучаемой теме и её месте в системе профессиональной подготовки.

Ориентация деятельности студента на будущую работу требует создания учебно-профессионального общения на базе языкового материала по специальности, организации таких продуктов деятельности, как доклады на конференциях (презентации), отчёты, рефераты, обзоры, аннотации, приглашения и т. д.

В нашем случае обучение профессиональной устной и письменной речи организовано на базе подготовки и проведения межфакультетских проектных работ (презентаций) по развитию социокультурных навыков общения (по специальности). В этой ситуации, без сомнения, специалист реально пользуется

иностранным языком для осуществления своей речевой деятельности. Остальные виды его профессиональной деятельности (чтение специальной литературы, подготовка собственных публикаций, переписка с зарубежными коллегами и т. д.) рассматриваются нами как моменты подготовки к проведению межфакультетских проектных работ и презентаций на любых других конференциях. Именно в условиях организации и непосредственного проведения таких мероприятий иностранный язык максимально востребован.

В ходе этой работы осуществляется переход студентов на креативный этап формирования готовности к самообучению. Содержание работы включает действия, которые реализуются в индивидуальной и коллективной профессионально ориентированной творческой познавательной деятельности.

В условиях подготовки межфакультетских презентаций, когда обучающиеся при помощи преподавателей обеспечивают работу «иностранной» секции научной студенческой конференции вуза, стимулируется развитие активного познавательного интереса в мотивационной структуре личности, повышается уровень самостоятельной обучаемости, в познавательную деятельность включаются творческие силы личности и реализуется её творческий потенциал. Проявляя творческую активность, многие студенты от чтения с определённой учебной или узкой практической целью переходят к чтению в широких познавательных целях, для удовлетворения более глубоких потребностей получения профессиональных знаний, самообразования. У наиболее успешных студентов отмечается тенденция к чтению на иностранном языке по собственной инициативе.

Представляется целесообразным сделать промежуточный вывод о том,

что практические потребности межкультурной коммуникации задают направление новых теоретических поисков, приводят к переосмыслению традиционных идей, выявляют острую необходимость в научной парадигме, базирующейся на эвристических возможностях коммуникации и культуры.

Интеграция знаний, накопленных в области межкультурной коммуникации, осуществляется посредством выявления межкультурных различий, специфики культур как предпосылок их взаимопонимания и взаимодействия, определения механизма межкультурного общения и факторов, способствующих успешной адаптации субъектов межкультурной коммуникации. Проблема межкультурной коммуникации является одной из самых главных в системе гуманитарного знания и требует своего теоретического и практического анализа в преподавании иностранных языков. Несомненно, последнее связано с тем, что в процессе коммуникации всё большее значение приобретает культура, и наличие языковых знаний оказывается недостаточным для адекватной коммуникации, а главное – для представителей иного культурного сообщества. Следствием научного интереса к данной проблеме в нашей стране стало интенсивное развитие международных контактов, что привело к появлению исследований в сфере преподавания иностранных языков, образованию центров межкультурной коммуникации и изучению данного вопроса на уровне межэтнических отношений.

Изучение иностранного языка как средства межкультурного общения в от-

личие от традиционного подхода направлено на развитие лично значимых смыслов, представлений, понимания всей системы ценностей носителей той или иной культуры. Будущим специалистам необходимо дать обязательный минимальный объём знаний об особенностях партнёра по коммуникации как представителя конкретной лингвокультурной общности, познакомить со спецификой коммуникативного поведения и теми ценностями, которые приняты в иноязычной культуре.

Как было отмечено в начале статьи, основной целью обучения иностранным языкам в языковом вузе является выход в реальное межкультурное общение. В последнее время прослеживается переход к социокультурной и межкультурной парадигме преподавания. Её основу составляет когнитивно-коммуникативный подход, который наряду с обучением иностранному языку как средству общения нацеливает не только на включение культуры в содержание обучения, но и на сравнение и оценку собственной и иноязычной культуры.

Таким образом, для того чтобы подготовить специалистов, владеющих системой знаний, умений и навыков для осуществления различных видов иноязычной деятельности и способных самообучаться и проявлять высокий уровень творческой активности, необходимо обеспечить комплексную организацию познавательной деятельности студентов на основе иноязычных профессионально ориентированных материалов.

Библиографический список

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – СПб.: Златоуст, 1999. – 425 с.
2. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учебное пособие / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – 2-е изд., дополн. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – 424 с.
3. Фёдорова О. Н. К вопросу повышения эффективности процесса обучения английскому языку в неязыковом вузе торгово-экономической направленности // Языковое образование в вузе: Методическое пособие для преподавателей высшей школы, аспирантов и студентов. СПб.: КАРО, 2005. – С. 70-87.
4. Tsurikova L. Cross-cultural analysis of conversational norms in Russian and English / L. Tsurikova. – “Heritage and Progress. From the past to the future in intercultural understanding.” SIETAR Europa Congress 1998 Proceedings. D. Lynch and A. Pilbeam (eds.) – LTS Training and Consulting, Bath, UK, 2000. – P. 78 – 85.
5. Tsurikova L., Evanson V. Advice: A Pragmatic Approach To Teaching Functions in English / L. Tsurikova., Evanson V. – “Revista de lenguas para fines especificos”, La Universidad de las Palmas de Gran Canaria. – 1995. – No 2. – P. 4 – 10.

References

1. Asimov E. G., Shchukin A. N. Dictionary of methodology terms (theory and practice of teaching languages). / E. G. Asimov, A. N. Shchukin. – St. Petersburg, 1999. – 425 p.
2. Grishaeva L.I., Tsurikova L.V. Introduction to the theory of cross-cultural communication / L.I. Grishaeva, L.V. Tsurikova. – 2nd edition. – Voronezh, 2004. – 424 p.
3. Fedorova O. N. To the improvement of English teaching process in non-linguistic institute specialized on trade and economics. // Language education in higher school. – St. Petersburg, 2005. – P. 70-87.
4. Tsurikova L. Cross-cultural analysis of conversational norms in Russian and English / L. Tsurikova. – “Heritage and Progress. From the past to the future in intercultural understanding.” SIETAR Europa Congress 1998 Proceedings. D. Lynch and A. Pilbeam (eds.) – LTS Training and Consulting, Bath, UK, 2000. – P. 78 – 85.
5. Tsurikova L., Evanson V. Advice: A Pragmatic Approach To Teaching Functions in English / L. Tsurikova., Evanson V. – “Revista de lenguas para fines especificos”, La Universidad de las Palmas de Gran Canaria. – 1995. – No 2. – P. 4 – 10.

УДК (811.111 + 811.161.1)= 030

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Канд. филолог. наук, доц. кафедры иностранных языков Кочнева М.Г.
Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of foreign languages, candidate of pedagogical sciences, prof., Kochneva M.G.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

М.Г. Кочнева

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОШИБОК В УЧЕБНЫХ И НАУЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ

Статья посвящена анализу ошибок, которые встречаются в учебных и научных переводах. Проведена их классификация на основе лингвистических критериев. Выделены шесть групп ошибок, а именно: морфологические ошибки, ошибки в употреблении лексических единиц, ошибки на уровне структуры предложения, орфографические ошибки, транскрипционные и пунктуационные ошибки.

M.G. Kochneva

IDENTIFICATION OF MISTAKES IN EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC TRANSLATIONS

The article deals with the analysis of mistakes made by teachers and translators in educational and scientific texts. The classification of mistakes is done on the basis of linguistic criteria. Six groups of mistakes are pointed out, namely: morphological mistakes, mistakes in using lexical units, mistakes in sentence structure, spelling mistakes, mistakes in transcription, and punctuation mistakes. All of them are demonstrated by examples.

Анализ методической и лингвистической литературы в области переводческой деятельности показывает, что проблеме, связанной с анализом ошибок при переводе учебных и научных материалов и причинах их возникновения, до настоящего времени не уделяется должного внимания. В научной литературе появлялись работы, касающиеся переводческих ошибок, но они были связаны с определенными лингвистическими темами, такими как смешение паронимов, “ложные друзья переводчика”, деформация и т.д.[1.2].

© Кочнева М.Г., 2008

Н.К. Грабовский в своем фундаментальном труде “Теория перевода”[3] посвящает целую главу данной проблеме под названием “Типология переводческих ошибок”, в которой он рассматривает различные виды ошибок, допускаемых профессиональными переводчиками при переводе художественных текстов различного жанра. В семи параграфах данной главы он анализирует ошибки, обусловленные непониманием смысла исходного текста, ошибки понимания на уровне “знак – понятие”, ошибки понимания на уровне “знак – сложное понятие”, ошибки понимания на уровне “знак

– суждение”, ошибки понимания предметной ситуации, переводческие ошибки на этапе перевыражения системы смыслов и стилистические ошибки. В качестве примеров он опирался на художественные произведения М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”, Н.В. Гоголя “Портрет”, Б. Пастернака “Доктор Живаго”, М. Турнье “Лесной царь” и другие, переведенные на итальянский и французский языки. Л.К. Латышев и А.Л. Семенов в работе “Перевод, теория и методика преподавания” [4] анализируют переводческие ошибки, допускаемые при переводе текстов с русского языка на английский и немецкий языки. Причины возникновения ошибок они сводят к недостаткам “в трансляции исходного содержания ... и в адаптации содержания и формы текста на ПЯ к коммуникативной компетенции адресатов перевода” [4, 164].

В данной статье мы не претендуем на глубокое рассмотрение вышеуказанной проблемы и ставим узкую цель - привлечь внимание преподавателей-практиков, которым зачастую приходится по заданию технических кафедр переводить научные статьи и составлять различные учебные пособия и методические разработки для практического применения, к некоторым лексическим и грамматическим явлениям, которые вызывают трудности при переводе и способствуют появлению досадных ошибок. Тема статьи продиктована анализом некоторых научных переводов, выполненных преподавателями-практиками (а не профессиональными переводчиками), а также учебных пособий и методических разработок, составленных ими для различных целей, в том числе для развития навыков устной речи и для обучения чтению профильных текстов.

По лингвистическому критерию были выделены следующие группы ошибок: 1. Морфологические ошибки; 2. Ошибки в употреблении лексических единиц; 3. Ошибки на уровне синтаксической структуры предложения; 4. Орфографические ошибки; 5. Транскрипционные ошибки; 6. Пунктуационные ошибки.

Морфологические ошибки в основном наблюдаются в употреблении неличных форм глагола: герундия; причастия; некоторых глаголов, требующих после себя прямого дополнения; инфинитивных конструкций. При переводе с русского языка на английский преподаватели очень часто ошибочно после герундия от переходных глаголов вместо прямого дополнения, т.е. вместо существительного **без предлога**, употребляют существительное с предлогом **of**. Например: Название статьи переведено: *Teaching of English on the Basis of Authentic Materials* (вместо: *Teaching English ...*). Или: *Interviewing of foreign students ... have proved an urgent necessity of cross-cultural education* (вместо: *Interviewing foreign students ...*). Хотелось бы подчеркнуть, что при употреблении герундия следует иметь в виду, что он является формой глагола и потому требует после себя такого же дополнения, как и глагол в личной форме. Необходимо также знать, что далеко не от всех глаголов существительные образуются при помощи суффикса – **ing**. От многих глаголов существительные образуются другими способами. Например: *to manufacture – производить, manufacture – производство; to produce – производить; production – производство; to deliver – поставлять; delivery – поставка; to sell – продавать; sale – продажа; to investigate – исследовать; investigation – исследование*. Например дан такой перевод: *Producing machines has greatly increased in our country* (вместо: *The production of machines ...*). Или: *She devotes her paper to investigating the author`s comment* (вместо: *She devotes her paper to the investigation of the author`s comment*).

При употреблении причастия как настоящего, так и прошедшего времени (Participle I и Participle II) ошибки наблюдаются в их расположении по отношению к определяемому существительному. Необходимо помнить, что Participle I и Participle II обычно стоят **после** определяемого существительного, если они не выражают качества, а имеют ярко выраженное глагольное значение. Такие причастия могут быть заменены придаточными опре-

делительными предложениями. Зачастую можно встретить такие досадные ошибки: *The second chapter will deal with offered models, the obtained data ...* (вместо: *models offered, the data obtained...*) Или: *The load moment is the product of the lifting weight by the outreach* (вместо: *... the weight being lifted*). При переводе же на русский причастие стоит перед определяемым существительным, поскольку в русском языке причастие, не имеющее при себе пояснительных слов, всегда стоит перед определяемым существительным.

Из-за интерференции с русским языком зачастую вместо употребления эфатического (усилительного) оборота, который используется, когда надо выделить какой-то член предложения, дается дословный перевод со словом *namely*. Например, надо было перевести такое русское предложение: *Именно эта сила влияет на скорость вращения*. Дан перевод: *Namely this force influences the speed of rotation*. (вместо: *It is this force that influences ...*).

Или такое предложение: *В статье говорится, что ...* переводят как: *In the article it is said that ...* (вместо *The article says that...*).

Словосочетание: *еще в 2000 году* следует переводить как: *As far back as 2000* (или: *As long ago as 2000*), (но не *As far back as in 2000*).

Вместо Complex Subject, который характерен для научного стиля, употребляют сложноподчиненное предложение. Например, предложение: *Считается, что длина колодца равна L*. Перевели как: *It is considered that the well length equals to L*, допустив при этом ошибку, употребив предлог *to* после глагола *equal*, по видимому, перепутав со словосочетанием *to be equaled to*. Данное предложение экономичнее было бы перевести как: *The well length is considered to be equaled to L*.

Часто встречаются ошибки в согласовании сказуемого с подлежащим. Например: *The mechanisms of an expressive text formation... is shown ...* (вместо *are shown*).

При употреблении парных союзов *either...or ...* или *neither... or...* переводчику необходимо помнить, что если два подлежащих соединены этими союзами, то глагол-сказуемое согласуется с последним словом. Например: *Neither carburetor nor ignition mechanism is used in diesel engines*. Ни карбюратор, ни механизм зажигания не используются в дизельном двигателе. Или: *Either compressed air or mechanically operated pump is used for injecting fuel into the cylinder*. Топливо впрыскивается в цилиндр или сжатым воздухом, или механически управляемым насосом.

При употреблении существительного *majority*- большинство и словосочетания *a number of* – (несколько, ряд) сказуемое употребляется во множественном числе. Например: *The majority of present-day internal combustion engines operate on the four-stroke principle*. Большинство современных двигателей внутреннего сгорания работают на четырехтактном принципе. Или: *A number of new road-building machines have been designed in our country lately*. За последнее время в нашей стране был разработан ряд новых дорожно-строительных машин.

Много ошибок при переводе с русского языка на английский наблюдается при употреблении глаголов *to allow, to enable to permit* – позволять, давать возможность, после которых всегда следует употреблять прямое дополнение, а не инфинитив. Например, дан такой перевод: *... they permit to connect pore pressure and effective stresses in the form of ...* (вместо: *... they permit pore pressure and effective stresses to be connected ...* Или: *... they permit one/us to connect ...* . Или такой пример: *It will allow to improve the existing prediction of the methods ...* (вместо: *It will allow us/one to improve ...*).

После глаголов *to demand, to suggest, to insist* употребляется сослагательное наклонение с глаголом *should* и инфинитивом, или вместо *should* употребляется *Present Subjunctive*. Например, необходимо было перевести такое предложение: *Предлагается получить искомые величины в узлах треугольной и четырехугольной се-*

ток Переведено: *It is proposed to obtain the desired quantities at nodes of triangular and quadrangular grids ...* В этом предложении переводчик допустил несколько ошибок: во-первых, неправильно употребил наклонение после глагола *propose*, во-вторых, употребил термин *quantities* вместо *values* и пропустил артикль перед термином *nodes*. Предложение следовало перевести следующим образом: *It is proposed that the desired values of the nodes be obtained ...* Или: *It is proposed that the desired values of the nodes should be obtained ...*)

Часто допускаются ошибки в употреблении артиклей. Так, при использовании притяжательного падежа с именами собственными или географическими названиями следует помнить, что артикль перед ними опускается. Например: *Palmer's investigation* (а не *the Palmer's investigation*, но: *the Palmer investigation*); *Switzerland's rail modernization plan*; (но: *The Swiss government banned 40 t trucks from its roads*) [5].

При использовании сокращений, таких как *the USA, the USSR*, если они употребляются в качестве уточнений, артикль перед ними опускается. Например: *In Long-Beach (USA) land surface subsidence reached 7.6 m*.

Артикль никогда не опускается перед названиями горных цепей, рек, морей, некоторых стран и т.д. Например предложение: *Эти факторы наблюдались на Кавказе и Западной Украине* – было переведено как: *These factors were observed in Caucasian and West Ukraine*. Здесь допущены ошибки с употреблением нулевого артикля перед названиями местностей, а также неправильного употребления слова *Caucasian*, которое обозначает “кавказский, кавказец” вместо *the Caucasus (Кавказ)*. Предложение следовало перевести так: *These factors were observed in the Caucasus and the West Ukraine*.

Выражения “другими словами” (*in other words*), “в лучшем случае” (*at best*); “в качестве примера” (*by way of example*); “в случае” (*in case of*, не путать с “*in the case of*” – “в отношении”) употребляются без артикля.

Зачастую встречаются ошибки в употреблении предлога “несмотря на”, который в английском языке может переводиться как: *in spite of, despite, notwithstanding*. Следует помнить, что предлоги *despite* и *notwithstanding* употребляются самостоятельно, без дополнительного предлога “*of*”.

В учебных пособиях и методических разработках, составленных преподавателями-практиками, встречаются грубые ошибки при употреблении вопросительных предложений. Например, можно встретить: а) вопросительные предложения с двумя подлежащими: *What does it mean “barter”?* (Вместо: *What does “barter” mean?*). Или: *What does it mean an experienced accountant?* (Вместо: *What does an experienced accountant mean?*); б) с неправильным порядком слов: *How can be formed an equity funding?* (Вместо: *How can an equity funding be formed?*); в) с неправильным ауксилиративным глаголом: *What points of view are you agree with?* (Вместо: *What points of view do you agree to?*). В данном случае надо иметь в виду, что глагол *to agree* может употребляться с двумя союзами. Если надо сказать: *согласиться с кем-то*, или *с чьими-то словами, предложениями*, то употребляется предлог “*with*”. Если же необходимо употребить выражение *согласиться с точкой зрения, с планом*, то используется предлог “*to*”.

Хотелось бы также обратить внимание на ряд других глаголов, в которых допускаются ошибки при употреблении предлогов. Так, глагол *to correspond with* переводится как *переписываться с кем-то*; а *to correspond to* – *соответствовать чему-то*. Глагол *to approve smth* – *утверждать, санкционировать*. Например: *to approve a plan, a resolution, etc* – *утвердить план, резолюцию* и т.д.; а *to approve of* – *одобрять*. Например: *to approve of smb's attitude* – *одобрить чье-то отношение*. *To be concerned about* – *заботиться о чем-то, о ком-то*; а *to be concerned with* – *касаться чего-то*.

Глаголы *to influence* – *влиять*, *to oppose* – *возражать*, *to need* – *нуждаться*, *to handle* – *обращаться с чем-то*, *to*

announce, to declare – объявлять о чем-то, *to refuse* – отказываться от чего-то, *to approach* – приближаться к чему-то, *to join* – присоединяться, *to increase* – увеличиваться (например: *to increase several times* – увеличиться в несколько раз), *to mention* – упоминать о чем-то употребляются без предлогов.

Вторая группа ошибок – это ошибки в употреблении лексических единиц.

Зачастую преподаватели-практики допускают подмену одной лексемы другой, неуместной в определенном контексте. Например, фразу “Предложение было принято” следует перевести как: *The suggestion was **accepted*** (а не *was adopted*). А “резолюция была принята” – *The resolution was **adopted*** (а не *accepted*). Или: предложение: “Различия были незначительны” необходимо перевести как: ***The difference** was slight*. Если же мы употребим слово *difference* во множественном числе, т.е. *differences*, то смысл предложения изменится, и оно будет переводиться как: *Разногласия незначительны – The differences were slight*.

Из-за интерференции с русским языком словосочетание “большие успехи” переводят как *great successes* вместо *great progress*. Например, предложение: “Наши ученые делают большие успехи в области информационных технологий” следует перевести как: *Our scientists are making **great progress** in the field of IT*. Или: *В этой области сделано много за последние годы. **Great progress** has been made in this field during the last few years*.

Зачастую встречаются ошибки в употреблении слов, называемых “ложными друзьями переводчика”. Например, предложение: “В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с преподаванием иностранного языка” переводят как: *The article considers some **actual** problems ...* (вместо: *topical, urgent, pressing*). Слово *actual* означает *фактический, существующий, подлинный, действительный, но “не актуальный”*.

Встречается неправильное употребление сложных предлогов, таких как: *because of, due to* в значении *из-за*. Здесь следует иметь в виду, что если в предложении есть отрицательный оттенок, то употребляется предлог *because of*. Если отрицательный оттенок отсутствует, то ис-

пользуется предлог *due to*. Например в предложении: “Электрический рычажный механизм редко используется **из-за** отсутствия достаточно мощного источника энергии” следует употребить предлог *because of*. *Electric linkage is seldom used **because of** the absence of a sufficiently powerful source of electric energy*. А в предложении: “Шины низкого давления более удобны **из-за** их упругости” необходимо использовать предлог *due to* (со значением *благодаря*). *Low pressure tires are more comfortable **due to** their elasticity*.

При чтении перевода, выполненного с русского языка на английский, нам встретилось такое предложение: ***More than that, the performed modeling calculations has shown that it is possible ...*** Кроме того, проведенные расчеты показали, что возможно ... Здесь допущено три ошибки: *из-за* интерференции с русским языком неверно использован предлог *кроме того*, причастие прошедшего времени (*performed*) следует поставить после существительного и правильно согласовать подлежащее со сказуемым. *Additionally, the modeling calculations **performed** have shown ...*

К ошибкам на уровне структуры предложения мы относим часто встречающийся неправильный порядок слов. Например, переводя заглавие статьи как: “*Practical Experience of Teaching English on the Basis of Authentic Materials to Non-Language Students*”, автор, по-видимому, забыл правило порядка слов в английском предложении, согласно которому косвенное дополнение всегда стоит перед прямым, а предложное дополнение после прямого. Кроме того, глагол “обучать” переводится *to teach smb smth*. То есть, заглавие следовало перевести следующим образом: “*Practical Experience of Teaching Non-Language Students English on the Basis of Authentic Materials*”.

В переводах часто встречаются ошибки в местоположении обстоятельств. Так, обстоятельство образа действия всегда должно стоять после дополнения (за исключением наречий: *usually* – обычно, *easily* – легко и т.д., которые могут занимать место перед глаголом), обстоятельство места должно стоять после обстоятельства образа действия, а обстоятельство времени после обстоятельства места, т.е. в конце

предложения (хотя оно может стоять и в начале предложения). Следует также помнить, что при наличии нескольких обстоятельств времени, более точные указания времени стоят перед более общими. Например: *The strongest earthquakes took place in the Gaslinsk gas field on the 8th of April 1996*. Или: *The construction of bridge beams collapsed catastrophically in North Carolina on Saturday 20 May* [5].

В учебных материалах встречаются ошибки в порядке слов, когда перед существительным идет несколько прилагательных. Например, предложение: “*Ее волосы длинные, черные и красивые*” было переведено дословно, с порядком слов русского предложения: *Her hair is long, black and beautiful*. В то время как существует четкое правило очередности перевода цепочки прилагательных, дающих информацию об определяемом существительном, а именно: прилагательные, выражающие субъективное мнение (такие как *beautiful-красивый, nice –прекрасный, intelligent – умный* и т.д.) всегда стоят на первом месте. Прилагательные, относящиеся к качественной оценке, также имеют свою определенную очередность: сначала идет обозначение длины (*how big*), затем возраста (*how old*), затем цвета (*what colour*), затем места производства (*where from*) и из чего сделано (*what is it made of*), а затем уже определяемое существительное [6]. Поэтому приведенное выше предложение следовало перевести так: *Her hair is beautiful, long and black*.

К орфографическим ошибкам относятся, в основном, неправильно написанные географические названия и имена собственные. Так, при знакомстве с учебными материалами нам встретились ошибки в написании таких слов, как: *St.Petersburg* (а не *St.Petersburgh*), *Edinburgh* (а не *Edinburg*), *philology* (а не *phylology*), *philosophy* (а не *phylosophy*), *aesthetics* (а не *asthetic*), *philharmonic* (а не *philarmonic*) и другие.

Ошибки встречаются в написании существительных производных от глаголов. Например: *advice – совет*, но *to advise – советовать*; *practice – практика, применение*, но *to practise – практиковать, применять*.

Среди транскрипционных ошибок преобладают ошибки при транскрибировании существительных или прилагательных

производных от глаголов. Например: *estimate, n* [ˈestɪmqt] – *оценка, смета*, но *to estimate* – [ˈestimeɪt] – *оценивать*; *increase, n* [ˈɪnkri:s] – *увеличение, прирост*, но *to increase* [ɪnˈkri:s] – *увеличиваться, возрастать*; *decrease, n* [ˈdi:kri:s] – *уменьшение, спад*; но *to decrease* [ˌdi:ˈkri:s] – *уменьшаться, убывать*.

К пунктуационным ошибкам относятся ошибки в не выделении запятыми словосочетаний, предлогов и наречий, употребляемых в качестве вступительных, таких как: *besides* (*кроме того*); *moreover, furthermore* (*кроме того*); *however* (*однако*); *firstly, secondly, thirdly, etc.* (*во-первых, во-вторых, в третьих и т.д.*); *on the one hand* (*с одной стороны*); *on the other hand* (*с другой стороны*) и другие.

Отсутствие запятой, которая обязательна при употреблении абсолютного причастного оборота, приводит к большой трудности понимания предложения и к его неправильному переводу. Например: *In the second half of the 18th century a period of intensive road building began, the rate of building being dependent upon the rate of development of industry and commerce in various states*. В этом предложении использован абсолютный причастный оборот, стоящий в конце предложения после запятой, и его надо переводить с союзом “при этом”. *Во второй половине 18 века начался период интенсивного строительства дорог, при этом скорость строительства зависела от скорости развития промышленности и торговли в различных штатах*.

Необходимо также помнить, что запятой отделяются обстоятельственные придаточные предложения, если они стоят перед главным предложением. Например: *Before tunnel construction could start, it was necessary to carry out some preliminary work*. *Перед строительством туннеля необходимо было выполнить подготовительные работы*.

Когда обстоятельственные предложения стоят после главного предложения, запятая не нужна, если они не очень распространенные. Например: *He will become a highly qualified specialist if he work hardly*.

Герундиальные обороты, стоящие в начале предложения, также отделяются запятой. Например: *After passing under the station, the high-speed trains will travel another 1.5 km northwards ...Пройдя под*

станцией, высокоскоростные поезда пройдут еще 1,5 км в северном направлении ...

Приложения с пояснительными словами, как и в русском языке, выделяются запятыми. Например: *Incomplete combustion, as in the internal combustion engine, forms smokes. При неполном сгорании, как например в двигателе внутреннего сгорания, образуется копоть.*

В заключение следует подчеркнуть, что анализ типичных ошибок в учебных и научных материалах – это не самоцель, а ступень на пути к их предупреждению и устранению. Представляется, что ошибки подлежат анализу с точки зрения причинности. Как отмечается в исследовании Л.А. Николаевой, с психологической точки зрения ошибки при переводе объясняются а)

“отсутствием прочного навыка владения структурой языка перевода вне зависимости от исходного текста; б) подавлением навыка владения структурой языка перевода под влиянием исходного текста; в) отсутствием знаний о функциональной эквивалентности языковых единиц” [2, 222]. С методической точки зрения мы считаем, что причины ошибок кроются в недочетах и пробелах в знаниях языкового материала, а также иногда и в невнимательном отношении к переводу.

Статью хотелось бы закончить словами Н.К. Гарбовского, который отметил, что “иногда мы сталкиваемся в переводе с такими искажениями, ... которые не могут не вызвать недоумение, за свое ли дело взялся человек” [3, 536].

Библиографический список

1. Елисеева В.В. Некоторые лингвистические предпосылки переводческих ошибок // Проблема языков для специальных целей, научной и профессиональной коммуникации. Тезисы докладов международной научной конференции. Киев, 1992. – С. 178-179.
2. Николаева Л.А. Интерпретация ошибок в учебных переводах нехудожественных текстов // Липвометодичні концепції навчання мови для спеціальних цілей. Науково-методичні матеріали 2-ї Міжнародної конференції 22-28 квітня 1995 року. Київ, 1995. – С. 221-222.
3. Гарбовский Н.К. Теория перевода. Изд-во МГУ, 2004. – С. 514-536.
4. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М., Academia, 2005. – С. 162-173.
5. New Civil Engineer International. UK, July, 2000. P. 4.
6. Murphy R. English Grammar in Use. Cambridge University Press. 1988. С.190.

References

1. Eliseeva V.V. Some linguistic prerequisites of mistakes in translation // Problems of languages for specific purposes, scientific and professional communication. – Kiev, 1992. – P. 178-179.
2. Nikolaeva L.A. Interpretation of mistakes in educational translations of non-fiction texts // Linguistic and methodological conceptions of teaching languages for specific purposes. – Kiev, 1995. – P. 221-222.
3. Garbovsky N.K. Theory of translation. – M., 2004. – P. 514-536.
4. Latyshev L.K., Semenov A.L. Translation: theory, practice and methodology of teaching. – M., 2005. – P. 162-173.
5. New Civil Engineer International. UK, July, 2000. - P. 4.
6. Murphy R. English Grammar in Use. Cambridge University Press, 1988. - P.190.

УДК 37.035.7

Донбасская научная академия строительства и архитектуры

К. т. н., проф., проректор Левченко В.Н.

Доцент кафедры прикладной лингвистики и этнографии Загоруйко Т.И.

К. психол. наук, доц. кафедры философии Тимошко Г.В.

Украина, г.Донбасс

e-mail: Svitlicja@ukr.net

Donbass National Academy of Architecture and Civil Engineering

Candidate of technical sciences, full professor, vice-rector Levchenko V.N.

The chair of applied linguistics and ethnology, prof. Zagoruyko T. I.

The chair of philosophy, candidate of psychological sciences, full professor Timoshko G.V.

Ukraine, Donbass

e-mail: Svitlicja@ukr.net

В.Н. Левченко, Т.И. Загоруйко, Г.В. Тимошко

НАЦИОНАЛЬНО-ГРАЖДАНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ ДОНБАССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ

В статье рассматриваются различные аспекты патриотического воспитания студентов украинских вузов и описывается опыт его осуществления.

V.N. Levchenko, G.V. Timoshko, T.I. Zagoruyko

PATRIOTIC EDUCATION IN DONBASS NATIONAL ACADEMY OF ARCHITECTURE AND CIVIL ENGINEERING

The article considers various aspects of patriotic education in the universities of Ukraine illustrated by the examples of real experience.

В июне 2007 в Донбасской национальной академии строительства и архитектуры состоялась Всеукраинская научно-методическая конференция: «Актуальные проблемы воспитательной работы с молодежью в техническом вузе», на которой тематика обсуждаемых вопросов охватывала и проблемы национально-патриотического воспитания в системе подготовки специалистов технических специальностей. В докладах и рекомендациях секций представители разных вузов Украины и других зарубежных стран подчеркнули, что особую актуальность проблема национально-патриотического и гражданского воспитания приобрела сегодня и, прежде всего, в связи с процессами глобализации, ростом масштабов и темпов социальных, экономических и

© Левченко В.Н, Тимошко Г.В., Загоруйко Т.И., 2008

политических изменений, которые приводят к децентрализации как культуры в целом, так и личности в «пространстве культуры».

Именно поэтому одной из наиболее острых дискуссионных проблем в национально-гуманитарных науках последнего десятилетия является поиск современным человеком своей «идентичности» (национальной, духовной, культурной, социальной).

Преподавательский коллектив академии, выполняя социальный заказ государства, – подготовку инженеров-строителей и архитекторов, а также спе-

циалистов в области экономики и коммунального хозяйства, – проводит большую воспитательную работу со студентами, тем самым выполняя собственный гражданский и патриотический долг. И здесь все без исключения кафедры академии вносят свою лепту в дело воспитания будущих бакалавров и магистров. Квалифицированный, знающий, инициативный и ответственный специалист, покидающий стены вуза, – это будущий золотой фонд государства, который станет решающим фактором в определении будущих путей развития государства.

Все институты, факультеты и кафедры определили те дисциплины и формы учебной и внеаудиторной работы, которые наиболее эффективно способствуют не только подготовке специалистов, но и воспитанию их в национально-патриотическом, морально-этическом и гражданственном аспектах.

Например, Институтом городского хозяйства и охраны окружающей среды проводятся мероприятия, направленные на формирование у студентов чувства гордости за достижения в своей специальности, что и является начальным этапом воспитания национально-гражданского самосознания. Среди форм работы – дни кафедр, встречи с выпускниками предыдущих лет, встречи старшекурсников с руководителями предприятий, фирм, ведущими специалистами – выпускниками академии.

В Институте экономики, менеджмента и права в строительстве преподавание курсов «Основы менеджмента, маркетинга, бизнеса», «Управление малым бизнесом», «Процессы и эффективность управления организацией», «Психология управления» направлено на ознакомление будущих выпускников с адаптированными к отечественным условиям современными методами управления. Коллектив института ставит цель подготовить специалистов новой рыноч-

ной формации, способных при использовании полученных знаний обеспечить отечественным предприятиям реализацию инновационной модели их развития и долгосрочный выпуск конкурентоспособных товаров.

Цикл экономических дисциплин играет особую роль, т.к. формирует у студентов понимание места и роли Украины в широком экономическом пространстве, позволяет оценить социально-экономическую ситуацию в стране с позиции ее гражданина, уяснить роль современного экономиста и менеджера в общественном производстве в условиях рыночных трансформаций, способствует выработке практических навыков решения проблем региональной и национальной экономики. В каждой теме делаются акценты на проблемы и успехи экономического и социального развития Украины, ее экологической безопасности. В национально-гражданском воспитании студентов института экономики немало важную роль играет практика выполнения дипломных проектов на материалах конкретных предприятий. Это позволяет им лучше узнать проблемы промышленного развития Донбасса, способствует установлению связи с местными предприятиями.

Целый ряд дисциплин, читаемых кафедрой архитектурного проектирования, также имеет широкие возможности для национально-патриотического воспитания, изучения основ народных архитектурных традиций Украины в целом и ознакомления с архитектурно-культурным наследием нашего региона. В частности, среди учебных дисциплин, обладающих такими возможностями, можно назвать: «Историю архитектуры Украины», «Ландшафтную архитектуру», «Архитектуру региона» и др. В рамках обмерной и ознакомительных практик студенты 1-го курса знакомятся с памятниками истории, архитектуры и культу-

ры Украины, а в осеннем семестре под руководством преподавателей кафедры участвуют в ежегодных выставках студенческих работ, посвященных изучению архитектурного и культурного наследия многих городов Украины (Донецка, Львова, Одессы, Чигирина и др.).

Профессиональное воспитание студентов академии, которому постоянно уделяется внимание, рассматривается нами как неотъемлемая часть гражданского воспитания молодежи. Важный аспект здесь – выступления на академических часах с беседами и докладами профессионально-ориентированной тематики заведующих кафедрами и ведущих преподавателей академии.

При чтении лекций по специальным и общетехническим дисциплинам освещаются достижения украинской науки, раскрывается роль отечественных ученых в развитии теоретических и прикладных исследований, в становлении и развитии научных направлений и школ. При этом особое внимание уделяется и социальным аспектам исследований в области создания комфортных и безопасных (в том числе и экологически) условий работы и жизнедеятельности.

Безусловно, большие возможности для воспитания патриота и гражданина заложены в научно-исследовательской работе студентов. Участие в Международных и Всеукраинских конкурсах, олимпиадах, конференциях воспитывает у студентов самоуважение, готовность плодотворно работать ради поставленной цели. И не только призовые места (но и просто участие в международных конкурсах) способствуют воспитанию у молодежи национально-патриотических и гражданских чувств. Так, например, только в истекшем году 17 студентов – выпускников архитектурного факультета участвовали в международном конкурсе дипломных проектов (октябрь 2007) и все 17 были удостоены наград. Думаем, что

такие специалисты смогут внести достойный вклад в развитие отечественной архитектурной науки. Подобным успехам студентов способствует в немалой степени и то, что преподаватели кафедры архитектурного проектирования активно привлекают студентов факультета к кафедральной научно-исследовательской работе на тему «Исследование развития проблем архитектуры и градостроительства Донбасского региона».

Вопросам изучения историко-архитектурного наследия г. Донецка и городов Донецкой области посвящены также научно-исследовательские работы соискателей, магистрантов, дипломные работы бакалавров и специалистов.

А такие научные темы, разрабатываемые кафедрой истории и политологии, как «История Украины», «Экономика, политика, культура как главный фактор национального государственного развития» всем своим содержанием направлены на национально-гражданское воспитание студенчества. Большие воспитательные возможности имеет и научно-исследовательская тема кафедры философии: «Проблема человека в историко-философском и социально-философском дискурсе».

На VI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (2007 г.) студентами академии под руководством преподавателей гуманитарного факультета было представлено около 140 докладов, связанных с историей Украины, ее политическими проблемами, развитием философской мысли, исследованием украиноведения, украинской литературы и языка, а также с сопоставительным изучением взаимосвязей языка и общества народов разных стран.

Наибольший вклад в дело национально-патриотического воспитания, конечно, вносят кафедры факультета гуманитарной подготовки: философии, исто-

рии и политологии, прикладной лингвистики и этнологии, проводящие мероприятия как в рамках учебного процесса, так и во внеучебное время. И стержнем этой работы являются преподаватели секции украинского языка и народоведения, которые не только сами ведут большую работу со студентами, но и помогают создать методическую базу для кураторов академических групп других кафедр, издавая ежегодно серию методических пособий «Библиотечка куратора», посвященную вопросам национально-патриотического и гражданского воспитания. Бесценны для патриотического воспитания молодежи воспоминания участников и очевидцев Великой Отечественной войны. В серии «Библиотечка куратора» изданы воспоминания участника молодежного движения сопротивления в г. Макеевке Е.С. Кленцева «Воспоминания молодого патриота» и воспоминания д.ист. н. профессора, зав. каф. истории и политологии М.П. Паринова «Как это было».

Большое воспитательное значение имеют и воспоминания к.ф.н. профессора, зав. каф. «Прикладная лингвистика и этнология» Намакштанской И.Е., посвященные описанию национальных особенностей вербального и невербального этикета студентов из Монголии, Швеции, Палестины, Чили, Ливана, а также других стран Африки и Латинской Америки.

Преподаватели секции украинского языка и народоведения национально-патриотическое воспитание каждого студента осуществляют через комплекс разработанных или воспитательных направлений, среди которых, прежде всего, следует назвать языковое воспитание в аудиторных и внеаудиторных условиях, т.к. изучение родного языка (государственного) – очень важная составляющая национально-патриотического воспитания личности. Украинский язык в силу своего исторического развития стал ос-

новным признаком украинской национальной идентификации. Язык – это своеобразное силовое поле, в котором растет нация, он обеспечивает ее жизненную энергию и гарантирует длительную историческую перспективу. История языка и культуры через призму истории общества, история общества и культуры через призму истории языка – главный подход преподавателей секции к национально-патриотическому и гражданскому воспитанию студентов.

Курс «Украиноведение» включает вопросы обоснования культурно-исторических эпох, литературных направлений, освещает жизненный и творческий путь выдающихся украинцев, особенности их мировоззрения. Важное место принадлежит и изучению выдающихся памятников украинской письменности и культуры, созданных как на территории Украины, так и за ее пределами. Особое значение таких занятий – они способствуют популяризации архитектурных, религиозных, музыкальных и т.д. традиций, а также глубокому ознакомлению студентов с народными обрядами и празднованиями.

Обучающая и воспитательная функции лекций и семинарских занятий по украиноведению, а также практических занятий по украинскому профессиональному языку тесно переплетены. Учебные материалы тщательно отбираются и методически обрабатываются по критерию важности их украиноведческого содержания и воспитательного воздействия.

Следующее направление работы этой секции, учитывающее региональные особенности Донбасса, – создание украиноязычной среды. С этой целью все помещения кафедры тематически оформлены. Систематически обновляются «Окна кафедры», среди экспонатов которых выставки работ студентов „Це наша Батьківщина”, „Мальовнича Україна”, „Пол-

тавшина», „Донеччина”, выставки репродукций картин украинских художников и т.д.

При секции украинского языка и народоведения более 10 лет функционирует научно-методический центр «Світлиця», где представлены экспонаты народной украинской культуры. Здесь ведутся занятия по украиноведению, работают кружки по изучению народных промыслов и ремесел, украинского быта, традиций и обычаев украинцев. «Світлиця» – это фактически этнографический музей, в оборудовании которого активно участвовали студенты разных курсов и факультетов. НМЦ «Світлиця» обеспечен экспонатами, собранными в Донецкой, Полтавской, Луганской, Днепропетровской, Львовской, Сумской и других областях Украины.

Научно-исследовательская работа студентов – еще одно важное направление комплекса национально-патриотического воспитания секции украинского языка и народоведения, поскольку украиноведенческая тематика создает предпосылки для заинтересованного изучения студентами родной культуры, в процессе чего и формируется национальное самосознание личности. Среди тем, предлагаемых студентам для исследования, можно назвать следующие: «Украинская ментальность – украинский характер», «Наш край в легендах, песнях, сказаниях», «Государственная символика», «Украинская мораль во фразеологических единицах» и многие другие.

Результаты, достигнутые объединением творческой и практической деятельности, всегда надолго остаются в памяти, особенно в памяти молодых людей. Для ста тридцати студентов разных курсов архитектурного факультета таким памятным событием стало участие в создании иллюстраций к «Украинско-англо-русскому иллюстрированному

фразеологическому словарю», подготовленному преподавателями кафедры прикладной лингвистики и этнологии. Такое приобщение к истокам народной мудрости – чрезвычайно эффективный путь воспитания этических, моральных и патриотических чувств.

Следующей совместной работой преподавателей и студентов стала подготовка к изданию календаря знаменательных дат 2008 г. «Украина и мир в часовом измерении. 2008 год» (56 студентов экономического, архитектурного и механического факультетов оказали помощь в отборе и распечатке материалов, а также в оформлении обложки книги). Кроме того, студенты совместно с преподавателями украинского языка участвуют в подготовке к выпуску студенческой газеты «Світлиця», имеющей украиноведческое содержание (выходит 6 раз ежегодно).

Немаловажную роль играют в воспитательной работе и внеаудиторные мероприятия, среди которых: ежегодные студенческо-преподавательские конференции «Духовные чтения» в Святогорске, вечера поэзии, музыкальные вечера, встречи с народными мастерами, журналистами, поэтами и т.д. Например, студенты с большой заинтересованностью приняли участие во встрече с трио бандуристок «Чернобривці» (село Макеевка), в экскурсии в Святогорскую Лавру и Музей народной сельской архитектуры в с. Прелестном и т.д.

Для ознакомления студентов с европейской культурой и её национальными особенностями в НМЦ «Світлиця» создана экспозиция экспонатов национальных культур России, Белоруссии, Польши, а также уже около 10 лет работает НМЦ «Шведская комната», где для студентов, преподавателей и гостей систематически проводятся беседы о системе образования в Швеции, молодёж-

ной политике, национальной культуре и экологическом воспитании шведов.

Если украиноведческая и народо-веденческая направленность абсолютно естественны в деятельности преподавателей секции украинского языка и народо-ведения, то хотелось бы отметить и другие гуманитарные кафедры, которые нашли свои формы работы в этом направлении. Например, кафедра истории и политологии систематически проводит в общежитии беседы со студентами. Одна из тем: «Языковая политика в Украине и студенчество». На кафедре философии организованы кружки по изучению отечественной философской мысли, где рассматриваются вопросы духовных и материальных основ развития украинской национальной культуры и где, в частности, рассматривались такие проблемы, как «Философия Киево-Могилянской Академии и деятельность Петра Могилы», «Митрополит Дмитрий Ростовский – выдающийся мыслитель и представитель украинской культуры барокко». При кафедре работает школа факультета культуры: «История и теория отечественной духовной культуры», а также проводятся заседания философского клуба. Именно благодаря этим занятиям студентам и преподавателям удается прикоснуться к той сфере национальной культуры, которая создавалась и сохранялась тысячами поколений. Проведены заседания философского клуба, посвященные философским аспектам творчества Н.В. Гоголя, 285-летию первого украинского философа Григория Сковороды и Святой Софии Киевской как источнику духовной мудрости украинского народа.

Большими возможностями для национально-гражданского воспитания обладают тематические академические часы. В тематике этого учебного года 20 тем имеют ярко выраженную национально-гражданскую направленность. Напри-

мер, «Ценностные ориентации в современном мире» (доц. Волошенко В.О.), «Проблемы повышения совершенствования гражданской активности молодежи в условиях демократических трансформаций» (доц. Коваленко В.Г.), «Пути укрепления экономической безопасности Украины» (доц. Тарханова Н.А.), «Правовые принципы развития и состояние демократического общества в Украине» (ст. преподаватель Чангли В.С.), «Пантелеймон Кулиш: первая попытка составления биографии Н.В. Гоголя» (проф. Намакштанская И.Е.), «Происхождение украинских фамилий» (асс. Новикова Ю.Н.) и др. Особо следует отметить беседы, предлагаемые студентам председателем совета ветеранов Сергеевым Е.Н., посвященные истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и развитию вооруженных сил Украины. Сейчас, когда участников этой войны становится все меньше и меньше, а многие из тех, кто живы, уже не в состоянии выступать перед молодежью, беседы на военную тему, демонстрация подлинных документальных фильмов о войне в киноаудиториях академии становится делом перво-степенной важности.

Среди других внеаудиторных мероприятий необходимо отметить уже сложившиеся традиции проведения Институтом городского хозяйства Дней института, которые последние два года имеют национально-гражданскую направленность. Первый из таких Дней в 2007 г. был посвящен Масленице, в его проведении использовались фольклорные мотивы, а второй был посвящен защите и охране окружающей среды. Такой подход направлен на воспитание студента-гражданина и заботливого отношения у него к национальным духовным и природным богатствам.

Идеей гражданского воспитания пронизаны заседания дискуссионного клуба по политологии «Демократия и

права человека: украинский контекст» и дискуссионного клуба по истории «Украина вчера, сегодня, завтра», одно из заседаний которого было посвящено теме: «Отношение молодежи сегодня к политическим процессам в Украине».

Одним из эффективных способов воспитания у студентов гражданского сознания являются Дни донора, проводимые в академии дважды в год. В 2006/2007 учебном году 209 студентов и осенью 2007 г. еще более 100 человек безвозмездно сдали кровь, так необходимую больным людям.

Не менее гуманными и патриотическими являются и благотворительные акции, которые проходят в академии. В прошлом году прошли три благотворительные акции (в октябре, декабре и мае) по сбору вещей и средств для ВИЧ-инфицированных детей, для детей-сирот и детей-инвалидов детства. В общей сложности нами перечислено в различные детские фонды около 7000 тысяч гривен. В декабре 2007 г. состоялся благотворительный концерт в поддержку ВИЧ-инфицированных детей, находящихся в доме ребенка в Червоногвардейском районе г. Макеевки, в ходе которого студентами, преподавателями и сотрудниками было собрано более 5 тысяч гривен.

Необходимо отметить и возросшую роль студенческих общественных организаций в проведении как подобных мероприятий, так и многих других. Все благотворительные акции – это инициатива студенческого актива, который приложил максимум усилий для их успешной реализации.

Еще одно мероприятие, проведенное в академии силами студенческой секции профкома, имеет ярко выраженный воспитательный характер – это пятидневная выездная смена молодежных лидеров «Школа патриотов». Цель «Школы» – подготовка студенческих лидеров, развитие у них умения работать в команде, аргументированно убеждать, органи-

зовывать коллектив и мотивировать свои действия.

Особая роль в закладывании фундамента национально-гражданского воспитания отводится функционирующему при академии лицезу, в котором многие проводимые в учебное и внеучебное время мероприятия направлены на привитие интереса и любви к национальной культуре и традициям. Поступая в академию, выпускники лицея уже морально сориентированы на причастность к национальной идее и являются хорошими помощниками кураторов групп в организации этой работы.

Вузовский спорт – еще одна неотъемлемая составная патриотического воспитания. В прошлом учебном году 56 студентов академии приняли участие в 17 международных спортивных соревнованиях и заняли 7 первых, 13 вторых и 6 третьих мест, а также 23 призовых места – в национальных соревнованиях. Студенты охотно участвуют в массовом кроссе, посвященном дню Победы, и военно-спортивной эстафете.

Любовь и уважение студентов к своей стране рождается в том числе и от уважения к их Alma Mater. Не один год совет по воспитательной работе выкристаллизывает и отрабатывает традицию празднования в академии Международного дня студентов. «Студенческий Олимп» сегодня – это не традиционный праздник с несколькими выступающими и номерами художественной самодеятельности. Это – праздник лучших студенческих групп академии, популяризация их талантов и опыта, демонстрация того, на что способен студенческий коллектив. И практически в каждом выступлении групп звучат слова благодарности академии и преподавателям.

2007 год был годом 35-летия академии и 60-летия начала подготовки инженеров-строителей в Донбассе. ДонНАСА имеет серьезные достижения в разных сферах своей деятельности. Кропотливую работу по воспитанию гражданина и патриота своей страны нельзя оценить количественными показателями, но то, что

она является неотъемлемой составляющей деятельности академии, ее профессорско-преподавательского коллектива и

молодежных организаций – неопровержимый факт.

УДК 37.04

*Донбасский национальный медицинский университет им. М. Горького
К. филол. наук, доц. Шкут Л.И.
Украина, г. Донбасс
e-mail: Svitlicja@ukr.net*

*Donetsk National Medical Academy
Candidate of philological sciences, professor Shkout L.I.
Ukraine, Donbass
e-mail: Svitlicja@ukr.net*

Л.И. Шкут

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ УМЕНИЙ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ РКИ

В статье рассматривается значение и влияние ситуативного обучения на формирование и развитие коммуникативной компетенции иностранных учащихся. Акцентируется внимание на профессионально-ориентированном обучении, моделировании коммуникативных ситуаций и на занятиях творческого характера.

L.I. Shkout

THE FORMING OF THE FOREIGN STUDENTS' PROFESSIONAL COMMUNICATIVE COMPETENCE AT DIFFERENT STAGES OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article describes significance and influence of situative teaching on the forming and development of foreign students' communicative competence. Special attention is paid to the professionally-oriented approach, to the modeling of communicative situations and creative tasks.

Коммуникативная направленность обучения русскому языку как иностранному обусловила поиск наиболее эффективных принципов организации и интенсификации учебного процесса.

Коммуникативный подход в методике – это подчинение всех составляющих одной цели: язык является инструментом общения, он функционирует и усваивается в процессе взаимодействия людей (Пассов Е.И, Зимняя И.А., Леонтьев А.А. и др.). Следовательно, необходимо интенсифицировать обучение иностранному языку на основе коммуникативных требований, т.е. главная задача:

самыми разнообразными методами и приемами достичь конечного результата – профессионально-ориентированного

© Шкут Л.И., 2008

общения на русском языке. При таком подходе мотивированный учебный материал позволяет иностранному студенту решить большинство коммуникативных задач на специальных кафедрах медико-биологического профиля.

Как показывает практика, «коммуникативно-содержательные формы работы» помогают учащимся закрепить и активизировать лексико-грамматический и речевой материал с учётом мотивов рече-

вых действий, места действия, типичных ролей. Творческий элемент в овладении языковой компетенцией содержится в тех действиях, когда учащимся начального этапа обучения задают вопросы.

Например, по тематической беседе «Если вы заболели» могут быть поставлены более конкретные, уточняющие вопросы: «*Чем вы были больны?*», «*Что у вас болело?*», «*Как часто вы болеете?*», «*Знаете ли вы, что можно вызвать врача на дом?*» и т.д. Речевая ситуация «На приеме у врача» требует от студента знания лексико-грамматических групп со значением «органы и части тела», «характер протекания боли», «методики лечения больного» и др. Следовательно, реализация коммуникативного минимума невозможна без списка речевых ситуаций и формального минимума (лексико-грамматического и словообразовательного материала) [1, 74]. Указанный минимум может быть хорошо усвоен в ходе проведения ролевой или деловой игры на различных этапах обучения РКИ.

Как видим из примеров, главная особенность коммуникативной ситуации заключается в умении использовать модели речевого поведения в различных ситуациях повседневной жизни.

Интересно отметить, что отработка лексико-грамматического материала проводится в ситуативных упражнениях типа:

1. Скажите, кто был где ...
2. Дайте краткие ответы на вопросы ...
3. Закончите диалог ...
4. Предложите пойти или поехать в то место, о котором идёт речь.
5. Употребите конструкции: «*достать что откуда*», «*взять что-либо у кого-нибудь*», «*взять что где*», «*дать/отдать что кому*» и др. [5].

Выполнение коммуникативных задач в проблемных ситуациях происходит в процессе совместного делового общения: «*Что сделать?*», «*Что купить?*»,

«*Куда пойти?*». Работа проводится непосредственно как в упражнениях, направленных на осмысление и анализ изучаемого лексико-грамматического материала, так и в коммуникативных упражнениях, а также и по моделям с элементами учебной игровой деятельности. На занятиях учащимся предлагается множество игр, вызывающих их познавательный интерес. Синтаксической единицей, как правило, выступает высказывание, т.е. дискурс, минимизированный текст. Структура предложения определяется характером содержания и коммуникативной целью говорящего. Вместе с тем, за единицу обучения принято речевое действие, которое включает речевую интенцию (коммуникативную задачу), обстановку совершения действия, языковые средства, игровые элементы, участников общения [4, 6]. Для того, чтобы студент-иностранец мог адекватно общаться в сфере медицины, он должен получить образец речевой деятельности, который затем тренируется в различных ситуациях проблемного характера, типичных для сферы учебно-профессионального общения. Основной этап работы по развитию речи – выработка умений пользоваться в речевой практике необходимым лексико-грамматическим материалом, строить в соответствии с ним собственные высказывания различных типов: ситуативный диалог, тематическую беседу, вопрос-ответную беседу, монолог-повествование, монолог-описание, монолог-рассуждение с целью совершенствования высказывания, владения этикетными формами.

Анализ реальной коммуникации показал, что на основном этапе обучения РКИ используются более сложные речевые акты такие, как: дискуссия, письменное высказывание – описание состояния больного и др. Наряду с подготовленными монологическими высказываниями проводится работа над неподготовленными сообщениями с различными вариантами возможных ответных реплик больного.

Подобный подход позволяет моделировать ситуации общения, которые предусматривает как выявление и рассмотрение проблемы (т. е. внутренний мотив, интерес, потребность), так и разрешение коммуникативной задачи, использование усвоенных знаний в речевой практике, приближая моделируемую ситуацию к реальным условиям.

Обучая студентов технике общения по тематическому принципу, следует учитывать, что диалогическая речь основывается на различных моделях построения и лексико-грамматическом наполнении фраз.

«Речекоммуникативные упражнения» с грамматической направленностью включают: ситуативные, творческие, игровые упражнения, а также упражнения на основе мини-текста или зрительного материала, упражнения на решение учебно-профессиональных задач [5, 6].

Так, например, содержанием обучения иностранному языку на базовом уровне должно быть формирование иноязычной коммуникативной компетенции, которая включает языковую, речевую и социокультурную компетенцию и обеспечивает готовность и способность к общению на изучаемом языке, пониманию незнакомого текста.

Путь подготовки учащегося к выполнению упражнений коммуникативного содержания проходит через создание коммуникативных ситуаций, имеющих стимулирующий характер. Ситуативность является составной частью коммуникативности. В этой связи в методике преподавания РКИ выделяются различные сферы устного общения: *семейная* (родители, дети, родственники); *профессионально-трудова* (кто? где работает, учится?); *социально-культурная* (знакомства, встречи, посещения); *сервисная* (роль пациента, врача, медсестры; посетителя, клиента и т.п.); *зрелищно-массовая* (в театре, в кино, в музее, на выставке) и др. [4, 162-172].

Учёт системы сфер иноязычного общения позволяет составить программный список тем иноязычного общения,

отобрать необходимые тексты, подготовить ситуативные диалоги, связанные с темами «Путешествие», «Транспорт», «В поликлинике», «В аптеке» и др.

Сюда относится также необходимая лексика на уровне межкультурного общения и коммуникативных или речевых единиц, которые, по мнению Пассова Е.И., «представляют собой структурное единство и характеризуются определённой завершёностью и самостоятельностью» [4, 162].

Значительное место отводится упражнениям, выполненным в устной форме, например, конструирование фраз, составление предложений по аналогии, повторение фраз, повторение предложений за преподавателем, воспроизведение заученного.

Учащийся должен быть поставлен перед необходимостью не имитировать, конструировать, репродуцировать, а совершать речевой поступок при помощи коммуникативных задач речевого общения и устной коммуникации (аудирование, говорение), бытовое и учебное общение путем моделирования на занятиях ситуаций речевого поведения.

Известно, что коммуникативные потребности являются изменяющейся категорией. На каждом конкретном этапе обучения РКИ есть определённый перечень задач общения, которые должны быть решены средствами изучаемого языка. Для удовлетворения коммуникативных потребностей в сфере учебно-профессионального общения необходимо чётко определить не только виды речевой деятельности, ситуации, темы общения, жанры письменной и устной речи, но и типы текстов, актуальные для конкретной категории обучаемых.

На различных этапах обучения (от «корректировочно-формирующегося» типа до этапа овладения профессиональным языком) учебно-профессиональное общение иностранных студентов включает такие виды общения, как слушание и конспектирование лекций, составление рефератов и аннотаций, проведение бесед

с больными во время клинической практики.

Чтобы успешно общаться, студент должен, прежде всего, усвоить лексический и языковой материал. Однако заучивание необходимого материала еще не обеспечивает успешного реального общения. Широкие возможности для активизации занятия по обучению общению дают учебная ролевая или деловая игра как форма активизации учебно-познавательной деятельности учащихся. Формы занятия – игры могут варьироваться. Преподаватель может выступать в роли больного, родственника больного, врача-консультанта и т.д.

Таким образом, формирование умений учебно-профессионального общения происходит различными путями, через

сложную ситуацию методических приёмов. Вместе с тем, игры обеспечивают мыслительную активность, дают импульс творчеству. Деловая игра является эффективной формой учебной работы – это репетиция профессиональной деятельности человека.

Интенсификация учебного процесса может быть эффективной при коммуникативном подходе к изучению языка с обязательным учётом личностных и ментальных характеристик иностранных учащихся. Во время обучения в вузе у студента должна формироваться основа профессиональной деятельности. При этом усвоенные знания и сформированные навыки выступают уже не в качестве предмета учебной деятельности, а в качестве профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Арутюнов А.Р. Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев. – М.: Рус. яз., 1990. – С. 74.
2. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. – М.: Рус. яз., 1991. – 222 с.
3. Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. – М.: Воронеж, 2001.
4. Пассов Е. И. Ситуация, тема, социальный контакт. Общая методика обучения иностранным языкам. – М.: Рус. яз., 1991. – С. 162-172.
5. Рамсина Т.А., Полидва М.А. Коммуникативные упражнения. – М.: Рус. яз., 1982. – 208 с.
6. Изаренков Д.И. Метатемный подход к отбору и описанию предметного компонента коммуникативной компетенции. – М.: РУДН, 1993.

References

1. Arutyunov A.R. Theory and practice of Russian language course book compilation for foreign students. – M., 1990. – P. 74.
2. Zimnyaya I. A. Psychology of teaching foreign languages at school. – M., 1991. – 222 p.
3. Leontiev A. A. Language and speaking activity in general and pedagogical psychology. – M., 2001.
4. Passov E. I. Situation, theme, social contact. General methodology of teaching foreign languages. – M., 1991. – P. 162-172.
5. Ramsina T.A., Polidva M.A. Communicative exercises. – M., 1982. – 208 p.
6. Izarenkov D.I. Metatheme approach to selection and description of communicative competence subject component. – M., 1993.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 372.881.161.1

*Воронежский государственный университет
Д-р филол. наук, проф. кафедры современного
русского языка Кольцова Л.М.*

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 20-84-26

Voronezh State University

*The chair of contemporary Russian lan-
guage, d-r of philological sciences, full pro-
fessor Koltsova L.M.*

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 20-84-26

Л.М. Кольцова

«И НЕТ У НАС ИНОГО ДОСТОЯНИЯ...»

В данной статье автор размышляет о проблемах русского языка и языкового образования в современном мире.

L.M. Koltsova

«NO OTHER WEALTH WE HAVE...»

In the article the author contemplates about the problems of Russian language and language education in the modern world.

Размышления о русском

*Мы уверены, что русской речи предстоит одно из двух: либо исполнить донельзя, либо, об-
разумясь, свернуть на иной путь, захватив при-
том с собою все покинутые второпях запасы.*

И. Даль

Долго и трудно, легко и быстро писалась эта статья, потому что в жизни Языка и языке Жизни постоянно и непрерывно происходят такие события, появляются такие факты, которые нуждаются в немедленном осмыслении и оценке не только с позиций современной науки (что далеко не всегда интересно и понятно людям, далеким от лингвистики), но и с точки зрения любого человека, для которого родной язык — единственное уни-

версальное средство освоения мира, бесконечно многообразного и постоянно меняющегося; мира, создаваемого языком.

© Кольцова Л.М., 2008

Наш родной русский язык в какой-то момент становится «предметом» размышлений каждого человека (не только русского), который оказывается вовлеченным в языковое пространство. Невольно — с момента рождения; неизбежно — с начала системного обучения языку; вполне осознанно — «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий» о судьбах Родины.

Родной язык внутри и вокруг нас, как вода или воздух, без которых мы умираем от жажды или удушья, как Душа, которую начинаешь чувствовать, когда она болит или радуется, чернеет от

горя или светлеет от радости, ликует или скорбит. О русском языке сказано столько прекрасных слов в стихах и прозе, написано столько многотомных трудов, умных диссертаций и наивных школьных сочинений, что кажется невозможным представить вниманию образованного читателя (других читателей нет у серьезных «толстых» журналов) какие-то новые, оригинальные мысли, приглашающие к раздумью и побуждающие к действию. Но тот, кто связан со Словом своей профессией, призванием, тот, кто всю жизнь добывает Словом «хлеб насущный», кто знает множество глубоких и мудрых изречений о «великом, могучем, правдивом и свободном» и понимает, что «язык сложнее, чем любая мысль о нем», все равно будет стремиться передать свое отношение к той единственной могучей силе, которую великий В. Гумбольдт назвал «объединенной духовной энергией народа, чудесным образом воплотившейся в звуках», не менее великий А.А. Потебня — «органом мысли», а модный ныне М. Хайдеггер — «Домом Бытия».

Потому-то и воспринимается предложение поделиться своими мыслями о родном языке, как великая честь и ответственность, которую нельзя «даже Льву Толстому передоверить, пусть себе он — Бог», как сказал А.Т. Твардовский, надо только найти отправную точку, сформулировать тот вопрос, на который ищешь ответа всю свою жизнь.

Когда-то давно моя совсем маленькая дочь спросила: «А что ты там преподаешь, в своем университете?» И расхохоталась над ответом: «Русский язык?! Да что же его преподавать? Его и так каждый дурак знает!» В этом детском удивлении, открытии, что родному языку, оказывается, учат и учатся, заключается огромный смысл. И прежде всего — тот самый главный вопрос: что **должен** знать человек **о своем родном** языке? Впрочем, здесь не один, а, по меньшей мере, три вопроса: что надо знать **о** языке, **о языке родном**, **о своем** родном языке?

Эти вопросы неизбежно тянут за собой другие, не менее важные: **зачем** это все **надо** знать? Как и где получить **такое** знание, которое позволит через призму языка (его разновидности, другие языки) полноценно воспринимать, познавать, изменять Мир, строить свои взаимоотношения с действительностью, удвоенной языком, проявлять свои творческие способности, проникать в сокровенные тайны Бытия? Наконец, какие возможности дает глубокое знание родного языка и знание **о нем** для развития человека, для того Дела, о котором Л.Н. Толстой писал: «Для бессмертной Души нужно и дело такое же бессмертное, как она сама. И дело это — бесконечное совершенствование себя и мира». Для того, чтобы ощущать себя полноценным, уважаемым обществом Человеком, гражданином своей страны, занимающей достойное место в мировой культуре.

Мысль о том, что сбережение, поддержка русского языка, укрепление его позиций — это необходимое и неременное условие духовного, культурного, научного развития России, основа национальной безопасности, единства государства, мощное средство влияния на мировые процессы в качестве одного из важнейших мировых языков, — эта мысль, наконец, пробилась к самым вершинам власти.

Проблемы, о которых постоянно вели речь ученые, преподаватели, писатели, все еще дорожающие чистотой родного языка, понимающие, что «язык — не только орудие познавательной и мыслительной силы человека, но и сама эта сила... это знание — свидетельство его человечности» (И.И. Срезневский), вышли на государственный, общенациональный уровень. Это проблемы, касающиеся необходимости законодательно защищать русский язык, правового регулирования в области языковых отношений, современного состояния языка и культуры речи и ответственности за это состояние, проблемы, связанные с обучением русскому I языку и мн. др.

Правительство Российской Федерации в 2006 году утвердило Федеральную целевую программу «Русский язык» на 2006—2010 годы, где по сравнению с предшествующей Федеральной программой (на 2002—2005 годы) значительно глубже и основательнее определены цель и задачи, расширены разделы, увеличены объемы финансирования. Однако есть серьезные опасения, что без немедленных волевых решений на всех уровнях власти проблемы так проблемами и останутся, как это случилось с разработкой нового «Свода правил современного русского языка», введением «методики тестового контроля за уровнем владения русским языком государственными служащими» (нетрудно заметить лукавство формулировки: «внедрение» не контроля, а «методики»!); повышением «речевой культуры в средствах массовой информации, публичных выступлениях на основе разработанного нового свода правил русской орфографии и пунктуации» (интересно, как на основе правил исключительно письменной речи можно повысить культуру речи устной?); «усовершенствованием образовательного процесса в школах и вузах» (известно, что ЕГЭ по русскому языку, а с этого года - и по литературе - научное и педагогическое сообщество оценивает как национальную катастрофу) и многими другими наметченными и нерешенными задачами, на которые были выделены немалые средства.

Вот почему основные проблемы, цели, задачи, обозначенные в нынешней Программе мероприятия, нуждаются, на наш взгляд, в широком обсуждении, привлечении к ним внимания и действенного участия той живой части общества, для которой не безразлична судьба нашей Родины, всех тех мыслящих и сочувствующих людей, которые не считают благом для нашей родной страны немедленный переход на латиницу, не мечтают о том, чтобы английский язык стал государственным языком России, и не высказывают публично свои измышления, что русские люди о своем родном языке ду-

мают и отзываються исключительно негативно», а «позитивно» оценивают языки иностранные, что на духовном уровне в сознании народа русский язык вообще не представлен... Нелепость таких утверждений легко опровергнуть, открыв хотя бы словарь «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля, где этих пословиц и поговорок, хранящих в себе генетическую память народа, присущий ему устойчивый взгляд на мир, посвященных языку, речи, слову при самом беглом подсчете оказывается более четырехсот (!), и на первом месте в разделе «Язык — речь» оказывается: «Языком Душа с Богом разговаривает».

Такое обсуждение в форме «круглых столов», дискуссий, конференций должно стать делом не только (и не столько!) филологов, для которых нет «Года русского языка», а были, есть и будут века, эпохи, эры Русского языка. Большинство русистов, словесников без понуканий и решений «сверху» исполняют практически «безвозмездно, то есть — даром» свой профессиональный и патриотический долг, пытаясь сохранить традиции русского образования, которые, как известно, заключаются в широте, фундаментальности, универсальности, преемственности, глубине и гуманитарности.

Именно на разрушение этих традиций направлено введение ЕГЭ (единого государственного экзамена) в виде тестирования, не обеспеченного едиными учебниками, едиными образовательными стандартами, едиными условиями обучения; двухуровневое высшее образование (вхождение в так называемый Болонский процесс), платная аспирантура и соискательство, где умным, но бедным не *найдется места*. *Сомнительным* окажется и само понятие «высшее образование», поскольку бакалавры, которых мы должны будем с **2008** года готовить и выпускать - это $\frac{3}{4}$ преподавателя русского языка и литературы. Так красиво, в ритме вальса, мы перейдем к «европейским стандартам», которые у самих европейцев давно уже вызывают тоску души.

Само превращение Образования в «рынок образовательных услуг», то есть существительного в прилагательное, вызывает содрогание и отвращение у людей с развитым лингвистическим чутьем. Еще древние греки сформулировали принцип: «Nomen est omen» — «Имя есть судьба»: измени название вещи — и она изменит свою сущность. Слова «просвещение», «просветительство», «просветитель», «просвещать» совершенно исчезли из нашей речи. А ведь «просвещать» — значит «даровать свет умственный, научный и нравственный, поучать истинам и добру, образовать ум и сердце», «просвещение» — «свет науки и разума, согреваемый **чистою нравственностью**; развитие умственных и нравственных сил человека; научное образование, при **ясном сознании** долга **своего** и цели **жизни**». Так определяет значение этих слов В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка». А в «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» Российской академии наук под редакцией Г.И. Скляревской (2001 г.), где есть и «барабашка», и «башлять», и «вольняшка» (лагерное), и «палмтолпы», и «хендхелды», этим словам не нашлось места, как нет Свету места на рынке, зато крайне необходимы «бабки, башли, баксы» и т.п.

О том, что совершается в нашем общем Доме в сфере филологического образования, которое должно быть постоянным и непрерывным на протяжении всей жизни человека, с болью говорят сейчас самые заслуженные, мудрые, авторитетные ученые, учителя, писатели, но их голос, голос умнейших представителей русского народа, не хотят слушать и слышать те, кто принимает решения, ужасающие по своим последствиям.

Проблема обучения русскому языку в школе и вузе в современных условиях требует сейчас не обсуждения, не рассуждения, не «рассмотрения» и «составления программ мероприятий», а немедленного действия, чрезвычайных мер, потому что в сложившейся ситуации мы

уже начали терять поколение за поколением наших детей, которые литературному языку предпочитают общение на «албанцком», «аффтарском», или языке «падонкафф», и с нелегкой руки благодушно настроенных, довольных самими собой чиновников (не поворачивается рука написать «от образования») и некоторой небольшой, но страшно активной части ученых, отрабатывающих зарубежные гранты, не в состоянии отличить литературные слова от просторечных, хорошую речь от плохой, а Красоту от безобразия.

Даже по отношению к такому явлению, как «новограф» — письменный язык общения в виртуальном пространстве Интернета, который представляет собой целенаправленное искажение речи («афтар выпей йаду», «красавчег», «медвед»; «он с мну ниапчаецца»; «убей себя апстену» и т.п.), существуют кардинально противоположные оценки: от глубокой обеспокоенности до утверждения, что это — «специфический жанр, владению которым следует **учиться**, как и владению любым другим жанром. «Интересно», «забавно», «любопытно» — кокетливо замечают лингвисты, долг которых — охранять, защищать, развивать языковое сознание тех, кто еще не понимает, что нормы языка — не оковы, не путы на изменяющейся и подвижной речи, а благодатная возможность создать культурное пространство, где беспрепятственно, легко и **свободно** могут общаться люди через времена и расстояния.

Язык чатов опасен для тех, кто не сформировался еще как личность, в том числе как личность языковая.

Какой он, **мой** язык? На этот вопрос должен ответить каждый человек, определившись: русский литературный язык мне — свой или чужой?

Русский язык перед вызовами глобализации

Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому языку не уступит.

М.В. Ломоносов

Возвращаясь к тому кругу задач, которые обозначены Федеральной целевой программой 2006—2010 годов, надо сказать, что большая часть их связана с современным положением русского языка в мире, с его ролью «в осуществлении сотрудничества с народами государств-участников СНГ и стран Балтии, с мировым сообществом в целом». Это положение вызывает «самую серьезную озабоченность», - говорится в Программе.

За соответствующими примерами и нам далеко ходить не надо. Они сами к нам приходят и вызывают порой горестное недоумение. Наш родной Воронежский университет всегда считал своим ближайшим родственником Тартуский (Дерптский, Юрьевский) университет. Даже 80-летие ВГУ отмечалось и как 200-летие Юрьевского университета. Всегда нас связывали научное сотрудничество, взаимообмен, тесная дружба. Будучи студентами, аспирантами, молодыми преподавателями, мы с удовольствием ездили в Эстонию на научные конференции, с радостью посещали лекции и семинары Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц, изучали «Труды по знаковым системам», издаваемые в Тартуском университете. И вот в этом учебном году наши студенты, отправившиеся на включенное обучение, через неделю вынуждены были вернуться: в университете Тарту ни одного курса, читаемого на русском языке, — нет! Этот факт не помешал представителю Тартуского университета без зазрения совести выступать на пленарном заседании III Международного конгресса исследователей русского языка — «Русский язык: Исторические судьбы и современность», который прошел в Москве 20—23 марта этого года. Изгнание русского языка как языка обучения на отделении русской и славянской филологии объясняется тем, что необходимо учитывать «усиление прагматизма мотивации студентов» при организации учебного процесса, выбора форм и методов обучения. Дай Бог филологам эстон-

ского университета достичь без русского языка того уровня, того авторитета, блеска и мощи, который демонстрировали миру труды Ю.М. Лотмана о русском, на русском и переведенные с русского на многие языки мира.

Насильственное вытеснение русского языка из школ, вузов, государственных учреждений в странах «ближнего зарубежья» отзовется еще так, как нам «не дано предугадать». Однако и сейчас дальновидные, не ослепленные политическими, корыстными, сиюминутными интересами деятели, от которых зависит языковая политика, не допускают ослабления позиций русского языка.

Так, например, существует, по классификации В.М. Алпатова, профессора Института востоковедения РАН, белорусский вариант языковой политики: «Формально имеются два государственных языка, но во всех сферах, включая государственные, русский язык преобладает. Титульный язык вне бытового общения играет более всего символическую роль» (Алпатов В.М., 2007, с. 12).

Лингвисты, изучающие положение русского языка в странах ближнего и дальнего зарубежья, филологи из этих стран отмечают, что знание русского языка обеспечивает самостоятельное освоение новой информации, обмен научными знаниями, расширяет возможности культурного общения. Этим объясняется сохранение русского языка, повышенный интерес к нему в целом ряде государств.

Так, определяя роль и статус русского языка в Армении, профессор Э.М. Оганесян пишет о том, что многие родители стремятся дать детям русское образование, о нелегальном существовании в школах с армянским языком обучения — русских классов, поскольку русский язык роднее и ближе, чем любой иностранный.

На фоне радостных воплей: «Русский язык скоро станет древним, мертвым...» (не называю автора, чтобы не создавать ему дополнительной рекламы) особенно значимыми становятся подкрепленные фактами утверждения тех ученых-русистов, которые говорят: «Ав-

торитет русского языка по-прежнему очень высок в мире. Знание русского языка обеспечивает каждому человеку возможность общения с людьми других национальностей и открывает новые перспективы международного и межнационального сотрудничества... Русский язык, как и раньше, остается ключом к знаниям всех отраслей науки и техники». Это свидетельство З. Чойдона, приложившего немало сил к тому, чтобы русский язык «как источник знаний, источник информации о русской мировой науке и технике» являлся одним из основных предметов в школах и вузах Монголии.

Говоря о месте и роли русского языка в современной Турции, профессор Х. Арслан отмечает: «Знание русского языка стало важным фактором для успешной профессиональной деятельности многих граждан Турции, что послужило толчком к началу преподавания русского языка в государственных и частных университетах» (Арслан Х., 2007, с. 723).

Преподаватель русского языка в университете им. Джавахарлала Неру (в Индии) Ману Миттал рассказывает о работе Центра русских исследований одного из самых передовых центров, где преподается русский язык, в течение сорока лет он выпускает специалистов по русскому языку и литературе, переводчиков, которые работают в разных сферах во всем мире.

После некоторого затишья в Словакии наблюдается настоящий взрыв интереса к русскому языку. В новых экономических условиях он становится жизненно необходимым, востребованным для многих и многих людей. «У русского языка в Словакии есть будущее», — пишет Э. Шаррави в книге «Русский язык в новых экономических условиях Словакии».

В университете Нанта (Франция) желание научиться говорить по-русски охватывает все большее количество молодых людей. За последние два года число студентов, изучающих русский язык, выросло больше чем в три раза.

Достаточно полная картина распространения русского языка в современном мире, его позиций, тенденций изменения ситуации, в которой находится русский язык в различных регионах, представлена в специальных докладах Министерства иностранных дел «Русский язык в мире», в преамбуле которых говорится о том, что задача сохранения позиций русского языка занимает **приоритетные** места в работе Министерства иностранных дел Российской Федерации, что проблемы языковой культуры, поддержки и защиты русского языка как величайшего национального достояния «занимают все более заметное место в общественном сознании россиян» (Доклад МИД «Русский язык в мире», Москва, 2003).

Отмечая, что в самом сложном положении русский язык оказался на постсоветском пространстве; аналитики делают очень серьезные выводы о том, что разрушение русскоязычного пространства вызывает тревогу, поскольку последствия этого процесса крайне негативны. Это касается вытеснения русского языка из общественно-политической и хозяйственной жизни, области культуры, средств массовой информации; сокращения возможности образования на русском языке, что затрагивает права миллионов граждан и не отвечает интересам самих новых независимых государств.

Разрушение системы образования на русском языке осуществляется на Украине, где половина населения считает русский язык родным; в Туркмении, где закрыты факультеты русской филологии в университете и педучилищах; в странах Балтии, где полностью ликвидировано обучение на русском языке в государственных вузах.

Серьезные изменения произошли в положении русского языка в странах Центральной и Восточной Европы, где в 90-е годы русский язык был исключен из числа обязательных предметов школьной и вузовской программ и занял позиции факультативного и малоизучаемого.

В странах Западной Европы после сокращения объемов изучения русского

языка в конце 90-х годов намечается рост интереса к его изучению.

В общеобразовательных школах русский язык изучается в Германии, Франции, Англии, Австрии; в Бельгии, Ирландии, Исландии, Испании русский язык изучается в высших учебных заведениях.

Русский язык преподается в Китае, Монголии, КНДР, Вьетнаме, Индонезии, Филиппинах.

Благодаря выпускникам российских (советских) вузов сохраняется русский язык в лицеях, школах и вузах стран Африки, таких как Египет, Мали, Сенегал и др.

В странах Америки, где сейчас живут многочисленные группы населения, считающие русский язык родным, растет спрос на русскоязычных специалистов для бизнеса и госструктур.

На Кубе до сих пор русский язык является самым распространенным иностранным языком.

Это знание о том, как представлен русский язык на современной карте мира, каковы перспективы его продвижения в современном геополитическом пространстве, так же важны, полезны и нужны для человека, как знание географии, истории, экономики, а может быть, еще важнее, поскольку распространение русского языка — это важнейшее условие развития политических, экономических, социальных и культурных отношений с зарубежными странами и русскими диаспорами в них.

Положительное отношение к России в мировом сообществе формируется и в прямой зависимости от того, какой русский язык предлагается этому сообществу: язык-код, язык деэтнизированной политнации (Д.Д. Каражаев), действительно мертвый, или подлинный язык природных русских, живой великорусский, в котором есть чувственная ткань, смысл, в котором скрыта загадка русской души, и только тем он может быть по-настоящему интересен людям, которые хотят не просто получить какую-то экономическую выгоду от знания язы-

ка, а расширить границы Познания, для чего и призван на Свет человек.

Справки, выкладки, цифры важны при определении места и роли русского языка в мировой Логосфере. Но гораздо важнее -живое свидетельство тех иностранных студентов, которые приезжают к нам изучать русский язык и объясняют свой выбор так, как сделала это студентка из Франции Анна Суэн: «Студенты, которые изучают русский язык во Франции, проявляют очень сильный, даже страстный интерес к русской культуре и истории, поскольку выбор русского языка имеет ДУШЕВНЫЕ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ причины».

Русский язык на мировом уровне представляет собой реальную общественно-политическую, культурную, экономическую силу.

Эта сила зависит от того, насколько «обустроен» собственный мир русского языка как феномена мировой культуры, насколько он привлекателен как непреходящая ценность Бытия.

Русский язык как национальная идея

Язык важен для патриота.

Н.М. Карамзин

О том, что происходит с русским языком на рубеже тысячелетий, говорят сегодня не только лингвисты. И не только в России. Трудно не признать справедливость мысли М. Эпштейна, взирющего на Россию «Из Америки», что в России «все политические проблемы раньше или позже упираются в язык, потому что нельзя найти более высокого всенародного авторитета. «Все расхищено, продано, предано» (Ахматова) - и только язык остается неподкупным стражем национальной совести».

Ничего общего, кроме языка: ни лесов, ни полей, ни рек — у русского народа не осталось. И только идея сбережения языка может претендовать на статус национальной. Язык сам по себе есть национальная идея, особенно — «в дни скорби и страдания».

Потому так остры дискуссии о языке, так навязчивы и настырны разруши-

тели норм и поборники «свободы речеизъявления», так разнятся (до полной противоположности) оценки происходящего в языковом пространстве: от утверждения, что язык ожил, расцвел так, что «душа радуется», до пессимистического горестного заключения, что порча языка уже необратима.

Промежуточная позиция, которую можно определить как «пассивный оптимизм», заключается в том, что происходящие в языке серьезные сдвиги в сторону ухудшения не могут быть не замечены, но язык сам справится со своими болезнями, преодолет натиск необдуманных, необоснованных, нецелесообразных заимствований, лавину ринувшихся во все сферы языковой действительности сниженных слов, размывание норм, смешение стилей и останется «свободным и чистым».

Процессы, вызывающие радость или тревогу людей, раздумывающих о современном состоянии языка, сложны и многообразны, но чаще всего в публичных дискуссиях о языке речь идет:

1) об отношении к заимствованным словам;

2) о проникновении жаргонной, просторечной, ненормативной лексики во все сферы бытования языка;

3) об общем уровне культуры речи.

Постоянство этих проблем внушает своеобразный оптимизм. Когда-то Н.А. Некрасов сказал:

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей!»

Однако может быть и хуже. Еще в 80-е годы академик Ф.П. Филин в книге «Истоки и судьбы русского литературного языка» писал: «Взаимообогащение языков было, есть и будет. Кто борется против заимствований вообще, тот пытается прекратить течение мощного потока песчинкой. Дело не в этом, а в том, какой удельный вес занимает каждый мировой язык в процессе международного лингвистического взаимообогащения? Какое воздействие оказывает русский язык на английский и иные языки высокоразви-

тых наций? К сожалению, мы по этому вопросу не имеем никаких обобщений».

Не имеем и на сегодняшний день. Хотя уже есть наблюдения, свидетельствующие о том, что приток в научные коллективы зарубежных стран говорящих и думающих на русском языке ученых (то, что мы называем «утечкой мозгов») оказывает благотворное влияние на результаты научного поиска.

И противоположный эффект вызывает наплыв американизмов, который уже в 80-е, 90-е годы русские лингвисты считали беспрецедентным в истории русского языка. Сейчас же, по наблюдениям исследователей, ежедневно на головы (правильнее было бы сказать — через уши и глаза — на мозги) людей обрушивается более пятидесяти новых иноязычных слов. Человек оказывается в очень сложном положении, которое когда-то описал в фельетоне «Крик души» Виктор Славкин (этот фельетон приводит почти целиком Ф.П. Филин в упомянутой книге): «Начальнику ЖЭК № 5 от жильца квартиры № 37 Селимонова К.П. Заявление. В последнее time совсем доконали соседи... наша life дала трещину... В моей family (семье) началось натуральное заболевание по нервам -заговариваемся. Встанешь morning, голова полна не наших words, а днем эти выражения из нашего рта так и лезут... Скажите соседям, пусть перестанут хулиганить at night... Help me! А то хана. Отец family трех people Selimonoff K.P.»

Думается, сейчас в этом рассказе читатель и не оценит юмора, потому что макароническая речь стала обычной для нашего времени.

Проблема не в том, что словарный состав языка вбирает в себя названия новых предметов, явлений, а в том, что эти названия не осваиваются, остаются непонятными для читателя, слушателя, зрителя. Если даже давно и прочно вошедшие в язык слова «геноцид», «антибиотик», «иммунитет» толкуются соответственно «дружба народов», «микроб», «зараза» «среднеобразованным» (так скажем) человеком, то что говорить о таких модных словечках, которые порхают бабочками по телевизионным «ток-шоу», звучат в интервью с известными людьми, в новостных передачах: «не получил префе-

ренций», «в фильме должен быть мес-сидж», «нас ждет айс-клаймпинг», «дизайн ногтей» (не знаю, как это все перевести).

Лингвисты-оптимисты такие манипуляции с языком, приверженность к «чужесловам» рассматривают как забавную игру с иноязычностью.

«Современные тексты, — пишет весьма авторитетный, уважаемый ученый, автор вузовских учебников по современному русскому языку Е.А. Земская, — добиваются, в первую очередь, эффекта загадочности: привлечь читателя (слушателя), заинтересовать его, заставить улыбнуться» (Земская Е.А. Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века, www.gramota.ru). Заставить улыбнуться, создать особую выразительность призваны, по мнению профессора, газетные заголовки типа «Виртуальная авоська общего пользования», «Целуйте рейтинги в район кокошника», «Электорат соблазняют, но еще не кинули», «Инкассатор инкассатору *lupus est*» и пр. «Эти загадки скорее веселят, чем раздражают», — считает Е.А. Земская. Особенно веселым представляется последний заголовок статьи, «повествующей» (?!) об убийстве одного инкассатора другим.

Действительно, иноязычные слова, не имеющие для русского человека внутренней формы, глубины значения, ассоциативных связей, оценочного компонента, то есть живой жизни, очень удобны для того, чтобы маскировать ужас происходящего. У молодых людей, вырастающих в условиях «расцветшего» и «ожившего» языка, не вызывают каких-либо чувств слова «путана», «киллер», «киднеппинг», «коррупция» и т.п. Один школьник спокойно говорит другому: «А я в институт не пойду. Буду секьюрити или киллером».

Прав мой коллега Н.И. Белоусов, когда говорит о том, что «преобразователям» вряд ли удалось бы так лихо «кинуть» всю Россию, если бы они не придумали загадочные «ваучеры», «маркетинга», «консалтинги», «киллеров» и «дилеров», под которыми были замаскированы убийцы и вымогатели, воры и грабители. И не случайно до сих пор нет закона о защите русского языка, а госу-

дарственные (!) СМИ поднимают настоящий вой при любой попытке принять такой закон (кстати, законы о национальном языке действуют во Франции, Финляндии, Венгрии и многих других странах).

По улицам родного города мы ходим, как по странному вневременному и наднациональному New-Воронежу, где смешались языки, как при Вавилонском столпотворении, и сместились времена: «City» (развлекательный клуб), «Sportcity» (название магазина), «Uporiu» (итальянский бутик); «Piu & Piu» (магазин женской одежды), «По щучьему велению» — эти примеры (собранные и оцененные студенткой филологического факультета Викой Мусориной) могут быть дополнены каждым жителем: достаточно пройтись по нескольким (и даже одной центральной) улицам. Наши студенты отчетливо понимают, что такое отношение к языку — это целенаправленное разрушение национального самосознания русского человека. И проблема эта касается каждого из нас.

С древних времен наделение именем человека или вещи, произнесение имени было священнодействием. «Имя таинственным образом соответствует глубинной сущности вещи или человека, и все его употреблять нельзя!» (Е.С. Кара-Мурза).

Названия торговых, предпринимательских, коммерческих фирм, организаций, учреждений не должны противоречить языковым и эстетическим нормам, поскольку они являются частью той культурно-исторической среды, которая оказывает огромное воздействие на сознание и чувства обитающего в ней человека.

«Импортные» имена, которые кажутся владельцам, хозяевам «красивше», буквально заполнили наши улицы, нарушая все мыслимые правила и выходя за границы здравого смысла: «Деликат», «Эгоист», «Фобос», «Альбинос», наконец, лингвистический кошмар «Det. Мороз» и т.п.

Агрессия заимствований, засоряющих речь, затемняющих ее смысл, вызывает протест у людей, понимающих, что многому из того, что сейчас необдуманно заимствуется, место — в мусорной кор-

зине, а не в языковой копилке нашей жизни.

Впрочем, сами-то слова, которые уродуются и калечатся нелюбителями русского слова, поиздевавшиеся даже над словом «счастье» («сча\$тье»), даже чужие, не виноваты. Они - тоже жертва жестоких, бессовестных, невежественных «потребителей языка», лишенных языкового вкуса и нравственного чувства.

На одной из конференций, проведенной кафедрой русского языка филологического факультета ВГУ, прозвучали слова П.И. Мельникова-Давыдова (Борисоглебск), которыми можно подытожить размышления об иноязычных заимствованиях: «Никогда не стояла так остро проблема речевой дезориентированности носителей русского языка и крупномасштабного разрушения их языковой компетентности, вызванных необдуманном речевым «модничанием» плохо подготовленной части населения и активной деятельностью наших средств массовой информации. Это чревато серьезными последствиями для русской культуры в целом, тем, что происходящие изменения угрожают самобытности русского языка как высочайшего достижения нашей культуры».

Тревогу вызывает и еще одно явление в современном русском языке: перемещение периферийных, ненормативных элементов языка (жаргонных, просторечных) в сферу общеупотребительную, размывание норм, перегруппировка стилей. Процессы эти затрагивают не только язык, но и связанное непосредственно с языком мышление, способ видения мира, образ жизни.

Как пишет профессор И.Ю. Черепанова, разрабатывающая основы суггестивной лингвистики (лингвистики воздействия), в книге «Клич Гамаюн», «...язык — Друг и Враг, Защитник и Предатель. Язык амбивалентен и поливариантен. Он таит в себе ключ от «таинственной русской души». И даже если большая часть информации поступает к человеку через неязыковые каналы, она усваивается и воздействует только благодаря словесной переработке. Не говоря уж о том, что «В начале было Слово...», любая расшифровка невербальной информации происходит вербально. А как

иначе определить «закрытость», «лживость» или «коварное намерение?»

Магия языка — оружие воздействия в руках профессионала. Наши две беды — «дураки и дороги» — могут оказаться для России спасительными в силу того, что не дадут возможности абсолютного, тотального распространения техник НЛП (нейро-лингвистического программирования), овладения «каждым непрофессионалом» (как обещает И.Ю. Черепанова) способами, средствами, приемами манипулирования чужим сознанием, что становится вполне осуществимым, поскольку в области новых направлений лингвистики «мы впереди планеты всей», опережая мировую науку на десятилетия.

Роль мага и волшебника, погружающего человека в «сон золотой», где исполняются все желания (стоит только что-то съесть или выпить), берет на себя реклама, развлекательные программы, изделия и несъедобные продукты массовой культуры.

Проблема манипуляции как вида речевого воздействия с целью навязать определенные представления о действительности, сформировать нужное манипулятору отношение к событиям, фактам, предметам, вызвать желаемую эмоциональную реакцию стоит чрезвычайно остро. В агрессивной среде языкового манипулирования ни о какой свободе человека не может быть и речи. Если человек изначально, по словам Р. Барта, «раб языка», то в нынешних условиях тотального воздействия масс-медиа на сознание человек — раб, прикованный к галере. Только очень наивный человек верит, что реклама предлагает товар, продукт, торговую марку. На самом деле — продается, навязывается образ жизни, образ мыслей, принципы (вернее, беспринципность) отношения к действительности, к главным смыслам и ценностям Бытия, превращенного в быт. Исследователи рекламы отмечают, что целевая установка рекламщиков (их теперь тоже «красиво» называют «копирайтерами») — это создание, формирование представлений об «идеальном» мужчине и «идеальной» женщине.

«Мужская» реклама призвана сформировать образ активного, деятельного, самостоятельного человека. Для

этого используются соответствующие слова: власть, интеллект, превосходство, покорение, успех; безупречный, свободный, уверенный, энергичный и т.п. (Всего этого можно легко достичь, купив галстук «Мечта угнетенника» и напившись пива «Толстяк».)

«Женская» реклама апеллирует к понятиям «восторг», «изящество», «красота», «нежность»; «божественная», «великолепная», « пленительная». Надо только «позволить себе», «любить себя», «быть достойной» какой-либо косметики или парфюмерии.

Стратегическая задача рекламы — разрушить традиционную для русского сознания «нестыжательную» систему ценностей. По словам В.А. Долинского, в этой системе норма — бескорыстная помощь старому и малому, слабому, больному, это система, в которой, по определению «Словаря Академии Российской» (1806-1822 гг.), «потреблять» значило «погублять кого-то». Шаманские заклинания рекламы: «Купи! Употреби! Другой я продаю - это выгодный бизнес!; Все — за «Сибирскую Корону»; Шоколад «Аленка» — все, что нужно человеку!; Люби себя!; Любимый город может пить спокойно!» — деформируют сознание. И главный способ привлечения внимания — «бесплатно»: 10, 20, 150%. Вместо возвышенной идеи, призыва, посылы — бесстыдное «Даешь халяву!». Как справедливо пишет лингвист В.А. Долинский, «доминирующее в культуре поле смыслов сужается — на первое место выдвигается роскошь жизни... Миф о потреблении (об эквивалентности благосостояния человека и его финансового состояния) сознательно подпитывается бизнесом» («Лучшие друзья девушек — это бриллианты!»). Исследователь цитирует циничное и страшное по своей сути откровение современного «идеолога»: «Наша экономика требует, чтобы мы сделали неограниченное потребление нашим образом жизни, чтобы мы превратили покупки и потребление товаров в ритуалы, чтобы мы **искали в потреблении духовное удовольствие** (выделено нами). Экономике необходимо, чтобы вещи по-

треблялись, сжигались, изнашивались, выбрасывались и заменялись со все более возрастающей быстротой».

Сейчас на службе манипуляторов не только мощные силы СМИ, но и сила научного знания. «Магия изначального языка становится точным оружием воздействия в руках профессионала», — пишет профессор И.Ю. Черепанова, доводя до сведения широкого круга читателей (и зрителей — будучи приглашенной на популярную телевизионную передачу), что сегодня полученные прикладной отечественной лингвистикой результаты представлены профессиональной лингвистической программой, что дает возможность целенаправленно воздействовать на глубинные установки личности и общества, создавая **«совершенные тексты влияния на подсознание с полным контролем «подпороговых стимулов»** (Черепанова, 2007, с.73).

В современных условиях СМИ, медиа, массовая культура, а теперь еще и прикладная наука — мощнейшие средства воздействия на коллективное сознание, средства управления, манипуляции людьми. Они способны «провоцировать в сознании почти любые типы хаоса путем простой операции, одновременно предъявляя читателю, зрителю, слушателю взаимоисключающие смыслы и принципы... Медиа задают современному человеку его язык, его моду, его стиль жизни, а также **цели, ценности и потребности**» (выделено нами. — Кольцова Л.) (С. Кургинян, Ю. Бялый. Новый мировой порядок или новый мировой беспорядок? Инфраструктура и методология Хаоса. 2004, с.33).

То, что проделывает современная реклама с человеком, специалисты называют «шизофреническим нарушением иерархии мотивов»: «Все — за «Корону Российской империи», «Erman — вкус совершенства!», «Все для вас! Мегафон — будущее зависит от тебя!». Навязывание патологических стремлений, речевое воздействие ради создания программ поведения и действия в интересах порабощения человеческих душ, психологиче-

ский захват, насилие над личностью, чужое вмешательство в сознание с тем, чтобы незаметно для самого человека управлять им, — вот те угрозы, о которых должен знать и от которых **должен быть защищен** русский человек с самого детства, с помощью тех барьеров подсознания, которые создаются при помощи профессионального, глубокого знания и владения словом, методик контрсуггестии, возвращения к генетической памяти человека, образующей и воспитывающей русской литературы и православной молитвы.

Может быть, понимание того, что язык, воплощенный в эстетически совершенной форме в русской классической и святоотеческой литературе, делает человека **свободным** от манипулирования в криминальных целях, и есть истинная причина изгнания литературы из школы, русского языка — из вуза, и такого яростного сопротивления попытке ввести в школьное преподавание основ православной культуры.

Тем ответственной, благородней, жертвенней становится миссия учителя словесности, ученого-филолога, писателя и журналиста (не случайно почти исчезли из речи слова «поэт», «писатель», «певец» — их заменили «автор», «исполнитель»), тем важней роль гуманитарного образования в условиях технологической цивилизации, «разрушающей природу и самого человека», в условиях «репрессивного подавления личности» (А. Панарин. Духовные катастрофы нашей эпохи на языке современного философского знания, 2004, с. 194).

В этих условиях ущербной, агрессивной, попирающей и уничтожающей идеалы, паразитирующей на низменных инстинктах антикультуре, **жертвой** которой стал и наш язык, можно и нужно противостоять, используя каждую возможность сказать о том, что значение и ценность русского языка — в универсальной способности полного, всестороннего самовыражения человека и его многовекового уникального опыта познания мира, о том, что русская литера-

тура с ее высоким патриотизмом, интересом к судьбе Родины, гуманным отношением к человеческой Душе, способностью сильнейшего воздействия заставляют признать, как это делает немецкий философ В. Шубарт, что «русская душа ощущает себя наиболее счастливой в состоянии самоотдачи и жертвенности... Ее конечная цель и блаженное упование — добиться всеединства путем полной самоотдачи».

Сейчас каждое произнесенное учителем, писателем, журналистом слово (а тем более написанное) — это поступок, это выбор, это выражение своей позиции в битве цивилизаций. Прав В.М. Акаткин, когда он, обращаясь к самым юным филологам, говорит: «Эта боязнь живых смыслов и живого слова, этот синдром безъязычия и терминологической избыточности, за которыми не видно ни автора, ни его первородного художественного мира, поразили, словно эпидемия, наше литературоведение рубежа веков».

Это очень серьезная, больная проблема - **язык работ** о языке и литературе, Именно в них энергия мысли должна быть соединена с энергией слова. Но вместо «душевного огня и сопереживающего интеллекта» (В.М. Акаткин) нам (да ладно бы - нам, мы все-таки профессионалы, понимающие значение терминов) и «широкому» читателю, студенту, учителю предлагается пробраться через такие чашобы: «Традиционные коннотации и неоконнотации формируют лингвокультурологический семантический потенциал слова как динамическое образование, обеспечивающее слову статус лингвокультуремы»; или «При порождении девиантного художественного дискурса типа Д. Хармса аномалии наррации создают игру на ... референциальной неоднозначности...» и так — до бесконечности.

Так и слышится вздох Ф.И. Тютчева: «Теперь тебе не до стихов, О слово русское, родное!»

Девальвация, трансформация, подмена понятий происходит, таким обра-

зом, не только в той сфере, которую мы называем «массовой».

Свою руку к разрушению языка прикладывают и те, кто трудится в сфере науки и образования.

Очень изменилось отношение самих лингвистов к результатам своего труда: они порой уже и не стараются предугадать, «как наше слово отзовется». Пример тому — уже упоминавшийся «Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия».

Чего стоят, например, аннотации к нему: «Авторы сумели с пушкинским изяществом растолковать слова и выражения, отразив все нюансы их употребления в различные исторические периоды России... Он создан в лучших традициях лингвистических академических изданий...» (Лорин Мигерд, историк и переводчик).

«Пушкинское изящество», видимо, обнаруживается в такого рода «толкованиях»:

«Игроман» — геймоголик.

«Дурь» (жарг.) — дурман.

«Диджей» — диск-жокей.

«Байк-шоу» — шоу с участием байкеров.

«Мини-ноутбук» — субноутбук.

«Кич-мен» — тот, кто увлекается китчем.

«Дама» — см. «господин» и т.д., и т.п.

Но не только «пушкинское изящество» присуще словарю, который «многие годы будет своеобразным индикатором ментальности россиянина, жившего на рубеже веков» (Лысакова И.П., доктор филологических наук).

«Ментальность россиянина» отразилась в таких, к примеру, иллюстрациях к словам:

«Гашиш» — наркотик. «В Советской Армии интенсивно (выделено нами. — Кольцова Л.) употреблялось спиртное, наркотики, прежде всего, гашиш».

(Надо сказать, в наши студенческие годы мы и видом не видали, и слухом не слышали ни про какие наркотики.)

«Голубой» — «Я совершенно спокойно отношусь к голубым. Мне с ними комфортно»; «К этому явлению... можно плохо относиться только от дремучести, от непонимания элементарных вещей» (Алла Пугачева).

«Натовский» — «Предотвращение гуманитарной катастрофы в Косово — главная задача натовской кампании в Югославии».

«Порнобизнес» — «Моя семья полностью живет за счет порнобизнеса. Один из сайтов зарегистрирован на маму, другой — на сестру».

«Люмпенский» — «Когда-то формальные предшественники КПСС — большевики — пришли к власти с люмпенскими лозунгами: «Грабь награбленное». Лозунг принят был с восторгом, засел в голове и прочно сидит там до сих пор».

«Тату» — «Татуировку и пирсинг делают все! И мужчины, и женщины...»

Слава Богу, что этот «фундаментальный лексикографический труд» имеет тираж всего 5 тысяч экземпляров и стоит очень недешево. Как разительно отличается он от всех толковых словарей, где соблюдался принцип, определенный В.И. Далем: «...составитель словаря не указчик языку, он служителю, раб его».

Странной, мягко говоря, кажется ментальность и история русского народа, если судить о них по данным словаря, где представлены слова с такими комментариями и пометами: Абсурдистан — о Советской России, АгроГулаг — о колхозно-совхозном строе, агрессивно-послушное большинство — о составе Верховного Совета СССР; где слова: «балдеть», «зэковский», «блатняк», «бомжара», «закидон», «путанить», «кабак» — отнесены в разряд разговорных (разговорная лексика, как известно, входит в состав литературной лексики); «благотворительность» оказывается «неодобрительной», «брак» — «религиозным», «взяточный»-«шутливым», а слова, уходящие в пассивный состав, — «братский», «будущее», «добровольный», «доблестный» и пр.

Авторы-составители сочли необходимым включить в словарь жаргонизмы «заторчать», «запасть на кого-то», «замочить», «закосить», «тащиться», «урка», «уркаган», «вертухай» и другие «языковые изменения», которые здесь не могут быть написаны, потому что еще существует понятие «непечатные, нецензурные» слова и выражения.

Надо было серьезно потрудиться, чтобы отыскать иллюстративный материал, раскрывающий своеобразное отношение к таким понятиям, как **РКПБ**: «...программный тезис общий: все отнять, все поделить и всех почему-то на Чукотку»; Коммунизм: «Трагедия, порожденная коммунизмом и фашизмом, придала международный характер репрессиям и террору». Коммунистический: «Наш коммунистический рай, коммунистическая система все сделала, конечно, для растления народа». **Ментальность**: «Наши (!) постоянные войны... сформировали особую ментальность народа. Поговорка «Скорей бы война, да в плен сдаться» могла появиться только у нас и нигде больше». Как говорится - без комментариев.

И вот как представлены в иллюстративном материале другого рода понятия:

Коммерция: «Искусство должно нести в себе элемент коммерции».

Коммерчески: «У сложного авторского искусства есть коммерчески значимая аудитория. Надо только научиться работать с ней. И для нее».

Меньшинства: «Я всегда хотела, чтобы геи свои возможности необыкновенные свободно реализовывали» (А. Пугачева); «Движение российских сексуальных меньшинств только в начале пути...»

180Секс-бомба: «Студенты в восхищенном вожделинии именовали ее «секс-бомбой»; среди профессорско-преподавательского состава она слыла «богиней».

Рейверы: «Наркотик «Extazy» наиболее распространен среди рейверов. Соответствующая музыка доводит дей-

ствие наркотика до состояния высшего наслаждения».

Шоу: «Телевизионные шоу - шанс приобщиться к цивилизованным странам».

Как же надо не любить свою страну, свой народ, свой язык, чтобы среди всего лексического богатства, разнообразия выбрать скрупулезно то, что противно нормальному, здоровому, ясно мыслящему человеку, забыв совершенно не потерявшее своего значения «напутное слово» В.И. Даля: «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него **язык образованный**», забыв о том, что «составитель языка не указчик языку, он служитель, раб его».

Тревожные сигналы о том, что даже филологическое образование, филологическая наука, которая **обучает, воспитывая**, переживает **внутренний кризис**, меняет цели и задачи, требует серьезного, обдуманного, профессионального обсуждения. Это — предмет особого разговора, особая проблема.

Отдельно надо говорить и о том, что же **нам** делать в условиях, когда власть предержажшие, распоряжающиеся деньгами чиновники, правители всех рангов и мастей, отчетливо понимая, какую роль играет **Просвещение** в национальной безопасности, в развитии страны, формировании полноценного, умного, образованного, свободного человека, **не заинтересованы в таком Просвещении и Образовании**.

Если люди будут способны сориентироваться, самоопределиться и объединиться вокруг важнейших нравственных понятий, построить вокруг них жизненные *проекты, их сознанием нельзя будет манипулировать*, они смогут противостоять убийственному. Хаосу - символу предельной несвободы.

Надежда на это есть, потому что мощно и надежно работает русская Грамматика, *перерабатывая, осваивая и подчиняя себе все чужое и чуждое, превращая «o'key» в совершенно русское «акей!», «акейно!»*. «Переимчивый и общежительный» русский язык живет по

своим законам, сохраняет свой неповторимый образ мира.

Именно поэтому на «рабочих столах» компьютеров, на обложках тетрадей своих студентов я все чаще вижу: «Живу

в России и горжусь этим»; «Родина-мать зовет!». И самое главное — просьба, требование наших учеников: «Научите нас говорить красиво». Ради этого стоит работать и жить!

УДК 808.2

*Тульский государственный университет
Канд. филол. наук Пантелеев И.В.*

Candidate of philological sciences Pantelev I.V.

И. В. Пантелеев

**НАЗВАНИЯ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ В ТУЛЬСКИХ ГОВОРАХ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КНИГИ В. А. ЛЕВШИНА «ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ. 1803 ГОД»)**

Статья посвящена рассмотрению в структурно-семантическом, этимологическом и этнолингвистическом аспектах диалектных названий травянистых растений, отмеченных в тульских говорах 2-й пол. XVIII-го начала XIX века.

I. V. Pantelev

**THE NAMES OF GRASSES IN TULA DIALECTS (BASED ON MATERIALS OF
«TOPOGRAPHIC SKETCH OF TULA GUBERNIYA.1803» BY V. A. LEVSHIN)**

This article deals with the structural, semantic, etymological and ethno-linguistic analysis of vernacular names of grasses distinguished in Tula dialects in the second half of the 18th century – the beginning of the 19th century.

В современной диалектологии большое внимание уделяется изучению названий древесных и травянистых растений, подтверждением чего служит та плодотворная работа, которая ведется в Институте лингвистических исследований Российской академии наук над составлением первого тома Лексического атласа русских народных говоров «Растительный мир».

Достаточно интересный материал по этой тематике содержится в живых тульских говорах и памятниках письменности, посвященных Тульскому краю. Одним из

таких памятников является книга тульского ученого-энциклопедиста В. А. Левшина «Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год».

© Пантелеев И.В., 2008

Наряду с историческими, географическими, этнографическими и экономическими сведениями в книге В. А. Левшина содержится целый ряд диалектных слов, входящих в тематическую сферу Природа: названия грибов, ягод, травянистых и древесных растений Тульского края.

В. А. Левшин не был диалектологом и не ставил перед собой цели по сбору и

изучению региональной лексики, поэтому диалектизмы даются им без указания места и даты записи, зато сопровождаются латинскими названиями, что существенно облегчает определение обозначаемых ими реалий. Кроме того, в книге В. А. Левшина содержатся сведения о месте произрастания растений и их использовании в быту.

Благодаря такой подаче материала современный исследователь получает возможность проанализировать диалектную лексику с исторических и этнолингвистических позиций, что позволяет ему лучше понять особенности мировоззрения туляков, живших более двухсот лет назад. Здесь же следует сказать и о том, что диалектизмы, собранные В. А. Левшиным, представляют несомненную ценность и для лексикографов, поскольку до настоящего времени «Словарь тульских говоров» не издан, а в «Толковом словаре...» В. И. Даля многие слова приводятся без указания места их фиксации. Более того, даже в таком фундаментальном лексикографическом источнике, как «Словарь русских народных говоров», далеко не все тульские диалектизмы имеют соответствующие пометы.

Исходя из всего сказанного выше, мы определяем задачи статьи:

- выявить принципы номинации травянистых растений в тульских говорах;
- обозначить там, где это возможно, ареал диалектных слов-наименований травянистых растений и факторы, сдерживающие их распространение на другие территории;
- установить, какие из диалектизмов интересующей нас тематической группы не отмечены в «Словаре русских народных говоров» и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля;
- сопоставить список травянистых растений, составленный В. А. Левшиным, с современной номенклатурой травянистых растений Тульского края и проследить судьбу диалектных лексем в тульских говорах.

Во всех русских народных говорах существуют единые принципы номинации травянистых растений, и тульские говоры исключением не являются. Проанализированный нами материал убедительно свидетельствует, что обычно растение получает наименование по одному, самому существенному для носителей диалекта, признаку, но иногда за основу номинации могут браться одновременно и два признака.

В тульских говорах самым частотным является принцип номинации растений по признаку, характеризующему само растение: форма, цвет, вкус, запах.

Так, мотивация по форме характерна для следующих названий растений.

Баранцы (*Primula veris*) – *первоцвет весенний* (*Primula veris*). За основу номинации взято сходство цветков растения с рогами барана. Интересно, что этот признак оказался актуальным и спустя двести с лишним лет, так как в говоре п. Майский (д. Маевка) Щекинского района для обозначения первоцвета весеннего активно употребляется слово *баранчики*, образованное посредством продуктивного суффикса – чик. В связи с тем, что мы не знаем, какому говору принадлежало слово *баранцы*, лексема *баранчики* будет рассматриваться нами не как синоним существительного *баранцы*, а как семантический вариант. В «Словаре русских народных говоров» и в «Толковом словаре...» В. И. Даля название *баранцы* отсутствует, из чего мы можем сделать вывод, что оно локально использовалось в тульских говорах.

Пух (*Agrostis*) – растение из семейства злаков *полевица* (*Agrostis*), которое появляется во ржи или пшенице в сырую погоду [4, 193]. В Средней России произрастает шесть видов *полевицы* [6, 101], из них пять – в Тульском крае [1, 134]. По тому описанию, которое В. А. Левшин дает *полевице*, невозможно определить, о каком виде идет речь, возможно, это *полевица тонкая* (*Agrostis tenuis*, или *Agrostis vulgaris*). Цветочная кисть *полевицы тонкой*

настолько пушиста, что в дождливую погоду «вбирает много влаги и тем препятствует просыханию снопов» [4, 193]. Очевидно, особенность строения цветочной кисти и была положена в основу номинации *пух* (*Agrostis*).

В «Толковом словаре...» В. И. Даля слово *пух* обозначает растение *Apera spica* – сорная трава в хлебе, костра, метлик(ц)а [2, т. 3, 908. Без указ. места]. Если судить по внешнему виду растений *метлица полевая* (*Apera spica venti*) и *полевица тонкая* (*Agrostis tenuis*, или *Agrostis vulgaris*), то название *пух* больше подходит к *полевице тонкой*, чем к *метлице полевой*. Таким образом, туляне из двух растений, широко распространенных в нашем крае – *метлица полевая* и *полевица тонкая* – дали название *пух* тому, у которого более ярко выражен отличительный признак, взятый за основу номинации.

Шпоры кавалерийские – живокость клиновидная (*Delphinium cuneatum*). Свое название растение получило за сходство цветка с кавалерийскими шпорами, подтверждением чего служит «Толковый словарь...» В. И. Даля, в котором зафиксирован диалектизм *шпорник* (*Delphinium*) [2, т. 4, 1063]. В отличие от одиночного существительного *шпорник* атрибутивное словосочетание *шпоры кавалерийские* более точно именуется предмет, что мы и видим в тульских говорах.

Растение **денежник** (*Thlaspi*) – **ярутка полевая** (*Thlaspi arvense*) названо так за сходство плода с монетой. В таком же значении слово *денежник* отмечено в «Толковом словаре...» В. И. Даля [2, т. 1, 710] и в «Словаре русских народных говоров» [7, вып. 7, 350], однако без ссылки на тульские говоры. Вероятно, название растения образовано суффиксальным способом от основы прилагательного *денежное* (*растение*). Здесь, как мы видим, сработал закон экономии языковых средств, благодаря чему составное наименование заменилось однословным. Добавим: в современном рус-

ском разговорном языке достаточно широко используется субстантивное словосочетание *денежное дерево*, обозначающее комнатное растение *толстянка древовидная* (*Crassula arborescens*), листья которого тоже по форме напоминают монеты.

Растение **шильная трава** (*Genista tinctoria*) – **дрок красильный** (*Genista tinctoria*) названо так потому, что его плоды – бобы – имеют изогнутую форму и острый кончик, то есть напоминают сапожное шило. В. А. Левшин отмечает, что из шильной травы крестьяне получают желтую краску для пряжи и тканей. Однако номинация по форме оказалась более существенной, чем номинация по свойству, потому что форма плода была очевидна для всех носителей диалекта.

Змеиный язык (*Ophioglossum*) – **ужовник обыкновенный** (*Ophioglossum vulgatum*) имеет листья, похожие на язык змеи. Место произрастания *ужовника обыкновенного* – влажные мшистые луга, сырые лесные поляны, поросшие кустарником. Нередко *ужовник* образует густые заросли, в которых охотно селятся разного рода земноводные, в том числе и ужи. Эти два признака – форма листьев и место произрастания – и были взяты за основу номинации растения как в диалекте, так и в литературном языке. В «Толковом словаре...» В. И. Даля название *змеиный язык* (*Ophioglossum*) дается без указания места [2, т. 1, 1135], а в «Словаре русских народных говоров» оно не приводится, поэтому нам трудно судить, насколько широко это название было распространено в диалектах. К сожалению, за прошедшие двести лет ареал *ужовника* в Тульской области существенно сократился, и в настоящее время это растение встречается редко и нуждается в усиленной охране [1, 139].

Прострел или **голубки цветы** (*Asonitum napellus*), по свидетельству В. А. Левшина, является ядовитым растением, которое изредка встречается по заливным лугам около реки Оки. Тот факт, что В. А.

Левшин одному растению дает три наименования, одно из которых – *прострел* – литературное, другое – *голубки цветы* – диалектное, а третье – *латинское*, существенно затрудняет понимание того, о каком же растении говорит автор. Если ориентироваться на название *прострел*, то оно никак не соответствует латинскому названию, которое приводит ученый. *Прострел*, согласно «Популярному атласу определителю дикорастущих растений» имеет латинское название *Pulsatilla patens* [6, 187]. В прошлом оно произрастало «во многих местах Алексинского, Ефремовского, Богородицкого и Веневского районов области» [1, 97], теперь же встречается редко и нуждается в охране. Цветки *прострела* имеют сине-фиолетовую окраску, отдаленно напоминая цвет голубя-сизаря, за что растение и могло получить название *голубки цветы*.

Если исходить из значения латинского названия *Aconitum napellus*, которое приводит В. А. Левшин, то на территории современной Тульской области произрастают три вида растений, относящихся к роду *Aconitum*: *борец дубравный* (*Aconitum nemorosum*), *борец северный* (*Aconitum septentrionale*) и *борец шерстистый* (*Aconitum lasiostomum*) [1, 119]. Первые два вида встречаются редко и нуждаются в охране, третий распространен более широко. Интересно, что *борец северный* содержит ядовитые алкалоиды и имеет грязно-фиолетовые цветки, также отдаленно напоминающие окраску голубя-сизаря, на основании чего мы можем предположить, что, по В. А. Левшину, *прострел* или *голубки цветы*, это и есть *борец северный*. Однако место произрастания *борца северного* никак не соответствует тому описанию, которое приводится в книге В. А. Левшина. Напомним: В. А. Левшин отмечает, что *прострел* растет на заливных лугах вдоль Оки. Что касается *борца северного*, то он предпочитает широколиственные, хвойно-широколиственные и березовые

леса, поляны, вырубki, заросли кустарников и лесные овраги. Для сравнения отметим: *прострел* любит открытые солнечные участки: луговые степи, разреженные сосновые леса, их опушки, поляны, сухие солнечные склоны [6, 187]. Отсюда мы вправе заключить, что в данном случае В. А. Левшин спутал два разных растения: *прострел* (*Pulsatilla*) и *борец* (*Aconitum*), ошибочно отнеся *прострел* к ядовитым растениям. В действительности же *прострел* не является таковым, о чем, впрочем, свидетельствует и сам В. А. Левшин: «Хотя сие растение и должно попадать в сено, но не слышно, чтобы приключало скотам вред» [4, 192]. Итак, подводя итог всему сказанному выше, мы заключаем, что В. А. Левшин говорит о растении *прострел раскрытый* или *сон-трава* (*Pulsatilla patens*), а латинское название *Aconitum napellus* он приводит ошибочно. Однако причина этого кроется, скорее всего, не в осведомленности В. А. Левшина, а в многозначности слова *прострел*, которое в русских говорах обозначает несколько видов растений: *Anemone*, *Pulsatilla*, *Aconitum* [2, т. 3, 860].

Растение *пестрой* (*Coronilla varia*) – **вязель разноцветный** (*Coronilla varia*) В. А. Левшин относит к сорнякам, которые обычно произрастают на хлебных полях. В номинации *пестрой* актуализируется сема цвет: венчик *пестрой* имеет розовую, белую или фиолетовую окраску, а флаг и лодочка нередко бывают пестро окрашены, с темными полосками и пятнами. В «Толковом словаре...» В. И. Даля это слово не приводится, нет его и в «Словаре русских народных говоров», следовательно, оно присуще исключительно тульским говорам.

Желтомолочник (*Chelidonium*) – **чистотел большой** (*Chelidonium majus*), по свидетельству А. В. Левшина, произрастает не во всех местах губернии. Однако там, где он рос, сок чистотела, имеющий ярко-оранжевый цвет, использовался в качестве лекарственного средства. По окраске сока

это растение и получило свое название. В. А. Левшин отмечает, что нередко сок *желтомолочника* закапывали в глаза, поскольку он якобы способствует их очищению, однако ученый не поясняет, очищению от чего. В. А. Левшин не относит *желтомолочник* к ядовитым растениям, тогда как современная медицина считает все части его, а особенно сок, весьма ядовитыми. Так, соком чистотела можно сводить бородавки и другие кожные наросты, чернить металл и даже окрашивать шерсть в красный и желтый цвета. Известно, что даже в сушеном виде *желтомолочник* не утрачивает своих ядовитых качеств, и пыль от сушеной и перетертой в порошок травы обжигает слизистую носоглотки.

Приводится слово *желтомолочник* и в «Толковом словаре...» В. И. Даля, правда, без указания места, следовательно, признак, лежащий в основе номинации, можно считать одним из доминирующих. Хотя, справедливости ради, мы вынуждены отметить, что в русских говорах для обозначения этого растения используется двенадцать названий [2, т. 1, 878]. Есть слово *желтомолочник* (*Chelidonium majus*) и в «Словаре русских народных говоров», но без ссылки на тульские говоры и указания времени фиксации лексемы [7, вып. 9, 112].

Растение *лесной чеснок* или *черемош* (*Erysimum alliaria*. *Alium ursinum*) – *лук медвежий*, *черемша* (*Alium ursinum*) обладает ярко выраженным чесночным запахом и вкусом, что и отражено в семантике существительного *чеснок*. В то же время прилагательное *лесной* указывает на место произрастания, разграничивая тем самым чеснок дикий и чеснок окультуренный. Таким образом, посредством атрибутивного словосочетания выражаются три вида признаков: место произрастания, вкус и запах.

В настоящее время черемша в изобилии произрастает во многих местах Щёкинского района Тульской области, однако каждую весну она хищнически уничтожается торговцами зеленью, которые заготов-

ливают молодую черемшу мешками. Примечательно, что, по данным А. И. Алюшина, черемша в центре европейской части России принадлежит к реликтовым и редким растениям. В Красной книге *черемша* отнесена к категории сокращающихся видов и потому нуждается в охране [1, 90]. В «Толковом словаре...» В. И. Даля и в «Словаре русских народных говоров» название *лесной чеснок* не приводится, значит, оно локально использовалось в тульских говорах.

Свербель (*Erylimum*) В. А. Левшин относит к съедобным растениям, стволы которого имеют редечный вкус. Мы не смогли найти в определителях дикорастущих растений латинское название, которое приводит В. А. Левшин, поэтому о том, что это за растение, можем говорить только предположительно. Если принять во внимание вкус свербеля, то можно предположить: это растение **свербига восточная** (*Bunias orientalis*). В народе свербигу нередко называют луговой редькой или редькой дикой [3, 298]. В «Толковом словаре...» В. И. Даля существительное *свербель* отсутствует, а для обозначения *свербига восточной* (*Bunias orientalis*) приводится диалектизм *сверби'чка*, а названия *свербигу'зка* (без указ. места) и *свербейка* (кур., орл.) – обозначают *горчицу полевую* (*Sinapis arvensis*) [2, т. 4, 242]. В говоре п. Майский (д. Маёвка) Щёкинского района Тульской области *свербига восточная* называется *сиргибус* (Пантелеев).

Растение **вонючие ромашки** – **ромашка пахучая** (*Matricaria suaveolens*) принадлежит к разряду сорняков, которые, хоть и трудноискоренимы, большого вреда на полях и огородах не приносят. Очевидно, что название этот вид ромашки получил за сильный запах, который в тихую и жаркую погоду чувствуется на расстоянии. Отметим: прилагательное в составе субстантивного словосочетания *вонючие (ромашки)* не имеет негативной оценки, по-

сколько указывает на степень запаха, а не на его качество. Ср.: *благовоние – зловоние*.

Бориц (*Heracleum sphondylium*) – одно из немногих загадочных растений в книге В. А. Левшина, так как по латинскому названию, которое приводит ученый, определить литературное название нам не удалось. Исходя из семантики слова *бориц*, мы можем предположить, что речь идет о растении из семейства зонтичных род *борщевик* (*Heracleum*). Такое же название мы находим в «Толковом словаре...» В. И. Даля [2, т. 1, 2008] и в «Словаре русских народных говоров» [7, вып. 3, 121], однако без ссылки на тульские говоры. В Средней России, в том числе и на территории Тульского края, произрастает только один вид: *борщевик сибирский* (*Heracleum sibiricum*) [1, 119], пригодный для пищевых целей: «Молодые стебли едят в сыром виде, очистив их от волосистой кожицы. Бульон из борщевика напоминает куриный или грибной. В борщах и щах борщевик может заменить капусту...» [3, 214]. Наше предположение о том, что растение с народным названием *бориц* – это *борщевик сибирский* подтверждается косвенно и самим В. А. Левшиным: «*Бориц* следует после сныти в варение щей и приготовление ботвины» [4, 187].

Свое наименование растение *бориц* (*борщевик*, *борщевник*) получило за остроту и шероховатость листьев. Со временем слово *бориц* (*Heracleum*) расширило семантику и стало обозначать похлебку, которую раньше варили из *борщевика*, а название похлебки из *борщевика* в свою очередь стало обозначать «похлебку из красной свеклы» [8, т. 1, 198]. Первичным значением здесь будет значение *бориц* (*Heracleum*).

Горлянка (*Origanum vulgare*) – **душица** (*Origanum vulgare*), по свидетельству В. А. Левшина, заваренная как чай, прекрасно помогает от болезней горла, за что и получила название. Действительно, народные лекари издавна применяют отвары и настои душицы в качестве отхарки-

вающего средства при бронхитах, поскольку она способствует отделению мокроты. Однако при лечении болезней горла предпочтением отдается *манжетке обыкновенной* (*Alchemilla vulgaris*) или, как ее называют в говорах дд. Маёвка, Крутовка, Колотовка Щёкинского района Тульской области, *горлянка* (Пантелеев). В «Толковом словаре...» В. И. Даля слово *горлянка* приводится без указания места и обозначает несколько растений, используемых для лечения болезней горла, однако душицы и манжетки обыкновенной среди них нет [2, т. 1, 624].

Завязной корень (*Thormentilla creota*) в «Толковом словаре...» В. И. Даля имеет латинское название *Tormentilla erecta* [2, т. 1, 937]. В. А. Левшин и В. И. Даль указывают, что отвар корня этого растения помогает от поноса. Это свойство растения и взято за основу его номинации. Не известно почему, но ни В. И. Даль, ни В. А. Левшин не приводят русского литературного названия растения *завязной корень*, а латинские названия в указателях травянистых растений нам найти не удалось. В «Словаре русских народных говоров» лексема *завязной корень* обозначает растение семейства розановых *лапчатку прямую* или *калган* (*Potentilla tormentilla schrenk*) [7, вып. 9, 349], которое обладает вяжущим, кровоостанавливающим и бактерицидным действием. Исходя из лечебных свойств *калгана*, мы можем предположить, что в данном случае В. А. Левшин говорит именно о нем, тем более что на территории Тульского края это растение распространено повсеместно.

Растение **синило** – **вайда красильная** (*Isatis tinctoria*) в отдельных местах Ефремовского уезда использовалось для крашения шерстяных тканей в синий цвет, за что и получило название. Диалектизм *синило* образован посредством непродуктивного суффикса –л(о) от глагола *синить*. В «Толковом словаре...» В. И. Даля слово *синило* имеет значение: «синька для белья»

[2, т. 4, 316]. У слов *синило* – «вайда» и *синило* – «синька для белья» выделяется общая сема: «то, чем синят белье или ткань».

Мариона (*Rubia tinctorum*) – **марена'** произрастает «не во всех округах Тульской губернии, но токмо в Богородицкой и Ефремовской» [4, 191]. Место произрастания *марены* – прикаспийские степи [2, т. 2, 487]. К среднерусской флоре это растение не принадлежит, поэтому неясно, как оно попало в Тульскую губернию. Примечательно, что в конце XX столетия в Черном районе около ж/д станции Скуратово было найдено растение из семейства мареновых *подмаренник крестовый* (*Galium cruciata*), которое является заносным из других областей [1, 115]. Следовательно, климат Тульского края подходит для произрастания *марены*, и крестьяне, профессионально занимавшиеся крашением тканей в домашних условиях, могли специально выращивать *марену* на огородах. Поясним: из корня *марены*, отваренного в квасе, получается раствор для окраски ткани в густой красный цвет. Нельзя исключить и возможности занесения в наш край *марены* крымскими татарами, которые на протяжении нескольких столетий совершали регулярные набеги на южные окраины Московского государства. По своему происхождению слово 'марена' восходит к глаголу 'марать' [8, т. 2, 572], однако подобного рода образования в русских говорах единичны. В «Толковом словаре...» В. И. Даля и в «Словаре русских народных говоров» название *мариона* не приводится.

Болиголова или **бешеница** (*Cicuta virosa*) – **вех ядовитый** (*Cicuta virosa*) является самым ядовитым растением в зоне Нечерноземья. Ядовиты все без исключения части растения, но больше всего яда – цикутотоксина – содержится в корневищах. После попадания цикутотоксина в организм человека быстро развивается отравление, признаками которого являются сладковатый, а затем горьковатый вкус во рту, боль в животе, расстройство дыхания

и кровообращения, рвота, судороги, бред, слюнотечение. Нередко люди погибают от остановки дыхания в результате паралича дыхательного центра. Последствия отравления человека *вехом ядовитым* сильно напоминают симптомы бешенства (*Rabies*), отсюда и название растения *бешеница*. В «Словаре русских народных говоров» слово *болиголова* отсутствует, а диалектизм *бе'шеница* (*Cicuta virosa*) дается со ссылкой на В. И. Даля [7, вып. 2, 286]. В. И. Даль в «Толковом словаре...» без указания места приводит две лексемы: *боли'голова* и *бе'шеница* (*Cicuta virosa*) [2, т. 1, 136].

Повилица (*Convolvulus sepium*) – **вьюнок полевой** (*Convolvulus arvensis*) из семейства вьюнковых и **повой** или **сорочья пряжа** (*Cuscuta europaea*) – **повилика европейская** (*Cuscuta europaea*) из семейства повиликовых относятся к сорнякам, которые оплетают, опутывают культурные растения, угнетая их рост. Эта отличительная черта *повилицы* и *повоя* и взята за основу их номинации. Подтверждение сказанному выше мы находим в «Толковом словаре...» В. И. Даля, в котором для обозначения растения *Convolvulus arvensis* приводятся названия: *повой*, *повилика* и *повилица* [2, т. 3, 239]. В тульских же говорах, как видим, наблюдается более четкая дифференциация. Что касается происхождения составного наименования *сорочья пряжа*, то установить признак, лежащий в основе его мотивации, нам не удалось.

Растения **попутник** (*Plantago*) – **подорожник** (*Plantago*), **подлесник** (*Asarum*) – **копытень европейский** (*Asarum europaeum*) и **лютик болотный** или **жабник** (*Ranunculus sceleratus*) – **лютик ядовитый** (*Ranunculus sceleratus*) названы по месту произрастания.

Сложнее обстоит дело с растением **пашенная сосенка** – **хвощ полевой** (*Equisetum arvense*). За основу его номинации взяты одновременно два признака: место произрастания (пашня) и форма (хвощ напоминает молоденькую сосенку). В настоящее время говоре п. Майский (д. Маевка) Щекинского района Тульской об-

ласти для обозначения *хвоща полевого* используется лексема с неясной мотивацией *толка'чики*.

Названия *попутник*, *подлесник* и *жабник* приводятся в «Толковом словаре...» В. И. Даля [2, т. 3, 512, 304, т. 1, 865], что свидетельствует о широте их распространения в русских говорах. Составного наименования *пашенная сосенка* В. И. Даль не приводит, зато он дает однословные наименования *сосенка* (*Hippuris*) – *хвостовник* [2, т. 4, 467] и *сосенник* (*Equisetum pratense*) – *хвощ луговой* [2, т. 4, 903]. Здесь же уместно сказать и о том, что для обозначения разных видов хвоща вполне подошло бы существительное *сосенка*, которое выступало бы как родовое название, поскольку хвощ разных видов по форме напоминает молодую сосенку. Вероятно, для того, чтобы избежать возможной путаницы, в тульских говорах и появилось двухсловное наименование *пашенная сосенка*, в котором прилагательное обозначает вид растения, а существительное – его род.

В «Словаре русских народных говоров» диалектизм *пашенная сосенка* отсутствует, а названия *жабник* и *лютик болотный* приводятся в значении, отличном от того, которое они имеют в тульских говорах.

Следующие диалектные названия растений имеют неясную мотивацию.

Буковица (*Bethonika*) – **буквица лекарственная** (*Betonika officinalis*). В «Этимологическом словаре...» М. Фасмера это слово не приводится. По данным «Словаря русских народных говоров», лексема *буковица* в тульских говорах не употребляется [7, вып. 3, 266], а в «Толковом словаре...» В. И. Даля она дается без указания места [2, т. 1, 241]. В народной медицине отвар буковицы применяется при простуде, кашле и грудных болезнях.

Дятловины – собирательное название, обозначающее растение из семейства бобовые род **клевер** (*Trifolium*). В Тульском крае насчитывается двенадцать видов *клевера* [1, 126]. В «Толковом словаре...» В. И. Даля эта лексема приводится без указания места [2, т. 1, 843], а в «Словаре русских народных говоров» существительное *дятловина* дается без ссылки на тульские говоры [7, вып. 8, 309]. В современном говоре п. Майский (д. Маёвка) и г. Щёкино

разного вида *клевер* обозначается словом *кашка* (Пантелеев).

Зоря дикая (*Ligusticum austriacum*) – **любисток лекарственный** (*Levistikum officinale*). В «Этимологическом словаре...» М. Фасмера существительное *заря* считается «темным словом», и этимолог не поясняет, о каком растении идет речь [8, 2, 81]. В «Толковом словаре...» В. И. Даля к названию *зоря* даются два латинских наименования: *Ligusticum austriacum* и *Levistikum officinale*, однако место фиксации лексем не приводится [2, т. 1, 1147]. В «Словаре русских народных говоров» это название приводится без ссылки на тульские говоры и в другом значении [7, вып. 11, 345].

Об использовании *зори дикой* в народной медицине нам известно немного. В. А. Левшин отмечает, что отвар травы в молоке или квасе с медом помогает от ангины и других болезней горла [4, 189]. Народные лекари считают, что если на корне любистока и лавровом листе настоять водку и этой настойки дать выпить алкоголику, то можно вызвать отвращение к водке [5, 252]. В заключение отметим: в диком виде на территории Тульского края *зоря дикая* не встречается.

Жабрей (*Anthirrinum majore*). Возможно, это название растения из семейства норичниковых **льнянки обыкновенной** (*Linaria vulgaris*) или иначе **львиный зев** (*Antirrhinum L.*) [7, вып. 9, 52]. В современном говоре п. Майский (д. Маёвка) Щёкинского района Тульской области как семантический вариант слова *жабрей* (*Anthirrinum majore*) употребляется наименование *львиный зев* (*Antirrhinum L.*) (Пантелеев).

Медвежьи пучки (*Angelica*) – **дудник лекарственный**, или **дягиль** (*Angelica Archangelica*, или *Archangelica officinalis*); **дудник лесной** (*Angelica sylvestris*). Очевидно, что за основу номинации названия взяты зооморфные признаки, но какие, точно установить не удалось. Допустимо предположение, что это растение, содержащее в корнях много эфирного масла и отличающееся хорошими вкусовыми свойствами, охотно поедается медведями, за что и получило название. В. А. Левшин отмечает, что крестьяне едят «молодые стволы сего растения» [4, 187], а в современной кулинарии широко используются все части *дудника лекарственного* и *дудника лесного*; в меди-

цинских целях обычно заготавливают корни и корневища [3, 245-249].

В «Толковом словаре ...» В. И. Даля название *медвежьи пучки* отсутствует, а в «Словаре русских народных говоров» эта лексема дается без указания на тульский регион [7, вып. 18, 68].

Собачья петрушка (*Aethusa cynapium*) – **кокорыш обыкновенный** (*Aethusa cynapium*). Оба эти названия встречаются в книге А. И. Алюшина «Растения Тульского края» [1, 127], из чего следует, что диалектизм постепенно входит в литературный язык. В. И. Даль в «Толковом словаре...» словосочетание *собачья петрушка* (*Aethusa cynapium*) приводит без указания места и дает его семантический вариант *собачница* (*Aethusa cynapium*) [2, т. 4, 422-423]. Из семантики прилагательного следует, что название растения восходит к существительному *собака*, но на чем основывается эта связь, установить не удалось.

О свойствах *собачьей петрушки* нам известно немного. В. А. Левшин отмечает, что *собачья петрушка* появляется рано весной, когда еще мало травы, поэтому коровы с жадностью набрасываются на нее и, наевшись, умирают. Противоядия от этой отравы крестьяне не знают.

На территории Тульского края *собачья петрушка* встречается довольно часто, хотя, по другим данным, в Средней России она относится к редким растениям [6, 279].

Проведенный анализ диалектного материала позволяет сделать выводы.

а) Наряду с однословными наименованиями травянистых растений достаточно широко используются двухсловные наименования. Для обозначения одного растения нередко используются однословное и двухсловное наименования, причем последнее может указывать сразу на два отличительных признака, взятых за основу номинации.

б) Основу номинации обычно составляет русизм, что обеспечивает легкость понимания.

в) В «Толковом словаре...» В. И. Даля и в «Словаре русских народных говоров» приводятся многие названия травянистых растений, характерные для тульских говоров XVIII столетия, однако как тульские они в этих словарях не отмечены.

г) Диалектизмы *баранцы*, *болиголова*, *змеиный язык*, *лесной чеснок*, *мариона*, *пашенная сосенка*, *пестрой* в «Словаре русских народных говоров» отсутствуют, а слова *жабник* и *лютик болотный* имеют другое значение, нежели в тульских говорах.

д) Отдельные растения, в XVIII столетии произраставшие на территории Тульского края, в настоящее время либо не встречаются – *марена*, – либо стали редкими и нуждаются в охране: *борец дубравный*, *борец северный*, *любисток лекарственный*, *ужовник обыкновенный*, *черемша*.

Библиографический список

1. Алюшин А. И. Растения Тульского края / А. И. Алюшин. – Тула: Приокское книжное издательство, 1982. – 144 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание: В 4 т. / В. И. Даль. – М.: ООО «Изд. АСТ»: ООО «Изд. Астрель», 2002. Т. 1-4.
3. Иванова Т. Н. Лесная кладовая / Т. Н. Иванова, Л. Ф. Путинцева. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1993. – 351 с.
4. Левшин В. А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год / В. А. Левшин. – Тула: Пересвет, 2006. – 391 с.
5. Минеджян Г. З. Сборник по народной медицине и нетрадиционным способам лечения / Г.З. Минеджян. – М.: Арена, 1993. – 575 с.
6. Новиков В. С. Популярный атлас-определитель. Дикорастущие растения / В. С. Новиков, И. А. Губанов. – М.: Дрофа, 2002. – 416 с.
7. Словарь русских народных говоров / [глав. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов]. – М.: Л.: Наука, 1965-1998. – Вып. 1-32.

8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / М. Фасмер. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1-4.

References

1. Alyushin A. I. The plants of Tula region / A. I. Alyushin. – Tula, 1982. – 144 p.
2. Dal V. I. Dictionary of Great Russian live language: 4 vol. / V. I. Dal. – М., 2002.
3. Ivanova T. N. Forest pantry / T. N. Ivanova, L.F. Putintseva. – Tula, 1993. – 351 p.
4. Levshin V. A. Topographical description of Tula guberniya. 1803 / V. A. Levshin. – Tula, 2006. – 391 p.
5. Minegyan G. Z. Book on folk medicine and alternative treatment / G. Z. Minegyan. – М., 1993. – 575 p.
6. Novikov V. S. Popular atlas on wild plants / V. S. Novikov, I. A. Goubanov. – М., 2002. – 416 p.
7. Dictionary of Russian dialects / [ed. F. P. Filin, F. P. Sorokoletov]. – М.: Л.:, 1965-1998. – Vol. 1-32.
8. Fasmer M. Etymological dictionary of Russian language. 4 vol. / M. Fasmer. – 2nd edition. – М., 1986.

УДК 801.3

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Канд. филол. наук, асс. Воронова Т.А.*

*Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48;
e-mail: tati82@inbox.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, candidate of philological sciences, assistant lecturer Voronova T.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48;
e-mail: tati82@inbox.ru*

Т.А. Воронова

АВТОРСКИЙ СЛОВАРЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ

Статья представляет собой попытку продемонстрировать связь между психологическими особенностями личности автора и языком его произведений, опираясь на данные авторского словаря.

T.A. Voronova

AUTHOR'S VOCABULARY AS A REFLECTION OF THE WRITER'S PERSONALITY

The article presents an attempt to demonstrate the connection between some psychological traits of the writer's personality and the language of his works, using the data of the author's vocabulary.

Авторская лексикография – сравнительно молодая, но весьма плодovitая

отрасль лингвистической науки. Российскими учеными составлено немало словарей языка различных писателей и

© Воронова Т.В., 2008

поэтов, однако основная цель подобного рода исследований понималась и понимается по-разному. Так, составители «Словаря языка Пушкина» стремились показать прежде всего языковые особенности современной поэту эпохи; авторы более поздних лексикографических трудов сосредотачивали свое внимание по преимуществу на индивидуальных качествах языка мастеров слова. Сегодняшняя тенденция авторской лексикографии – стремление за языковыми и лексическими особенностями увидеть целостное авторское мировоззрение, понять личность поэта или писателя через язык его произведений. Такова одна из задач «Словаря лирики Арсения Тарковского», первая и вторая части которого изданы в Воронежском государственном университете в 2004 и 2007 годах.

В данной статье нами предпринята попытка продемонстрировать «психологическую» составляющую авторского словаря на примере использования наиболее употребительных служебных частей речи (предлогов) в поэзии А.А.Тарковского.

Смыслов, в формировании которых в текстах Тарковского участвует предлог «на», всего нами выделено 32. Сам предлог, как один из наиболее употребительных в русском языке, используется автором около 600 раз. Среди выявленных смыслов четко выделяются два блока: со значением пространственных отношений и со значением временных; между ними находятся смыслы определительного плана (отношение к чему-либо) и более частного характера (указание на цель, замену, язык или наречие и т.д.)

При анализе первых двух, наиболее крупных семантических блоков можно с определенной долей уверенности сказать,

что преобладает среди них пространственный. Так, в пространственном значении предлог «на» использован Тарковским 472 раз, во временном – только в 33 случаях. Количество отдельных смыслов, относящихся к пространственному блоку, также превалирует: на 6 «временных» оттенков значения приходится около 10 оттенков с пространственным или локальным значением. Основными из них являются:

1) обозначение направления движения, действия или его цели («Мы шли **на** юг»; «**На** предпоследнюю войну / Бок о бок с новыми друзьями / Пойдем в чужую сторону»);

2) значение нахождения или протекания действия на поверхности, а также направленности действия на поверхность или пространство («И **на** город черной пряжей / Опускается судьба»; «И если ты придешь / И руку положишь мне **на** глаза, / То это будет ложь»);

3) обозначение направленности или объекта действия («А я **на** него из окошка смотрю»; «**На** пространство и время ладони / Мы наложим еще с высоты»);

4) указание на местонахождение предмета или место совершения действия и т. д. («В траве **на** кладбище глухом, / С крестом без надписи, есть в городе моем / Могила тихая»; «И пока **на** земле я работал, приняв Дар студеной воды и пахучего хлеба, Надо мною стояло бездонное небо»);

5) обозначение расстояния («Иль хоть по улице пройти **На** полвершка над мостовую») [Воронова 2007, с. 159].

Итак, мы видим, что предлог «на» выражает пространственные смыслы как статического (местонахождение), так и динамического характера (передвижение).

Предлог «над» использован автором 114 раз, однако участвует в формировании меньшего количества значений (выделено 4). При этом в 91 случае предлог

указывает на пространственные смыслы: нахождение или движение поверх чего-либо («Дом и ниша у ворот, / Белый шар **над** круглой нишей»; «И на цыганской масляной реке / Шатучий мост, и женщина в платке, / Спадавшем с плеч **над** медленной водою»), в том числе в метафорическом контексте («И этот странный свет, уже едва заветный, / Горевший заревом **над** рифмою заветной»; «Но стоит **над** могильным холмом, / Выше облака снежной колонной, / Царский голос ее»). Следует заметить, что смысл «обозначения власти» также передается поэтом как пространственный: «Вий **над** Россией топорчит усы» [Воронова 2007, с. 164].

Предлог «в», используемый в русском языке как в пространственном, так и во временном значении, в поэтических текстах Тарковского обретает весьма интересную пропорцию: пространственные смыслы, формируемые при помощи данного предлога (нахождение предмета, направленность процесса или действия), превышает временные (указание на день, месяц, другой период времени и т.д.) более чем в три раза. Особое внимание следует обратить на участие данного предлога в ряде «временных» метафор, которые приобретают у Тарковского черты «пространственных» («Я вызову любое из столетий, / Войду в него и дом построю **в** нем»; «Я **в** будущее втянут»; «Для земли не бремя / Открытый твой ковчег, плывущий перед всеми / **В** твой двадцать первый век»; «Тут яркий луч пробился, как в июне, / Из дней грядущих **в** прошлое мое»).

Подобные данные были получены и при контекстном анализе некоторых других высокочастотных предлогов, что позволяет сделать осторожный вывод о преобладании у автора пространственной формы мышления.

Если мы сопоставим нашу гипотезу с данными психологии, то придем к весьма интересному дополнению. Неко-

торые ученые полагают, что пространственное мышление у мужчин развито в большей степени, и корни этого явления уходят далеко в глубь истории: основная деятельность мужчин первоначально была связана с охотой, что требовало хорошей пространственной ориентации (в частности, такой точки зрения придерживается профессор И.А. Стернин). Современная психология предлагает несколько другую информацию: пространственное мышление бывает лучше развито у людей с так называемым «инженерным» складом ума, склонных к ручному, ремесленному труду. Казалось бы, какое отношение эта характеристика может иметь к поэту Арсению Тарковскому? Однако во многих воспоминаниях современников о Тарковском упоминается таковая его склонность.

Так, дочь поэта, М.А. Тарковская, пишет: «Он был прекрасный ремесленник – мастерил, переплетал книги, чинил обувь... Он хорошо рисовал, вырезал из бумаги сложнейшие, «китайские» фигуры. Мог ночь напролет ремонтировать пишущую машинку, разобрав ее на миллион частей» [Тарковская 2006, с. 51 – 52]. «Рукастый» – такой окказиональный эпитет дает Тарковскому С.О. Митина: «Вообще «рукастый» на удивление: чинит молнии, <...> починяет всякую всячину» [Митина 1999, с. 293]. Поэтесса Л. Е. Миллер дополняет эту картину: «Вижу его большие, крепкие руки. Руки мастерового. Тарковский и правда многое умел делать руками. Он мне показывал журнальный столик, который сам обтесал и отполировал. Он умел переплетать книги и делал это изящно и со вкусом» [Миллер 1991, с. 104]. О любви поэта к ремеслам, к ручному труду говорят и З.М. Вальшонок [Вальшонок 1999, с. 275], и И.Л. Лиснянская [Лиснянская 1999, с. 202 – 203]. (В скобках заметим, что лексема «руки» в поэтическом словаре Тарковского также является одной из

частотных; на это обратил внимание известный исследователь творчества поэта С.А. Мансков, чья статья так и называется – «Руки» в художественном мире А.Тарковского [Мансков 1998]. Однако анализ употребления автором данной лексемы – предмет отдельного исследования.)

Таким образом, детали, «добытые» из воспоминаний современников, и данные лексикографического анализа подтверждают друг друга: «инженерное», техническое мышление Арсения Тарковского, нашедшее выход в его склонности

к ремесленной деятельности, помимо воли автора отразилось и в языке его произведений.

Возможно, высказанное нами предположение может показаться спорным. Однако еще раз оговоримся, что предлагаемые тезисы представляют собой лишь начальную попытку выявить связь лингвистики с данными других гуманитарных наук и языка литературных произведений – с личностью их автора. Не исключено, что исследования в обозначенном направлении будут продолжены.

Библиографический список

1. Вальшонок З.М. «Судьба моя сгорела между строк...» // «Я жил и пел когда-то...» Воспоминания о поэте Арсении Тарковском. – Томск: Водолей, 1999. – С. 270 – 281.
2. Воронова Т.А. Словарь лирики А.А.Тарковского. Часть 2 (К – Ощущенье). – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2007. – 292 с.
3. Лиснянская И.Л. Две главы из повести «Отдельный» // «Я жил и пел когда-то...» Воспоминания о поэте Арсении Тарковском. – Томск: Водолей, 1999. – С. 198 – 209.
4. Мансков С.А. «Руки» в художественном мире А.Тарковского // Культура и текст: Литературоведение. Ч. 2. – СПб.: 1998. – С. 26 – 30.
5. Миллер Л.Е. «А если был июнь и день рожденья...». Воспоминания об Арсении Тарковском // Смена. – 1991. – № 4. – С. 96 – 109.
6. Митина С.О. Из бесед с Арсением Тарковским. // «Я жил и пел когда-то...» Воспоминания о поэте Арсении Тарковском. – Томск: Водолей, 1999. – С. 281 – 332.
7. Тарковская М.А. Осколки зеркала. – М.: Вагриус, 2006. – 416 с.

References

1. Valshonok Z.M. «My destiny burnt between the lines...» // «I lived and sang some time ago...» Recollection of Arseny Tarkovsky. – Tomsk, 1999. – P. 270 – 281.
2. Voronva T.A. Vocabulary of A. Tarkovsky's verse. Part 2. – Voronezh, 2007. – 292 p.
3. Lisnyanskaya I.L. Two charters from the novel "The separate one" // «I lived and sang some time ago...» Recollection of Arseny Tarkovsky. – Tomsk, 1999. – P. 198 – 209.
4. Manskov S.A. «Hands» in A. Tarkovsky's artistic world // Culture and text: Literary studies. Part 2. – St. Petersburg, 1998. – P. 26 – 30.
5. Miller L.E. «And if it was June and the birthday...». Recollection of Arseny Tarkovsky // Smena. – 1991. – № 4. – P. 96 – 109.
6. Mitina S.O. From the conversations with Arseny Tarkovsky. // «I lived and sang some time ago...» Recollection of Arseny Tarkovsky. – Tomsk, 1999. – P. 281 – 332.
7. Tarkovskaya M.A. Splinters of mirror. – M., 2006. – 416 p.

УДК 801.3

*Воронежский государственный университет
Аспирант кафедры современного русского
языка Чуриков С.А.
Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732) 20-84-26*

*Voronezh State University
The chair of contemporary Russian lan-
guage, postgraduate student Churikov S.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 20-84-26*

С.А. Чуриков

КОНЦЕПЦИЯ «СЛОВАРЯ ЯЗЫКА А.В. КОЛЬЦОВА»

Статья посвящена опыту лексикографического описания языка А.В. Кольцова и концепции будущего «Словаря языка А.В. Кольцова». Автор рассматривает основные принципы словаря и приводит пример словарной статьи.

S.A. Churikov

CONCEPTION OF «A DICTIONARY OF A. V. KOLTISOV'S LANGUAGE»

The article is devoted to the history of a lexicographic description of a A. V. Koltsov's language and the conception of "A Dictionary of A. V. Koltsov's language." The author considers the basic principles of the dictionary and adduces a structure of dictionary entry.

К настоящему времени о творчестве А.В. Кольцова написаны сотни различных работ. Однако большинство из них – это работы биографического и/или литературоведческого характера. Лингвистические исследования единичны, хотя именно они должны заложить объективную базу для изучения творческого наследия поэта.

В современной лингвистике главная роль в изучении языка писателя и реконструкции авторской картины мира принадлежит лексикографии. Русская авторская лексикография прошла долгий (более чем вековой) путь развития и к настоящему моменту выработала достаточно мощный инструментарий для решения целого ряда задач. Если на первом этапе

своего становления писательские словари лишь фиксировали различные языковые единицы, то к настоящему времени мы располагаем достаточно внушительным количеством лексикографических работ,

© Чуриков С.А., 2008

ориентированных на раскрытие художественного мира писателя и с большим или меньшим успехом решающих эту задачу.

Работа по лексикографическому описанию поэзии А.В. Кольцова началась в 1960-е годы на кафедре русского языка Воронежского университета.

В 1990-е годы были выпущены два лексикографических труда, посвященных поэзии А.В. Кольцова: «А.В. Кольцов:

Указатель слов и форм слов в поэтических произведениях» (1991) и Р.К. Кавецкая, А.А. Кретов «Обратный частотный словарь поэтических произведений А.В. Кольцова» (1996). Указатель, созданный на основе книги [Кольцов, 1958], состоит из двух частей: 1. Алфавитно-частотный словник и формоуказатель; 2. Частотный словник. В первой части содержится следующая информация обо всех словах, встретившихся в поэтических текстах А.В. Кольцова: число употреблений данного слова, все формы данного слова с указанием их адреса в упомянутом издании, устойчивые сочетания и разные типы фразеологизмов, включающих данное слово. Вторая часть включает список 609 наиболее употребительных слов в поэзии А.В. Кольцова с частотой 5 и выше, расположенных в порядке уменьшения частотности.

«Обратный частотный словарь поэтических произведений А.В. Кольцова» состоит из четырех частей:

1. Алфавитная часть обратного словаря с распределением по частям речи (существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, причастия, деепричастия, наречия, категория состояния, предикативы, предлоги, союзы, частицы, модальные слова, вводные слова, междометия).

2. Частотная часть обратного словаря (также с распределением по частям речи).

3. Сводный обратный словарь по всем частям речи.

4. Кроме того, словарь содержит ряд приложений: словарик имен собственных; раздел, посвященный акцентным, словообразовательным и словоизменительным вариантам слов и словоформ, а также раздел «Слова с дефисным написанием».

Эти словари заложили фундамент для дальнейшей лексикографической ра-

боты, необходимость которой в настоящее время стала очевидной.

Новый словарь, по нашему мнению, должен обладать следующими характеристиками:

Полнота охвата творческого наследия поэта. «Словарь языка А.В. Кольцова» создается на основе всех поэтических (кроме вариантов и стихотворений, написанных на украинском языке) и эпистолярных текстов (тексты стихотворений – по изданию [Кольцов, 1958], тексты писем – по изданию [Кольцов, 1961]). Письма поэта являются не только ключом к внутреннему миру поэта, но и расширяют наши представления о языке А.В. Кольцова, позволяя взглянуть на него с другого ракурса: не в качестве инструмента создания художественного произведения, а как на средство дружеского (в той или иной степени) общения. Яркий народный язык писем заслуживает особого внимания. Пословицы, поговорки, меткие сравнения, уместная ирония – все это создает неповторимый колорит кольцовского эпистолярного слова. Недаром так отзовется о самой значимой составляющей переписки поэта Н.А. Некрасов: «Истинно драгоценная переписка Кольцова с Белинским, которая с перепиской Станкевича составляет любопытнейший памятник рукописной нашей словесности».

Полнота охвата лексического (и фразеологического) состава указанного корпуса текстов. Словник включает все слова и фразеологизмы (в широком смысле слова), встречающиеся в указанных текстах.

В последнее время становятся популярными дифференциальные словари, которые описывают наиболее значимые слова для авторской картины мира. Эти лексемы обычно называют ключевыми словами или идиоглоссами. Самой удачной попыткой лексикографирования ключевых слов является [Словарь языка

Достоевского, 2001]. Идиоглоссы выделяются из полного словника по следующим характерным чертам [Караулов, 2001]:

- высокая частота употребления;
- присутствие во многих текстах автора и функционально-жанровых разновидностях речи;
- способность выступать в тексте «аттрактором, создающим вокруг себя обширное текстовое ассоциативное поле, таким образом, что в совокупности контекстов, иллюстрирующих употребление идиоглос, встречаются почти «все слова», актуальные для характеристики писательского лексикона»;
- способность быть семантическим ядром фразеологических единиц или передавать их смысл;
- вхождение в состав авторских афоризмов, пословиц, поговорок, заглавий произведений и их частей;
- обладание метафорическим потенциалом;
- способность образовывать в текстах большое словообразовательное гнездо и др.

Такая дифференциация словника представляется перспективной сразу по нескольким причинам: 1) теоретическая – выявление и описание идиоглосс позволит лучше понять устройство текста и отраженной в нем авторской картины мира; 2) практическая – лексикографическое описание творческого наследия авторов, у которых оно исчисляется десятками томов, без эшелонирования лексического материала представляется трудно выполнимой (хотя, безусловно, решаемой) задачей.

В то же время у данного подхода есть серьезные недостатки:

1. Нисколько не противореча факту неоднородности словарного (шире - языкового) состава любого произведения или всего собрания сочинений писателя, легко доказать, что наряду с противопостав-

лением «безусловно» *ключевых* слов и «безусловно» *неключевых*, малозначимых лексем, существует лексический пласт переходного типа. Слова, входящие в этот пласт, обладают лишь частью тех черт, которые должны быть присущи идиоглоссе. Все эти переходные случаи остаются на совести конкретного лексикографа и становятся поводом для споров и критики.

2. Остается открытым вопрос о том, все ли черты идиоглосс уже выявлены и релевантны ли уже предложенные их характеристики.

3. Отдельной проблемой является применение понятия «идиоглосса» к многозначному слову: является ли идиоглоссой все слово или отдельный ЛСВ.

4. Для исследователя творчества писателя интерес могут представлять и *неключевые* слова.

Таким образом, необходимость создания полного словаря языка писателя представляется очевидной. Выявление же ключевых слов или иное эшелонирование лексикона писателя при наличии полного словаря (в том случае, если он достаточно информативен) значительно упрощается и становится более объективным.

Объяснительность и системность.

Всем словам и фразеологизмам в словаре дается толкование, которое сопровождается примерами употребления; последовательно фиксируются парадигматические, синтагматические и деривационные связи слов.

Отражение в авторских словарях объяснительного типа такого рода отношений между лексемами – явление редкое. Единичны и случаи создания специальных лексикографических работ, посвященных какому-либо виду лексических отношений в языке художника слова. Анализ писательских словарей показывает, что из всех видов парадигматических отношений в авторской лексикографии представлены только *синонимы* и

антонимы (например, [Опыт синонимического словаря языка А.С. Пушкина], ([Григорьева А.Д., 1985]). Один из редких примеров лексикографического описания синтагматических и деривационных связей слова находим в «Словаре языка Достоевского». Для описания сочетаемости в зоне «Комментарий» данного словаря предусмотрены три раздела: **СЧТ1** – подчинительные связи слова, **СЧТ2** – связи слова, отличные от подчинительных, **НСТ** – нестандартная сочетаемость и управление.

Информация о деривационных связях лексем размещается в зоне «Словообразовательная окрестность».

Последовательное описание указанных видов межсловных связей, реализуемое в «Словаре языка А.В. Кольцова», позволит выявить системные отношения в лексическом составе текстов поэта, которые необходимо учитывать при выявлении ключевых слов, реконструкции авторской картины мира и т.д.

Идиостилевая ориентация. Главной целью нашего словаря является выявление и описание особенностей идиостиля А.В. Кольцова. Это означает, в частности, что в словаре находят отражение особенности языка поэта (среди них: наличие диалектной, народно-поэтической и книжной лексики; наличие ряда устаревших и диалектных форм и вариантов слов; деформация ряда фразеологических (в широком смысле) единиц - идиом и паремий и т.д.), фиксируются все образные словоупотребления (из тропов и фигур наиболее частотными в поэзии А.В. Кольцова являются метафоры, сравнения и параллелизмы).

При разработке лексикографического инструментария для описания указанных явлений учитывается опыт составителей лучших образцов идиостилистически ориентированных словарей в русской авторской лексикографии: [Поэт и слово,

1973] и [Словарь автобиографической трилогии М. Горького].

Кроме того, важным компонентом «Словаря языка А.В. Кольцова» является **статистическая информация**. В словаре фиксируется частота (как абсолютная, так и относительная) употребления слова в разных макрожанрах (стихотворения и письма), жанрах (песня, дума), периодах творчества (в творчестве А.В. Кольцова вслед за В.Г. Белинским принято выделять три периода: 1 этап (1825-1830), 2 этап (1831-1835), 3 этап (1837-1842)).

Таким образом, словарная статья «Словаря языка А.В. Кольцова» включает следующие зоны:

1. Вход
2. Краткая грамматическая информация
3. Стилистическая характеристика
4. Статистическая информация
5. Толкование
6. Примеры употребления
7. Парадигматические связи
8. Синтагматические связи
9. Деривационные связи
10. Тропеические употребления
11. Употребление в составе фразеологизмов
12. Употребление в названии стихотворения

СУДЬБА, сущ., м.р.

1) высшая сила, которая определяет жизненный путь человека

Иллюстрации:

О, для чего с земли судьбою / Живым в удел не дано нам / Туда к ним улетать душою? (Вечер, 1830, 1)

Не грози ж ты мне бедою, / Не зови, судьба, на бой: / Готов биться я с тобою, / Но не сладишь ты со мной! (Последняя борьба, 1838, 3)

Если судьба над кем хитрит несправедливо, ужель тому ей рабски покоряться! (НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ, 1831, 1)

Статистический блок:

Частота в собрании сочинений: 20
Частота в стихотворениях: 12
Частота в письмах: 8
Частота в песнях: 2
Частота в думах: 0
Частота в собрании сочинений (1 период): 7
Частота в собрании сочинений (2 период): 1
Частота в собрании сочинений (3 период): 12

Парадигматический блок

Синонимы: фортуна, рок, провиденье (провидение).

Синтагматический блок

Действие (агенс): велеть, решить, дать, хитрить, определять, соорудить, звать, нападать, враждовать

Действие (контрагенс): спорить, вызывать (на смертный бой)

Определение: карающая, грозная, слепая, проклятая, мерзавка

Определяемое: удар, закон

Тропеический блок:

Не грози ж ты мне бедою, / Не зови, **судьба**, на бой: / Готов биться я с тобою, / Но не сладишь ты со мной! (Последняя борьба, 1838, 3) [**метаф.: олицетвор.**]

И я, в бездомном иступленьи, / Из мира девственной любви / К моим врагам на праздник шумный / С челом открытым гордо вышел, / На злобу - злобой ополчился; / И на беду - с бедой пошел; / Против людей я грудью стал, / На смертный бой **судьбу** я вызвал! (Примирение, 1838, 3) [**метаф.: олицетвор.**]

В составе паремии: судьба велит, нужда несет

В составе репрезентативной пары: ведьма-судьба

2. Судьба X-а [X-овая судьба] – жизненный путь X-а, который мыслится как заранее predeterminedный **судьбой 1.**

Иллюстрации:

*Были дни - и я любила / Сны о радости земной; / Но надежда изменила; / Радость - сон в **судьбе** моей.* (Сирота, 1827, 1)

*И вновь ты будешь у меня / На прежнем небе ликовать / И трудный путь **судьбы** моей / Звездой светлой озарять!..* (К... (Ты в путь иной отправилась одна...), 1839, 3.) *Я думаю, что ничего несчастнее на свете нет, как **судьба** бедняка...* (В. Г. БЕЛИНСКОМУ, 25.03. 1841, 3.)

Статистический блок:

Частота в собрании сочинений: 14
Частота в стихотворениях: 6
Частота в письмах: 8
Частота в песнях: 0
Частота в думах: 2
Частота в собрании сочинений (1 период): 2
Частота в собрании сочинений (2 период): 4
Частота в собрании сочинений (3 период): 8

Парадигматический блок:

Синонимы: доля, участь, жребий, удел

Синтагматический блок:

X: моя, ваша, народ, царство, бедняк.

Такой словарь должен, по нашему мнению, стать эффективным инструментом для исследования творческого наследия поэта и дать новый толчок для развития интереса к произведениям и личности великого русского поэта.

Библиографический список

1. Григорьева А. Д. Словарь перифраз и факультативных синонимов А. А. Фета («Вечерние огни») // Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык поэзии XIX-XX вв. Фет. Современная лирика. М., 1985. С. 129-138.

3. Кавецкая Р.К., Кретов А.А. Обратный частотный словарь поэтических произведений А.В. Кольцова. Воронеж, 1996.
4. Караулов Ю. Н. Понятие идиоглоссы и словарь языка Достоевского // Слово Достоевского. 2000. Сб. статей. М., 2001. С. 424-444.
5. Кольцов А. В. Указатель слов и форм слов в поэтических произведениях / Подгот. Р. К. Кавецкой и др.; Под ред. Р. К. Кавецкой. — Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1991.
6. Кольцов А.В. Полное собрание стихотворений. / Вступ. статья и примеч. Л.А. Плоткина; Подгот. Текста М.И. Маловой и Л.А. Плоткина. - М., 1958. Кольцов А.В. Сочинения. В 2 т. / Подгот. текста, вступ. статья, примеч. В Тонкова. – М., 1961.
7. Кретов А.А Опыт выявления архетипов в поэзии А.В. Кольцова // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Випуск 16 / Укл.: Анатолій Загнітко (наук. ред.) та ін. — Донецьк: ДонНУ, 2008. С. 353-366.
8. Опыт синонимического словаря языка А. С. Пушкина. Вып.1 / Под ред. В. А. Гречко. - Н. Новгород, 2000, вып. 2. – 2006.
9. Поэт и слово: Опыт словаря / Под ред. В. П. Григорьева. — М.: Наука, 1973. — 455 с.
10. Словарь автобиографической трилогии М. Горького: В 6 вып.: С прил. слов, имен собственных: Осн.
11. Б. А. Лариным / [Редкол.: Л. С. Ковтун и др.]. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1974—1990. — Вып. 1—6.
12. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Авторы-сост. М. М. Коробова, Е. А. Цыб, С. Н. Шепелева. Гл. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. М., 2001.

References

1. Grigorieva A.D. Dictionary of periphrases and permissive synonyms in A. A. Fet's poetry («Evening lights») // A.D. Grigorieva, N.N. Ivanova. Language of poetry in 19-20 cent. Fet. Modern verse. – М., 1985. – P. 129-138.
2. Kavetskaya R.K., Kretov A.A. Reverse frequency dictionary of A.V. Koltsov's verse. – Voronezh, 1996.
3. Karaulov J.N. The notion of idiogloss and the dictionary of Dostoevsky's language // Dostoevsky's word. 2000. – М., 2001. – P. 424-444.
4. Koltsov A.V. Index of words and word forms in the verse / R.K. Kavetskaya. – Voronezh, 1991.
5. Koltsov A.V. Complete set of poems: 2 vol. – М., 1958.
6. Koltsov A.V. Works in 2 vol. – М., 1961.
7. Kretov A.A. Experience of the archetype detection in A.V. Koltsov's verse // Linguistic studies. – Donetsk, 2008. – P. 353-366.
8. Attempt of synonym dictionary of A.S. Pushkin's language. – Vol. 1. N. Novgorod, 2000. – Vol. 2. N. Novgorod, 2006.
9. The poet and the word: Attempt of a dictionary. – М., 1973. – 455 p.
10. Dictionary of M.Gorky's autobiographic trilogy: 6 vol. – L., 1974 – 1990.
11. Dictionary of Dostoevsky's language. Lexical system of individual language. Vol. 1 – М., 2001.

УДК 82.08

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Безатосная О.М.
Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732) 71-50-48*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, senior lecturer
Bezatosnaya O.M.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48*

О.М. Безатосная

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Б. ЗАЙЦЕВА В 1920-Е ГОДЫ

В статье рассматривается ряд произведений Б.Зайцева («Золотой узор» и др.), в которых раскрывается христианское мировоззрение писателя.

О.М. Bezatosnaya

CHRISTIAN MOTIVES IN B. ZAITSEV'S WORKS

The article sites a number of novels by B.Zaitsev («The Golden Pattern» and others) in which the writer's Christian views are revealed.

Немного найдется в XX веке русских писателей, у которых целый том в их наследии может быть обозначен словами "духовная проза". Именно таковым является Борис Константинович Зайцев.

Б. Зайцевым написаны "Преподобный Сергей Радонежский". "Алексей Божий человек" и "Сердце Авраамия", "хождения" "Афон" и "Валаам", множество статей и очерков о Патриархе Тихоне и отцах церкви, о Сергиевом Подворье и Парижском богословском институте, в учреждении которых он принимал участие, о церковной жизни русской эмиграции и роли русских святых в духовной жизни писателей прошлого века. Наверное, никто из русских писа-

телей так много и так конкретно не писал о роли церкви, о христианском мироощущении человека на протяжении ряда десятилетий: где-то с 17-18 годов до 1972 года - года смерти писателя.

© Безатосная О.М., 2008

Но прежде необходимо сделать одно отступление. Христианское мировоззрение писателю не было присуще всегда, оно не являлось той вековой традицией, что передавалась от дедов к отцам и детям. Родители писателя принадлежали к той части русской интеллигенции, что была равнодушна "к религии, ко всему, что связано с церковью. В семье искренне верили, что все эти бо-

гослужения и разные там требы нужны только простому народу". Живя рядом с Оптиной пустыней и Саровом, в детстве и юности он ни разу там не был. Писателю понадобилось в молодости пройти через чтение В. Соловьева, а особенно через революцию и великие трагедии 1917 - начала 1920-х годов, оказаться в эмиграции, чтобы смутные предчувствия, лишь слегка волновавшие ранее душу, выкристализовались в четкую и твердую позицию. При этом необходимо учитывать еще и то, что Б. К. Зайцев, сначала в Москве после революции, а позже во Франции, занимал в литературных кругах особое место - был до своей смерти председателем Союза писателей и, бесспорно, влиял во многом на художественную жизнь эмиграции как своим творчеством, так и собственной личностью. Это отмечают практически все его современники. А. Белый называет его "святым человеком" и говорит, что "иконописный лик его вполне выражает душевную сущность". Близкий семейству Зайцевых человек, Вера Бунина, записывает в своем дневнике: "... он настроил свою душу на высокий тон... неуклонно идет по своему пути, который всегда подымается выше повседневности". Подобных отзывов о писателе немало. Как бы суммируя их, в некрологе, озаглавленном "Писатель-праведник", один из крупнейших современных знатоков литературы русского зарубежья Никита Струве назовет Зайцева "символом русской эмиграции", сумевшим "воплотить в себе лучшие качества русского человека и писателя".

Глеб Струве в книге "Русская литература в изгнании" отмечает, что именно "религиозная, христианская нота" отличает Зайцева от таких писателей старшего поколения, как И. Бунин и А. Куприн или Алексей Толстой, делает непохожим на А. Ремизова, "у которого религиозные мотивы приобретают горько-скорбный, а иногда ... и демонический"

характер, и даже разделяет от внешне близкого, но все же другого по подходу И. Шмелева. По мнению Г. Струве, "религиозность Зайцева благоднее, примиреннее, умудреннее", она "светлая».

В 1921 году, накануне эмиграции, Б. Зайцев пишет удивительный, очень непохожий на все его последующее, рассказ "Улица Святого Николая". В противовес разгулу стихии писатель говорит о вечных трех Николаях, трех церквях, и седеньком извозчике Миколе, который вечно "невозбранно проплывает по Арбату". Здесь, среди мира вечности и покоя, под гул "спокойных и важных колоколов трех Никол" обретает душевное равновесие "интеллигент русский, давняя Голгофа родины", так как "любовь, спокойный, светлый мир зовет". У Б. Зайцева "Никола Милостливый, тихий и простой святитель, покровитель страждущих, друг бедных и заступник беззащитных", таких, как "старенький, седой извозчик, именем Микола...немудрящий старичок", потому, уверен писатель, он "в метель жизненную проведет". Во всех своих последующих произведениях автор показывает не только безудержность этой "метели", но и внутреннее все крепнущее сопротивление ей, очень трудное в резко изменившемся мире обретение - сохранение тех вечных духовных опор, на которых всегда держалась Русь. Ужас стихии был для Б. Зайцева огромен. Ответом на него стали "повести смертей", написанные в первые годы эмиграции, 1920-е годы, переломные, важнейшие для становления его как писателя, художника слова. Это "Авдотья-смерть", "Анна", "Странное путешествие" и ряд других. Такое определение - "повести смертей", а в них действительно очень много смертей и, на первый взгляд, бессмысленных, дано писателем весьма обдуманно: Россия проходит свой "крестный путь", она "терзающая и терзаемая", но через муки человек приходит к покаянию и находит свою

дорогу к свету: "Катастрофы и потрясли, а зато через них лучше засияла лазурь!.. В сущности, произошло то, что всегда происходило, от века. Господь поражает смертельными молниями заблудших – и в смерть, и в воскресение". Но чтобы это воскресение состоялось, должны быть четко определены пути поиска истины. Для себя писатель ответ на этот вопрос нашел, сомнений и колебаний у него уже не остается. Именно в эти годы он пишет "Преподобного Сергия Радонежского", "Алексея Божьего человека", "Сердце Авраамия". "Хаосу, крови и безобразию противостоит гармония и свет Евангелия, Церкви". И это наиболее ярко отразилось в первом эмигрантском романе Б. Зайцева "Золотой узор", начатом в 1922 году и появившемся в печати в 1925. Именно там в лице его главной героини писатель и покажет, как шло перерождение души русского человека. И если Маркел был религиозен всегда, то Наташа в начале повести этого сказать о себе не может: "Я же и не знаю, думала я тогда о религии или нет. Евангелие, Страсти господни и облик Христа всегда трогали, но могла ли я назвать себя христианкою? Не смею сказать." Понадобились достаточно длинный жизненный путь и страшные испытания, чтобы этот огонек разросся в сердце и осветил все вокруг. И когда душевная смута захлестнула героиню, и себялюбие, страсти оттолкнули ее от родного и близкого, только прикосновение к Высшему началу пробудило раскаяние, подтолкнуло к внутреннему очищению. Концерт в благополучной Италии, когда Наташа, нарядная, красивая, пела в церкви литургию, "тронув сердце", а вся служба "очень взволновала и возвысила ее". Но то же очищение души и высокое волнение героиня испытает и в имени отца на пасхальной службе в маленьком деревенском храме, когда отступят перед вечностью "война, ужасы и окопы", "наступления и пленные", "сутолока ре-

волюции". А смерть Николая Петровича лишь подчеркнет ту хрупкую грань между сегодняшним и вечным и заставит взглянуть на себя со стороны, предъявить себе жесткий счет за все несовершенное и совершенное не так. Но только гибель сына откроет Наташе истинную цену жизни, позволит выстоять в мире зла. "Голодные и рваные ходили мы к обедне каждый день, потом к вечерне, и к всенощной в субботу - мы старались проводить побольше времени в церквях. Там иной мир! Плакали неудержимей и молились среди таких же, как и мы, измученных и обездоленных... Здесь мы дышали, тут был воздух, свет." И не случайно как символ этого обретенного света вводится Зайцевым в роман образ Креста. Крест должен стать символом, как считал Маркел, объединяющим "людей" и отделяющим их от "зверей". Тяжелый крест понесут, как на собственную Голгофу, по заснеженной занесенной тропе к найденной могиле сына Маркел и Наташа, и это будет очень важно для них, особенно для Наташи. "Крест мне показался даже легкий. Было ощущение - пусть еще потяжелее, пусть я иду, сгибаюсь, падаю под ним, ведь так и надо, и пора, давно пора мне взять на плечи слишком беззаботные сей крест". Крест объединит и приведет в церковь поминать загубленного революцией ребенка всех "бедных и последних", знающих Наташу, и оттолкнет стоящих близко к власти, глубокая вера поможет спасти от смертной болезни Маркела. Именно эта глубокая вера поможет выжить в страшном мире Маркелу и Наташе. Но, по Б. Зайцеву, явно недостаточно получить на поставленный им вопрос ответ: "Жить - значит выживать". Сюжет "Золотого узора" держится не на описании событий, а на раскрытии духовного роста героини, что имеет своей традицией житийную литературу и лишней раз указывает на "Сергия Радонежского". С определенной мерой

условности, с учетом традиций литературы XX-го века "Золотой узор" может быть определен как "Житие Наташи и Маркела", поскольку эта книга, в первую очередь, о поиске и движении человека к Истине через лишения, искушения, испытания (шире - мученичество) и о величии подвига незаметности в служении добру.

Для самого писателя "Золотой узор" стал той книгой, с которой можно говорить о "той общей религиозной, христианской окрашенности, которую в зарубежный период приобретает все творчество Зайцева". Это и позволит сказать писателю, что в мир "истина же все-таки придет из России. Придет новым, более глубоким, справедливым, человеческим, но и вышечеловечным сознанием жизни, чтобы просветить усталый мир. Кто принесет ее? Новый человек...

Новый человек есть живо воплощающийся вечный свет и духовность. Всякий, кто в себе растит, выхаживает этот свет, творит новый, высший тип, к которому влечется человечество через все ужасы и подлости, кровь и преступления - но влечется".

Это своеобразный завет писателя, художника любому русскому человеку, открытому Добру и Свету. Появление такого писателя, как Б. Зайцев, вероятно, было закономерно в условиях эмиграции. С "других берегов" философски просвещенным взглядом он смотрел на русскую жизнь и как художник показывал, к чему привела утрата христианских ценностей для русской культуры и истории. В этом отношении его художественное наследие - важная страница нашей духовной культуры.

Библиографический список

1. Струве Н. Писатель-праведник / Н. Струве // Борис Константинович Зайцев – собр. соч. в 7-ми т. – М., 2003. – Т.7.
2. Струве Г. Русская литература в изгнании/ Г. Струве.- Москва-Париж, 1996. – 80 с.
3. Грибановский П.П. Борис Зайцев в монастырях / П.П. Грибановский // Борис Константинович Зайцев – собр. соч. в 7-ми т. – М., 2003. – Т.7.

References

1. Struve N. Writer the just / N. Struve // Boris Konstantinovich Zaitsev. Collected works in 7 vol. – M., 2003. – Vol. 7.
2. Struve G. Russian literature in expatriation / G. Struve.- Moscow - Paris, 1996. – 80 p.
3. Gribanovsky P.P. Boris Zaitsev in monasteries / P.P Gribanovsky // Boris Konstantinovich Zaitsev. Collected works in 7 vol. – M., 2003. – Vol. 7.

УДК 808.2

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Ревякина Т.Л.

Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732) 71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, candidate of philological sciences, prof. Revyakina T. L.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

Т.Л. Ревякина

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРТЕКСТА

В данной статье на материале поэзии О.Э. Мандельштама рассматривается актуальный в настоящее время вопрос об изменении семантики языковых единиц в интертексте, который понимается как особое семантическое пространство, формирующееся в процессе межтекстовых взаимодействий одного художественного текста с другими художественными текстами.

T.L. Revyakina

THE FUNCTION OF POETIC WORDS IN THE INTERTEXTUAL SEMANTIC

The article deals with O.E. Mandelstam's verse and sites semantic changes of language items in the intertext, which is understood as a special semantic space formed in the process of interaction between two texts.

Изучение интертекста – одна из наиболее сложных и актуальных проблем современной лингвопоэтики, интерес к которой начал проявляться в 60-е гг. XX века после оформления структурализма.

Пристальное внимание современных ученых к проблеме интертекста обусловлено, во-первых, поисками новых путей решения глобальной проблемы соотношения традиций и новаторства в поэзии, а во-вторых, значимостью проблем изучения смысловой стороны художественного текста с учетом не только его внутривидовых связей, но и связей внешних, обнаруживающихся на уровне литературного

направления, национальной литературы или даже мировой культуры в целом.

При изучении смысловой стороны художественного (поэтического) текста в настоящее время многими исследователями правомерно используется понятие “семантическое пространство художественно

© Ревякина Т.Л., 2008

го текста”, рассматриваемое как сложная структура, которая складывается не только благодаря внутренним семантическим связям отдельных языковых единиц, но и внешним связям данного художественного текста, в том числе в пространстве миро-

вой культуры.

Языковые единицы в системе художественного целого превращаются в особые эстетически значимые сущности. Особая эстетическая значимость каждого языкового знака в системе художественного целого позволяет считать поэтическое слово наиболее существенной функциональной единицей художественного (поэтического) текста.

Поэтическое слово представляет собой видовую разновидность художественного слова как составляющего элемента языка литературного поэтического произведения.

Понятие “интертекст” в современной научной литературе трактуется по-разному. Наиболее правомерным представляется понимание интертекста как особого семантического пространства, образующегося в процессе межтекстовых взаимодействий одного художественного текста с другими художественными текстами. Поэтическое слово в интертексте под влиянием прецедентных текстов не только обогащает свою семантическую структуру за счет “приращения” новых смыслов, но и изменяет семантику поэтического произведения в целом.

Межтекстовое взаимодействие осуществляется посредством имеющихся в художественном тексте эксплицитно или имплицитно выраженных отсылок к другим художественным текстам. Отсылки к внеположным текстам обладают механизмом языковой сигнализации о наличии у фрагмента индивидуальной поэтической картины мира прецедентного аналога в другой картине мира (традиционно-поэтической, фольклорной, мифологической, а также в индивидуально-поэтической картине мира другого художника слова) и являются средством формирования интертекста. Выделяется три основных вида отсылок к прецедентным текстам: цитаты, реминисценции, аллюзии.

В текстах различных авторов межтекстовое взаимодействие может проявляться в разной степени. Творчество определенных художников слова сознательно ориентировано на диалог с текстами мировой культуры. Приведенное утверждение в

полной мере относится к творчеству О.Э.Мандельштама. С точки зрения изучения особенностей смысловой стороны художественного текста и ее обусловленности межтекстовыми связями творчество О.Э.Мандельштама занимает важное место в русской поэтической традиции. Предложенная О.Э.Мандельштамом формула акмеизма “как тоски по мировой культуре” стала хрестоматийной.

Как показали проведенные исследования, под влиянием межтекстовых связей лексические единицы из поэтических произведений О.Мандельштама, а также художественные образы, в том числе не имеющие лексической репрезентации, приобретают особую, интертекстуальную, семантическую осложненность, без учета которой невозможно адекватное восприятие художественного текста.

В качестве примера мы предлагаем стихотворение О. Мандельштама «После полуночи сердце ворует...» Смысловое наполнение стихотворения “После полуночи сердце ворует...” (1931) также формируется под влиянием межтекстовых связей:

После полуночи сердце ворует
Прямо из рук запрещенную тишь.

Тихо живет – хорошо озорует,

Любишь – не любишь: ни с чем не
сравнишь...

Любишь – не любишь, поймешь – не
поймаешь.

Не потому ль, как подкидываш, мол-
чишь,

Что пополуночи сердце пирует,

Взяв на прикус серебристую мышшь? [2].

В данном стихотворении содержится ряд аллюзий.

Следует отметить, что образ мыши впервые появляется у О.Э.Мандельштама в стихотворении “Что поют часы-кузнечик...” (1918) и символизирует время: Что зубами мыши точат / Жизни тоненькое дно, – / Это ласточка и дочка / Отвязала мой челнок (II, 120). Глагол *точат* предполагает активное действие, то есть время (“мыши”) укорачивает жизнь, что, в конечном итоге, ведет к смерти (ср. устойчивые выражения, связанные с мышью, в русской речи: Смерть, как мышшь,

голову отъест. Мыши изгрызут одежду – к смерти. Не велика мышка, да зубок остер. Мышь одолевает перед голодным годом (Даль, т.2, с.366-367). М. Волошин в статье “Аполлон и мышь” (которую, возможно, читал О.Э.Мандельштам) также указывает, что мышь символизирует время: “Мышь является знаком убегающего мгновения... В быстром убегающем движении маленького серого зверька греки видели подобие вешего, ускользящего и неуловимого мгновения...” (Волошин, 1989:98).

Необходимо подчеркнуть, что у О.Э.Мандельштама было особое отношение к времени. Ср. в стихотворении “Канцона” (1931):

Я подтяну бутылочную гирьку
Кухонных крупно скачущих часов.
Уж до чего шероховато время,
А все-таки люблю за хвост его ловить,

Хоть в беге собственном оно не виновато

Да, кажется, чуть-чуть жуликовато... [2].

Поэт пытается приручить непостижимое время, получить над ним поэтическую власть.

В стихотворении “После полуночи сердце ворует...” лирический субъект как бы останавливает бегущие мгновения (“взяв на прикус серебристую мышь”). Но это время – начало 30-х годов, а потому используется лексика “ворует”, “запрещенную”, “тишь”, “молчишь”, передающая ощущения мрака, пустоты, бессмысленного существования и, в конечном счете, гибели. Возможно, на смысловое наполнение стихотворения и его образный строй повлияли и известные О.Э.Мандельштаму представления из греческой мифологии, где с мышью связываются предзнаменования смерти, разрушения, голода, болезни. Согласно мифологическим верованиям, человек, вкусивший пищу, к которой прикасалась мышь, забывает прошлое.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в рассматриваемой книге стихов О.Э.Мандельштама значение символического образа “мышь” формируется

также посредством взаимодействия данного стихотворения со “Стихами, сочиненными ночью во время бессонницы” А.С.Пушкина и “мышинными стихами” В.Ф.Ходасевича.

Пушкинское стихотворение посвящено особому духовному миру творческого человека:

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу [4].

А.С.Пушкина тревожит “мышья беготня”, то есть суэта жизни. Ночь – время вдохновения; бессонница – состояние покоя, время стихов. Может быть, “мышья беготня” мешает поэту, а может быть, предвещает появление слова, подобно тому, как, по представлениям древних греков, оживленное поведение мышей предвещало грозу. Это был “своеобразный земной пролог, в котором излагалось содержание небесной драмы” (Мифы народов мира, т.2, с. 190). Так и прошедший день в “Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы” лишь земной пролог, предвещающий появление слова, данного поэту свыше.

Необходимо отметить, что образ мыши с точки зрения традиций мировой культуры является амбивалентным мифологическим образом. С одной стороны, это животное “вызывает всеобщее отвращение, оно медленно, но верно грызет, портит, кусает, уничтожает все вокруг, и египтяне считали его символом разрушения, а также связывали с идеей суда над душой... может иметь отношение к смерти: исчезновению одной из сторон личности, раскрошенной зубом времени” (1, 1996:226-227) (см. также стихотворение В.Ф.Ходасевича: Здравствуй, терпеливая моя, / Здравствуй, неизменная любовь! / Зубок изостренные края / Радостному

сердцу приготовить.); часто с мышью “связываются представления о смерти, разрушении, войне, море, голоде, болезни, бедности (Мифы народов мира, т. 2, с. 190)”. С другой же стороны – “многие мифологические представления о мыши обнаруживают сходство с представлениями о музах в греческой мифологии и генетически связанных с ними персонажах...” (Мифы народов мира, там же).

У В.Ходасевича мыши своим поведением также что-то предвещают:

Порою же мыши становятся в круг,
Под музыку ночи по комнате вьются...

И длится их танец, как тихое чудо,
И мыши все пляшут и пляшут, куда
Зарей не окрасятся неба края...

Чуть вечер настанет, померкнет закат
Проворные лапки легко зашуршат:
Приходят они, мои милые мыши,
И сердце смиряется, бьется все тише.

Поэт написал целый “мышиный цикл”, в который входят стихотворения “Мышь”, “Ворожба”, “Вечер” и др. В стихах В.Ф.Ходасевича мыши – не только хтонические животные древней мифологии, зловещие представители подземного царства, но и музы. По гипотезе В.Н.Топорова, древнегреческие слова “мышь” и “муза” генетически между собой связаны. Кроме того, как уже отмечалось выше, многие мифологические представления о музах совпадают с представлениями о мышах. Родителями мышей являют-

ся громовержец (или небо) и земля, родителями муз – Зевс-громовержец или Уран и Мнемосина или Гея (земля). Место рождения или обитания мышей и муз – гора. Мыши соотносятся с огнем, водой, мировым деревом, музы – с каменным столпом. Предводитель мышей – мышиный царь или Аполлон, предводитель муз – Аполлон или Дионис. Форма организации мышей и муз – хоровод. Хаотическое оживление у мышей возникает перед грозой, у муз в связи с вдохновением, творчеством (Мифы народов мира, т.2, с. 190).

Таким образом, представляется возможным утверждать, что под влиянием прецедентных текстов смысловое наполнение стихотворения “После полуночи сердце ворует...” обогащается мотивом творчества, вдохновения; символический образ “мышь” наряду со значением времени приобретает значение *муза*. Семантику интертекста формируют словесные образы “мышь”, “ночь”, “бессонница”, “шепот”, “тишь”, “сердце”. Кроме того, во всех текстах аллитерация на шипящие “ч” и “ш” создает эффект звукового сопровождения убегающего времени.

Таким образом, поэтическое слово в интертекстуальном семантическом пространстве под влиянием прецедентных текстов не только обогащает свою семантическую структуру за счет приращения новых смыслов, но и изменяет семантику поэтического произведения в целом.

Библиографический список

1. Маковский М.М. «Картина мира» и миры образов: Лингвокультурологические этюды / М.М.Маковский // Вопросы языкознания. – 1992. - № 6. – С. 36-53.
2. Мандельштам О.Э. Соч.: В 2-х т. / О.Э.Мандельштам. – М.: Худож. лит., 1990. – Т.1. Стихотворения. – 638 с.
3. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 тт. / Гл.ред. С.И.Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1991.
4. Пушкин А.С. Золотой том: Собрание сочинений / А.С.Пушкин. – М.: Издательский дом “Имидж”, 1993. – 975 с.
5. Ходасевич В.Ф. Стихотворения / В.Ф.Ходасевич. – Л.: Азбука, 1989. – 495 с.

Reference

1. Makovsky M.M. «The picture of the world» and worlds of images: Linguistic and cultural sketches / M.M. Makovsk // Issues of linguistics. – 1992. – №. 6. – P. 36-53.

2. Mandelstam O.E. Collected works in 2 vol. / O.E. Mandelstam. – M., 1990. – Vol.1. Verse. – 638 p.
3. World myths: Encyclopedia: In 2 vol. – M., 1991.
4. Pushkin A.S. Golden volume: Collected works / A.S. Pushkin. – M., 1993. – 975 p.
5. Khodasevich V.F. Poems / V.F. Khodasevich. – Leningrad, 1989. – 495 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

УДК 811.111' 373. 612.2

<i>Воронежский государственный университет</i>	<i>Voronezh State University</i>
<i>Преподаватель кафедры английского языка</i>	<i>The department of Romanic and Germanic</i>
<i>гуманитарных факультетов факультета</i>	<i>philology, humanitarian faculty, the chair of</i>
<i>РГФ Панкова Т.Н.</i>	<i>English language, lecturer Pankova T. N.</i>
<i>Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 20-84-41</i>	<i>Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 20-84-41</i>

Т. Н. Панкова

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВТОРИЧНОЙ И ОБРАЗНОЙ НОМИНАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПЛОД В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается национальная специфика образования метафорических значений. Выявляются и анализируются общие и национально-специфичные признаки образования метафорических значений в русском и английском языковом сознании.

T. N. Pankova

NATIONAL SPECIFICATION OF METAPHORS MEANING FRUIT AS AN EXAMPLE OF SPECIFIC WAYS OF EXPRESSIVE MEANINGS IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

The article is devoted to the research of the peculiar usage of metaphors meaning fruit. Special attention is paid to the analysis of common and specific ways of expressive meanings of these metaphors in Russian and English languages. The article helps to depict the meanings of metaphors by vocabulary analysis. The article describes the differences in the mental process and semantic meanings from the point of view of the two languages.

Как известно, метафора играет важную роль в становлении лексической системы любого языка. Семантические процессы могут быть построены на общечеловеческих законах мышления и могут иметь свои особенности проявления в

каждом языке. Метафора основывается на мифологическом элементе мышления современного человека, исходя из того, что сходство между явлениями действительности улавливается интуитивно, иррационально. Именованное объекта с по-

© Панкова Т.Н., 2008

мощью уже “готовой” единицы возможно только при условии интуитивного улавливания сходства между двумя объектами, восприятие которых вызывает сходные ассоциации.

Осознание принципиальной нетождественности явлений создаёт *двуплановость* метафоры. Несомненно, что эта развилка между двумя типами мышления создаёт метафору *как игру человека с действительностью и языком*. Подтверждением вышесказанному служит, во-первых, то, что при метафорическом переносе зачастую задействован трудно-расчленимый комплекс признаков, который относится к разным способам восприятия, а, во-вторых, признаки, с которыми сходны объекты метафорического переноса, осознаются и могут быть названы только после акта именованя. Рассмотрим это на примерах.

Объектом предлагаемой работы были выбраны лексические единицы *fruit, fruition, fruitless, fruity, fruitful* и *фрукт, плод, бесплодность, бесплодный, плодить, расплодить, плодиться, расплодиться, плодовитый, бесплодный*.

Цель исследования заключается в сопоставлении направлений метафорических переносов данных лексических единиц. Лексемы являются соотносимыми эквивалентами и приобретают переносные значения в обоих языках. Следует обратить внимание на тот факт, что английская лексема **fruit** соотносится с двумя русскими лексемами, то есть имеет место векторное соответствие.

Лексическая единица **плод** в русском языке означает *орган растения, развивающийся из завязи цветка в результате опыления и содержащий в себе семена*. Например: *Стрелолист уже дал первые плоды – зелёные шишки, покрытые со всех сторон мягкими иглами* (К. Г. Паустовский. Во глубине России).

Данная единица также употребляется для обозначения *съедобной части некоторых растений (фрукты, ягоды)*. Например: *В прекрасном Новосельском*

фруктовом саду поспели все плоды и между прочим крупные груши (А. А. Фет. Ранние годы моей жизни). *Я работал вместе со всеми; помогал складывать яблоки на рогожи, в груды, снимал плоды с ветвей* (Шефнер. Облака над дорогой).

У лексемы **плод** существуют два метафорических значения:

1) зародыш у человека и млекопитающих, организм человека или млекопитающего животного в утробный период развития; ребенок, младенец (перенос по признаку «фаза биологического существования», направление: растение – человек);

2) результат, итог какой-либо деятельности, каких-либо действий, усилий, порождение чего-либо.

Например:

*Я плоды своих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей.*

(А. С. Пушкин. Евгений Онегин)

Эта высшая простота – плод неумолимого писательского труда, громадного творческого усилия (Катаев. Чехов).

Применительно ко второму случаю можно предположить, что перенос произошёл по признаку «результат» (результат биологического процесса развития растения – результат деятельности), направление: растение – абстрактное явление.

Лексема **бесплодный** имеет несколько значений:

1) не способный производить потомство, не дающий потомства (о человеке или животном).

Например: *бесплодный брак*.

2) неспособный к плодоношению (о растениях); неспособный удовлетворять потребность растений в питании; неплодородный (о почве).

Например: *Родник между ними из почвы бесплодной, Журча, пробивался волною холодной* (М. Ю. Лермонтов. Три пальмы).

В обоих случаях перенос произошёл по признаку «не являющийся источником

другой жизни», направление: растение – натурфакт.

3) не дающий результатов; бесполезный, напрасный; безуспешный, ненужный, лишний, излишний, напрасный, тщетный.

Например: *Бесплодные попытки. Потом в раскаянье бесплодном / Влачил я цепь тяжёлых лет.* (М. Ю. Лермонтов. Валерик). *Более тридцати дней бесплодных скитаний по лесам и болотам измотали всем нервы* (Г. Линьков. Война в тылу врага).

В данном случае перенос произошёл по признаку «не приносящий результата»; направление: растение – абстрактное явление.

Лексема **бесплодность** тоже имеет два переносных значения и те же самые признаки метафорического переноса: 1) неспособность производить потомство. Например: *Блеклые кусты полыни, серая щетина ковыля ... лишь подчёркивали безжизненность и бесплодность этих земель* (Поповкин. Семья Рубанюк); 2) безуспешность, безрезультатность. Например: *Водолазы уже окончательно убедились в бесплодности дальнейших работ* (Куприн. Листригоны).

Лексема **плодить** имеет три значения:

1) размножать, разводить, выращивать во множестве (животных, растения). // наплодить (разг.) – производить на свет многочисленное потомство.

Например: *Плодить овец.* // - *Пусть женится, - шептала княгиня, десятый раз перечитывая письмо Степаниды Ивановны, - пусть плодит детей* (А. Н. Толстой. Чудаки);

2) способствовать появлению, зарождению чего-либо, порождать; создавать, производить что-либо в большом количестве, во множестве; способствовать появлению, возникновению кого-либо, чего-либо в большом количестве.

Например: *И каждый звук его речей / Плодит ему врагов суровых* (Н. Некрасов. Блажен незлобивый поэт). *Наличие разбойничьих шаек удивляться не приходится: разбойники сами собой из недр*

земли не появлялись, их плодили своими действиями сами же помещики (Шишков. Емельян Пугачёв).

3) приносить плоды, урожай; плодоносить (о почве).

Перенос происходит по признаку «создавать условия для размножения»; направление: растение – человек.

Лексема **плодиться** имеет два значения: 1) (разг.) размножаться, обзаводиться многочисленным потомством // появляться на свет, рождаться в большом количестве. Например: *В улье происходит самое оригинальное разделение труда: одни работают, другие едят и плодятся* (Писарев. Пчёлы). *Это были настоящие поместные дворяне, которые ... собирали дани с кабальных людей и скромно плодились* (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина). *Болотная дичь любит эти мёртвые места и плодится здесь во множестве* (Мамин-Сибиряк. В болоте).

2) (перен.) появляться в большом количестве. Например: *Откуда-то появились мародёрские шайки... Бороться с этими шайками было некому, а они всё плодились, росли* (Фурманов. Мятаж). Перенос по признаку «размножаться, давать много плодов»; направление: растение – социальное явление.

Лексема **плодовитый** имеет два значения: 1) приносящий много плодов // быстро размножающийся, производящий большое потомство. Например: *Плодовитое фруктовое дерево.* // *Кролики плодовиты.*

2) (перен.) много пишущий, много написавший художественных или научных произведений. Например: *Плодовитый композитор. Самый деятельный и плодовитый из русских писателей, без сомнения, - Пушкин* (В.Г. Белинский. Стихотворения В. Жуковского).

Можно предположить, что это ассоциативно-признаковая метафора, перенос происходит по признаку «результат», много плодов ассоциируется с количеством произведённого, то есть «большое количество», следовательно, возможно

проявление другого признака «множество»; направление: растение – человек.

Значением лексемы **небесплодный** является «приносящий некоторые плоды, результаты; небесполезный». Например: *Деятельность Ваша достигла хотя маленького результата – следовательно, бесплодна – чего же больше?* (И. С. Тургенев, письмо А. П. Философовой, 22 мая 1875г).

Думается, что это ассоциативно-признаковая метафора, перенос по признаку «качество, свойство»: даёт плод – приносит результат; направление: растение – абстрактное явление.

Лексема **расплодить** имеет два значения: 1) размножить, развести в большом количестве (каких-либо животных или растения) // (разг.) дать размножиться по небрежности, недосмотру // (разг.) произвести на свет многочисленное потомство. Например: *Расплодить поросят. // Расплодить клопов. // Хорь расплодил большое семейство, покорное и единоподушное* (Тургенев. Хорь и Калиныч);

2) (разг. неодобр.) создать благоприятные условия для появления и процветания кого-либо, чего-либо. Например: *Расплодить бездельников*. Здесь перенос происходит по признаку «действие» (размножить), направление: растение – человек.

В русском языке существует лексема **расплодиться**, которая сходна с *расплодить* по признаку метафорического переноса и его направлению. Она означает: 1) размножиться, обзавестись многочисленным потомством.

Например: *Охотников мало, даже вовсе нет. ... А дичь расплодилась обильно* (Фурманов. Мятеж). *Оводов расплодилось несметные тучи* (А. Кожевников. Живая вода);

2) (разг. неодобр.) появиться, начать существовать в большом количестве.

Например: *Быть может, он просто разыгрывал из себя одну из «загадочных натур», которых в то время ... расплодилось очень много* (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина). – Сам

понимаешь, сколько расплодилось теперь шпионов, и при дворе они, и в ставке, и при нашем маленьком отряде тоже могут оказаться (Саянов. Небо и земля).

Таким образом, в русском языке метафорические значения лексемы плод и её производных образуются по следующим признакам:

- 1) фаза существования,
- 2) результат процесса,
- 3) отсутствие результата,
- 4) множество.

Лексема **фрукт** в русском языке чаще используется во множественном числе и означает *съедобный сочный плод некоторых деревьев и кустарниковых растений*. Например: *Обыкновенно матушка сама собирала фрукты, то есть персики, абрикосы, испанские вишни, сливы и т.п.* (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина).

Данная лексическая единица употребляется в переносном значении в просторечии, когда говорят о человеке с отрицательными качествами или это может быть *человек, тип, субъект* (обычно с оттенком пренебрежительности).

Например: - *Вот так фрукт, - произнёс Борейко, всё ещё загоразивая двери.*

- *Сам украл, а других платить заставлял* (Степанов. Порт-Артур).

Вероятно, метафорический перенос происходит по признаку качественного отличия от окружающего. Так как фрукты были редки и дороги, то, возможно, возникала ассоциация с чем-либо чужеродным, отличающимся от обычного. Следовательно, это ассоциативно-психологическая метафора. Направление переноса: растение – человек.

В английском языке лексическая единица **fruit** имеет несколько значений:

1) плод; фрукты, плоды или фрукт; собирательное – фрукты, плодовые растения, ягоды.

Например: *They grow here different fruits.* (здесь выращивают разные плоды); *canned fruit, tinned fruit* — консервированные фрукты, *citrus fruit* —

цитрусовые, *dried fruit* — сушеные фрукты, *fresh fruit* — свежие фрукты, *frozen fruit* — замороженные фрукты, *luscious fruit* — сладкие фрукты, *ripe fruit* — зрелые фрукты, *tropical fruit* — тропические фрукты, *unripe fruit* — незрелые фрукты.

Our country exports citrus fruit. — Наша страна экспортирует цитрусовые.

forbidden fruit — запретный плод (в прямом и переносном значении)

young fruit — завязь (плода); зеленец (огурца) – в сельском хозяйстве;

passion fruit – маракуйя и соответствующее растение; или *to grow fruit* (разводить плодовые растения); *small fruit* (ягоды), *small fruit* = ягодные кустарники (такие как: *strawberry*, *raspberry*, *blackberry*, *gooseberry*, *currant*, *huckleberry*, *cranberry*) и их плоды;

2) плоды, результаты «the fruits of one's labor» — плоды труда;

а) давать плоды, плодоносить; б) культивировать, разрабатывать, развивать (с целью получить плоды, урожай);

Например: *I have not fruited those sorts of strawberries.* — Я никогда не занимался разведением этих сортов клубники.

пожинать плоды своих трудов — *to reap the fruits of one's labour*;

пожинать плоды чужого труда — *to reap where one has not sown*;

дозревание плодов — *bletting*; косточковый плод — *stone-fruit, drupe*;

приносить плоды — *to bear/yield fruit*.

Это ассоциативно-признаковая метафора, перенос происходит по признаку по признаку «результат» (результат биологического процесса развития растения – результат деятельности), направление: растение – абстрактное явление.

При сопоставлении лексем *фрукт* и *fruit* выявляется, что некоторые производные английского эквивалента реализуются в составе устойчивых сочетаний. Так, например, существует несколько довольно распространённых в современном английском языке сочетаний, например,

сочетание «**fruit loop**» означает «недомок, кретин, дебил».

Fruit of many years work (fruit of many years' work = fruit of many years' labour) – означает плод многолетнего труда, а следовательно, имеется в виду определённый результат (труда). Существует другое выражение, имеющее библейскую этимологию, *eat the fruit of one's own doings*, которое означает *пожинать плоды своего труда. To reap the fruits of smth.* – означает *пожинать плоды чего-либо*, то есть видеть (иметь) результат какого-либо действия. *To bear fruit* (перен.) – *приносить плоды, давать результаты*. Например: *By deed ... they have shown that production on a large scale, and in accord with the behests of modern science, may be carried on without the existence of a class masters employing a class of hands; that to bear fruit, the means of labour need not be monopolized as a means of dominion over ... the labouring man himself.* (К. Маркс. “Inaugural Address of the I. W. M. A.”, 1864) ... *рабочие на деле доказали, что производство в крупных размерах, и притом ведущееся в соответствии с требованиями современной науки, осуществимо при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом класса наёмных рабочих; они доказали, что для успешного производства орудия труда вовсе не должны быть монополизированы в качестве орудий господства над ... рабочими.*

Во всех этих случаях данная лексема выступает в одном и том же метафорическом значении. Перенос осуществляется по признаку «результат», направление: растение – человек.

В американском варианте английского языка (сленг) существуют ещё три примера использования данной лексемы, но в разговорной речи:

1) *He comes on like a fruit but it's just his sense of humor* — Он производит впечатление странного типа, но такой уж у него юмор.

2) *He's a fucken fruit* — Он гомик. *She thinks that you know who is a fruit* — Она уверена, что тот самый тип голубой.

3) What a fruit loop! Doesn't even know where his head is at — Недоумок какой-то! Никак не может собраться с мыслями.

Кроме того, лексема **fruit** употребляется в следующих фразеологизмах: *to top one's fruit* – укладывать лучшие фрукты сверху, чтобы скрыть плохие, что означает “скрывать что-то нехорошее, гадкое”. Сочетание *forbidden fruit* – это библейское выражение, означающее *запретный плод*. Например: *You mustn't go there! It's forbidden fruit for you!* Пословица *forbidden fruit is sweet* переводится как *запретный плод сладок*. Смысл английской пословицы *He that would eat the fruit must climb the tree* на русский можно передать так: *успех даётся с трудом; без труда нет плода* (без труда не вытащишь и рыбки из пруда). Однако во всех этих случаях переосмысливается не отдельная лексема, а вся ситуация в целом.

Устойчивое сочетание **old fruit** (сленг) означает *дружище, голубчик, старина*. Здесь в отличие от русского языка чётко прослеживается положительная коннотация. Думается, что это ассоциативно-психологическая метафора, связанная с приятным вкусом фруктов, вызывающим положительные ассоциации.

Лексическая единица **fruition** имеет два значения:

- 1) пользование какими-либо благами;
- 2) а) осуществление, выполнение, реализация (планов, надежд и т. п.).

Например: *to bring smth. to fruition* — осуществлять что-л.;

to come to fruition, reach fruition — исполняться, осуществляться, б) плодоношение.

Думается, что это ассоциативно-психологическая метафора, связанная с тем, что раньше в Англии не каждый мог себе позволить купить фрукты, так как они там не выращиваются, а являются привозным продуктом, и только обеспеченный человек мог их приобрести. Поэтому возможность покупать фрукты ассоциировалась с благами жизни и осу-

ществлением надежд. Направление метафорического переноса: растение – абстрактное явление.

Fruitless (*бесплодный*) приобретает значение *бесполезный*. При сопоставлении лексем *бесплодный* и *fruitless* выявляется, что в английском языке и русском данная лексема выражает одинаковое количество переносных значений.

Fruitless имеет следующие значения:

- 1) бесплодный, неплодородный.

Например: *fruitless tree* — неплодородное дерево;

- 2) напрасный, тщетный, безуспешный, бесполезный; безрезультатный, непродуктивный (о действиях); неспособный достичь какой-л. цели (о людях).

Например: *It is fruitless to go to him for help.* — Бесполезно обращаться к нему за помощью.

Следует отметить расхождения признаков в образовании метафорического переноса: в русском – по признакам «не приносящий результата» (направление: растение – абстрактное явление) и “не являющийся источником другой жизни” (направление: растение – натурфакт). В английском – только «не приносящий результата».

Лексическая единица **unfruitful** имеет три значения:

- 1) неплодоносящий; неплодородный;
- 2) бесплодный.

Например: *unfruitful marriage* — бездетный брак

- 3) безрезультатный, бесплодный, бесполезный, напрасный.

Например: *unfruitful efforts* — *напрасные усилия*.

Лексическая единица **fruity** 1) а) фруктовый (похожий на фрукты по вкусу, запаху и т. п. или сделанный с добавлением фруктов) б) яркий, цветущий; благоухающий.

Например: *fruity hopefulness on someone's face* — искренний оптимизм на чьем-л. лице.

- 2) сохраняющий вкус или аромат винограда (о вине);

3) а) непристойный, неприличный, смачный; намекающий на что-л. непристойное; неприличный; например: an unusually fruity political scandal connected with bribery — неожиданно непристойный политический скандал, связанный со взяточничеством;

б) ужасно интересный, любопытный, занимательный, занятный, интересный, интересующий, содержательный, вызывающий мысли, заставляющая думать.

В американском разговорном варианте английского языка лексема **fruity** имеет следующие значения: 1) She gave a fruity laugh — Она оглушительно захохотала

2) He told us a rather fruity story — Он рассказал нам довольно похабный анекдот

3) His fruity behaviour gets on my nerves — Его дурацкое поведение действует мне на нервы. She acts pretty fruity sometimes — Она иногда тупит.

4) That longhaired guy is sure fruity. Look at the way he's camping it up — Этот длинноволосый парень точно голубой. У него походка как у педика.

Сочетание **a fruity voice** означает *мелодичный голос*. Думается, что это ассоциативно-психологическая метафора. В данном случае, вероятно, происходит ассоциация с нежностью, мягкостью, которая характеризует и определённый тембр голоса, направление: растение – человек.

Лексема **fruitful** (*плодовитый, плодородный*) приобретает метафорическое значение *плодотворный*. Ассоциативно-признаковая метафора, перенос происходит по признаку “результат”, направление: растение – человек.

Следовательно, в английском языке метафорические значения лексемы *fruit* и её производных образуются по признаку «не приносящий результата». А при образовании ассоциативно-психологической метафоры можно говорить о других признаках: 1) вызывающий приятные ассоциации; 2) приносящий богатство.

Таким образом, при сопоставлении метафорических значений исследуемых лексем в русском и английском языках можно выделить как общие, так и национально-специфичные значения. Для обоих языков общность образования метафорических значений проявляется в следующих признаках: 1) результат, 2) отсутствие результата.

Национально-специфичными признаками метафорического переноса в русском языковом сознании являются: 1) множество, 2) фаза существования.

Следовательно, можно говорить о том, что существует как нечто общее, так и различное в способе и частоте образования многозначных единиц и обусловленности их спецификой системы конкретного языка.

Библиографический список

1. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак. – Языковая номинация: Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 230- 293.
2. Гак В. Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак. – Логический анализ языка. Языки пространств – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
3. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак. – Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11 – 26.
4. Гачев Г. Д. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. – Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995. С. 11 – 31.
5. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь: Ок. 200000 слов и словосочетаний / В.К. Мюллер. – 12-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005 – XIV, 945, [1] с.
6. Попова З. Д., Стернин И. А., Чарыкова О. Н. К разработке концепции языкового образа мира. / З. Д. Попова, И. А. Стернин, О. Н. Чарыкова. – Язык и национальное созна-

ние. Материалы региональной научно-теоретической конференции. Воронеж, 1998. С. 21 – 23.

7. Смирницкий А.И. Большой русско-английский словарь / Ахманова О.С., Выгодская З.С., Горбунова Т.П., Ротштейн Н.Ф., Таубе А.М. Под ред. Ахмановой О.С. – М.: Рус. яз.- Медия, 2006. – 727, [9]с.

8. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of current English / A.S. Hornby. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 1541p.

Библиографический список

1. Gak V.G. To the classification of linguistic nominations / V.G. Gak. – Language nomination: General problems. – М., 1977. – P. 230- 293.

2. Gak V.G. Space out of space / V.G. Gak. – Logical language analysis. Languages of spaces. – М, 2000. – 448 p.

3. Gak V.G. Metaphor: the universal and the specific / V.G. Gak. – Metaphor in language and text. – М., 1988. – P. 11 – 26.

4. Gachev G.D. National images of the world / G.D. Gachev. – National images of the world. Cosmo-Psycho-Logos. – М., 1995. – P. 11 – 31.

5. Muller V.K. New English-Russian dictionary / V.K. Muller. – 12th edition. – М., 2005. – 945 p.

6. Popova Z.D., Sternin I.A., Charykova O. N. To the elaboration of conception of language image of the world. / Z.D. Popova, I.A. Sternin., O. N. Charykova. – Language and national consciousness. – Voronezh, 1998. – P. 21 – 23.

7. Smirnitksy A.I. Great English-Russian dictionary. – М., 2006. – 727 p.

8. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of current English / A.S. Hornby. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 1541p.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPTS STUDIES

УДК 802/809:378.6.022

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Д-р филол. наук, проф. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Ковалева Л.В.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, d-r of philological sciences, full professor Kovaleva L.V.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

Л.В. Ковалева

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФРАЗЕОСОЧЕТАНИЙ С ЛЕКСЕМОЙ «ПОЛЕ» В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются когнитивные процессы формирования фразеологических единиц в русском и немецком языках, их лингвокультурологические особенности. ФС с лексемой «поле» отражают представление о поле как широком пространстве и месте для земледелия (русский язык) и месте для скотоводства, земледелия и поля битвы (немецкий язык).

L.V. Kovaleva

LINGUISTIC AND CULTURAL PROCESSES OF PHRASEOLOGICAL UNITS FORMING WITH A LEXEME “FIELD” IN RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

The article is devoted to cognitive processes of phraseological units forming in Russian and German languages and their linguistic and cultural features. Idioms with lexeme “field” represent field as broad space and place for agriculture in Russian language and places for cattle breeding, agriculture and a battlefield in German language.

Сопоставление фразеологических единиц разных языков – сложный процесс, осуществлять который нужно комплексно, исследуя различные компонен-

ты, входящие в состав устойчивого словосочетания. Сопоставительное изучение языков является продуктивным, так как позволяет выявить как сходства, так и

глубокие различия процессов фразеологизации в анализируемых языках.

© Ковалева Л.В., 2008

Такой вид анализа позволяет выявить национально-культурные особенности лексем, входящих во фразеосочетание, обозначающих одни и те же объекты действительности у носителей различных картин мира. Они могут совпадать, тогда мы называем это эквивалентностью; частично совпадать или быть уникальными, то есть не совпадать, тогда это называется безэквивалентностью. Национально-культурная уникальность порождается климатическими, географическими, экономическими и культурными традициями.

Рассмотрим, какие особенности русского и немецкого сознания носителей этих языков нашли отражение во фразеосочетаниях, включающих лексему «поле».

С полем у русского человека связано понятие огромных просторов, вольных широких равнин. Лексема «поле» родственна слову «полюй», означающему «имеющий ничем не заполненное пространство, пустой» [1]. Д.С.Лихачев писал: «Широкое пространство всегда владели сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках... Восторг перед просторами присутствует уже и в древней русской литературе... Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека» [2]. Далее ученый пишет: «Я пишу о слове «воля» как о типично русском («воля» - это свобода + простор + природа)» [3]. Отсюда русское фразеосочетание «**В (чистом) поле четыре воли**» - в безлюдном месте, на просторе каждый волен делать, что захочет. Семьи, вербализованные во фразеосочетании, несут единый смысл «пространство, свобода действий, любое направление»: лексема «поле» имеет значение

«безлесная равнина, пространство», лексема «воля» - «способность осуществлять свои желания». Лексема «сторона» - «направление, а также пространство, место, расположенное в каком-либо направлении», в сочетании с лексемой «четыре» приобретает значение «на все четыре стороны, куда угодно, куда только захочется». В общей совокупности значений этих лексем и образовано фразеосочетание со значением свободного действия без всяких препятствий.

«Пришли мы тогда в К., а было нас двое, я да другой, тоже бродяга, Ефим без прозвища. По дороге мы у одного мужика... разжились маленько. Ну, вошли, да и поглядываем: разжиться бы здесь, да и драло. В поле четыре воли, а в городе жутко - известно» (Достоевский. Записки из Мертвого дома).

Со временем лексема «поле» приобретает значение «обрабатываемая под посев земля, участок земли». «Если же углубиться в даль времен и сопоставить значение славянского слова с родственными языками, окажется, что в слове поле содержится древний корень со значением «серый, светлый». Значит, поле - это свет и вселенная для людей первобытного общества. С течением времени слово как бы сужает свое значение: бескрайний мир сжимается до небольшого участка земли возле родной деревни» [4].

И другие фразеосочетания с лексемой «поле» употребляются именно в этом значении. «**Не обсевок в поле**» - стоящий человек, не хуже других.

Лексема «обсевок» имеет значение «пропущенное место на пашне при посеве», употребляясь с частицей «не», она выражает противоположный смысл: не оставленный без внимания и реализуется при характеристике человека важного, стоящего, которым не пренебрегают.

«Я не обсевок в поле,

Такой же гость, а ты меня обносишь!

Пирог с крупой и мы с рукой, да,
видно,

Кого блинками, а меня
пинками. (Островский. Воевода).

“**Одного поля ягода**” - сходны, одинаковы (по своему положению, взглядам; качествам, свойствам и т.п.). Лексема “ягода” означает “небольшой сочный плод кустарников, полукустарников или травянистых растений”, а лексема “один” - “единый, целостный, тот же самый”. Фразеосочетание построено на пересмыслении образа поля, обладающего одинаковыми природными качествами (свойство почвы, питательные вещества, наличие удобрений и “плодов” (того, что на поле растет) и т.п.). При актуализации потенциальной семы “одинаковый, тождественный” словосочетание приобретает значение характеристики двух одинаковых или сходных в каких-либо качествах людей.

“Моя мальчишеская судьба была похожа на его. Азартность в играх и соревнованиях на суше и на речке, даже привычка в ранние годы пытаться счастье в картежной игре - все было одного полка, одного поля ягода” (Н.Асеев. Что меня сблизило с Маяковским?).

Поле было в древней Руси также местом битвы, «судебного поединка». Так возникли фразеосочетания «На поле брани», «И один в поле воин».

Если мы обратимся к немецкому языку, то мы увидим, что в нем существует большое количество фразеосочетаний с лексемой «das Feld»(поле), однако понятия широкого бескрайнего пространства, оказавшего на характер русского человека большое влияние, не существует.

«Das Feld» для немцев – это прежде всего место для земледелия. Читаем в словаре: «das Feld» - 1. Acker, Landstück, то есть пашня, участок земли; 2. weite, unbebaute Bodenfläche; abgegrenzte Bodenfläche für den Anbau von Nutzpflan-

zen, то есть обширная необработанная земельная площадь; ограниченный участок земли для возделывания полезных растений. [5]. Фразеосочетание «die Felder stehen gut» (букв.поля стоят хорошо) означает – урожай на полях хороший. Это единственное ФС, относящееся к полю как месту сельскохозяйственных работ. Хотя первоначально лексема «das Feld» означала «Erde», «Weide» (земля, пастбище) – место, где возделывали землю для получения урожая, и место для выгона скота. Фразеосочетание «durch Feld und Flur» (букв. по полю и лугу) отражает занятие немцев скотоводством, денотативная ситуация первоначально отражала значение – по полю и лугу гуляют домашние животные. Лишь позднее эта ситуация стала выражать переносное (коннотативное) значение быстрого передвижения по полям и лугам.

Значительно позже возникло понимание поля как места брани, сражения. Как утверждает М.М.Маковский, понимание «поле брани» произошло от выжженного пространства: в Германии в связи с небольшой по сравнению в России территорией существовала огневая система лесного земледелия, в результате которой определенные участки леса выжигались и затем расчищались. Эти участки служили потом местом выращивания растений. Отсюда *pel* (позднее *fel*) – жечь, гореть, огонь. Кроме того, поле в древности соотносилось с понятием загробного мира, смерти. [6] Так, например, немецкое фразеосочетание «jemanden aus dem Feld schlagen» (букв. выбивать кого-либо с поля) означает разбить кого-либо, вытеснить, изгнать.

«(Er schmeichelte sich, bei seinen Geliebten) der Eroberer zu sein, der einen anderen aus dem Feld geschlagen hatte» (M.Walser. Ehen in Philippsburg).

«Das Feld behaupten (букв.отстаивать, удерживать поле) озна-

чает одержать верх, победить, оставить за собой поле сражения.

“Bevor er aufrecht stand, life der andere fort... Henri behauptete das Feld” (Н.Манн. Henri Quarte, Jugend)

“Das Feld gewinnen” (букв.Выиграть поле” – побеждать, выходить победителем.

“Hat aber die Oppositionskutsche auf solche Art das Feld gewonnen, und sie ist jetzt auf einer bestimmten Tour die einzige, so erhöht sie ihre Preise, oft sogar den Preis der verdrängten Kutsche übersteigend” (Н.Нейне. Englische Fragmente).

Фразеосочетаний, имеющих значение «поле боя», в немецком языке достаточно много. Например, “das Feld räumen” (букв. очищать, освобождать поле) означает отступать, уступать поле боя кому-либо; “das Feld streitig machen (букв.оспаривать поле) – конкурировать, соперничать с кем-либо; “im Feld stehen” (букв.стоять в поле) – находиться на фронте; “ins Feld ziehen” (букв. тянуть,

вытягивать кого-либо в поле) – выступать в поход.

Таким образом, наш анализ показал, что русские фразеосочетания с лексемой «поле» отражают представление о поле как о широком просторе, бескрайней степи, ровном пространстве, а также месте земледелия, выращивания сельскохозяйственных культур. И только два фразеосочетания отражают представление о поле как месте брани. Немецкая же лексема «поле», входящая в состав устойчивых словосочетаний, в основном выражает понятие поля как места битвы, и только одно – место сельскохозяйственных работ и одно – скотоводства. Из этого следует, что фразеосочетания русского и немецкого языков, имея в своем составе одни и те же лексемы, в нашем случае лексему «поле», формируются на базе своеобразного национального понимания. Поэтому они несут своеобразный национальный характер.

Библиографический список

- 1.Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 2001. – 621с.
2. Лихачев Д.С. Заметки о русском М., 1984. – 64с.
3. Колесов В.В. О логике логоса в сфере ментальности. // Мир русского слова, 2000 - №2 – С. 52-59.
4. Duden.Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Samml. In 12 Bänden. – В.7. – Leipzig, 2001. – 256S.
5. Маковский М.М. Этимологический словарь современного немецкого языка. М., 2004. – 630с.

References

1. Chernykh P.J. Historical and etymological dictionary of contemporary Russian language. – M., 2001. – 621 p.
2. Likhachev D.S. Notes about Russian. – M., 1984. – 64 p.
3. See above.
4. Kolesov V.V. On the logic of logos in mentality sphere. // World of Russian word, 2000. – №2 – P. 52-59.
5. Duden. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Samml. In 12 Bänden. – В.7. – Leipzig, 2001. – 256S.

6. Makovsky M.M.. Etymological dictionary of contemporary German language. – M., 2004. – 630 p.

УДК 801/3=82(045/046):22

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Суханова Т.В.
Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, assistant lecturer
Sukhanova T.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48*

Т.В. Суханова

КОНЦЕПТ КАК ОСНОВНОЕ ПОНЯТИЕ СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье описаны подходы к определению концепта, существующие в современной лингвистике. Приведены различные определения термина *концепт*, предложенные учеными, а также краткое описание структуры концепта и его роли в построении картины мира человека.

T.V. Sukhanova

CONCEPT AS THE MAIN NOTION OF MODERN COGNITIVE LINGUISTICS

The article describes various approaches to the definition of concept accepted in modern linguistics. The definitions of the term are given along with the description of concept structure and its part in a personal picture of the world.

З.Д. Попова отмечает: «Вся проблематика когнитивной лингвистики вращается вокруг ее основных категорий – концепт, концептуализация, категоризация, концептосфера или картина мира» [1]. Всю познавательную деятельность человека можно рассматривать как развивающую умение ориентироваться в мире, а эта деятельность сопряжена с необходимостью отождествлять и различать объекты [2]. Концепты возникают именно для обеспечения операций такого рода, значит, формирование концептов связано с познанием мира.

К концу 20 века лингвисты пришли к выводу, что носитель языка – это носитель определенных концептуальных си-

стем. В каждом концепте сосредоточены важные для человека представления о мире. Система концептов образует картину мира, в которой отражается понимание человеком реальности.

© Суханова Т.В., 2008

Впервые термин *концепт* упомянут в статье «Концепт и слово» С.А. Аскольдова в 1928 году. Он определял концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [3]. А в систематические

исследования понятие *концепт* было введено Д.С. Лихачевым.

В настоящее время в лингвистике сформировались три основных подхода к пониманию концепта. Все они базируются на общем положении, что концепт – это то, что называет содержание понятия.

Представители первого подхода (Ю.С. Степанов, В.Н. Телия) определяют концепт как основную ячейку в ментальном мире человека. С их точки зрения, культура – это совокупность концептов и отношений между ними.

Сторонники второго подхода постулируют семантический подход к концепту, понимая его как единицу когнитивной семантики (Н.Д. Артюнова, А.Д. Шмелев).

Третий подход базируется на представлении о концепте как о посреднике между словами и действительностью. Так, например, Д.С. Лихачев и Е.С. Кубрякова считают, что концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом человека.

Общим для этих подходов является утверждение неоспоримой связи между языком и культурой, расхождения же связаны с разным пониманием роли языка в формировании концепта.

Термин концепт до сих пор не имеет единого определения. Период утверждения термина *концепт* связан с определенной произвольностью его употребления, размытостью границ, смешением с близкими по значению терминами.

В «Большом энциклопедическом словаре» дается следующее определение концепта: «Концепт (от лат. *Conceptus* – мысль, понятие) – смысловое значение имени (знака), т.е. содержание понятия, объект которого есть предмет (денотат) этого имени».

На первый взгляд, лексическое значение слова можно назвать концептом, однако доказано, что значение слова в

словарной статье представлено недостаточным, узким, далеким от когнитивной реальности. «Концепт значительно шире, чем лексическое значение» [4].

Вержицкая понимает под концептом объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно обусловленное представление человека о мире «Действительность» [5].

Лихачев под концептом понимал «своего рода алгебраическое выражение значения, которым человек оперирует в своей письменной речи [6].

С точки зрения В.Н. Телия, концепт – это продукт человеческой мысли и явление идеальное, а следовательно, присутствующее человеческому сознанию вообще, а не только языковому.

Воркачев определяет концепт как культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму, как единицу коллективного знания, имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой [7].

З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагают определение термина *концепт* на основе психологических и психолингвистических исследований Выготского Л.С., Жинкина Н.И., Горелова И.Н. «Концепты – это комплексные дискретные единицы сознания, при помощи которых осуществляется процесс человеческого мышления. Концепты выступают как единицы хранения человеческого знания» [8]. Они считают, что концепт не обязательно имеет языковое выражение, многие концепты имеют эмпирический характер. Также не обязательно наличие этнокультурной специфики и ценностной составляющей.

Таким образом, под *концептом* понимается дискретная комплексная единица человеческого мышления, которая содержит определенную совокупность знаний о том или ином явлении объек-

тивной или субъективной реальности, представленная в виде чувственных данных опыта, информационных данных, а также в виде мнений и представлений.

Исходя из разных определений концепта можно выделить его инвариантные признаки:

- это минимальная единица человеческого опыта, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру;
- это комплексная единица человеческого мышления;
- это основная единица обработки, хранения и передачи знаний о мире;
- концепт имеет подвижные границы и выполняет конкретные функции;
- концепт социален;
- это основная ячейка культуры.

Концепты представляют мир в сознании человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы.

Концепт обладает сложной структурой, включающей помимо понятийной основы социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им, она включает в себя ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации [2].

Концепты в сознании человека возникают в результате деятельности, опытного постижения мира, социализации, то есть складываются из его непосредственного чувственного опыта, предметной деятельности, мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами, языкового знания, а также путем сознательного познания языковых единиц [8].

Концепты, по мнению Д.С. Лихачева, возникают в сознании как отклик на языковой опыт в целом. Совокупность потенций в словарном запасе как отдель-

ного человека, так и языка в целом Лихачев определяет как концептосферу.

Концепты можно классифицировать по различным основаниям. Классифицированные по тематике они образуют эмоциональную, текстовую, образовательную и пр. концептосферы. Применительно к носителям концептов среди них можно выделить индивидуальные, макро- и микрогрупповые, национальные. Можно выделить концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса (политическом, медицинском и т.д.). Концепты могут быть личными, возрастными, общенациональными.

Исследователи отмечают определенную структурированность концепта, которая связана с структурным характером человеческого знания. Вопрос о структуре концепта до сих пор остается дискуссионным.

Различные представления о структуре концепта освещены в работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина:

Представители лингвокультурологического подхода к концепту (Ю.С. Степанов, В.В. Колесов) рассматривают концепт как многомерную глобальную структуру, состоящую из понятий, эмоционально-оценочного блока, сжатой истории и этимологии. В концепте выделяют универсальный (общечеловеческий) и культурный компоненты.

С.Г. Воркачев выделяет в концепте понятийную составляющую (признаковая и дефиниционная структура), образную и значимую составляющие (этимологические, ассоциативные составляющие концепта).

М.В. Никитин вычленяет в концепте образ, понятие, когнитивный импликационал и прагматический импликационал.

В.И. Карасик различает в структуре концепта образно-перцептивный и понятийный компоненты и ценностную составляющую.

З.Д. Попова и И.А. Стернин разграничивают структуру концепта и его содержание. Содержание образуется когнитивными признаками, отражающими отдельные признаки концептуализируемого предмета или явления, и описывается как совокупность этих признаков. Структура включает образующие концепт базовые структурные компоненты разной когнитивной природы – чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле – и описывается как перечисление когнитивных признаков [8].

Таким образом, концепт многомерен, что обуславливает возможность раз-

личных подходов к определению его структуры. Каждый концепт включает смысловое содержание и оценку, отношение человека к тому или иному отражаемому объекту. Кроме того, концепты включают следующие компоненты: универсальный, национально-культурный, социальный, групповой, индивидуально-личностный [2].

Итак, разные научные школы сходятся в определении основного состава концепта, выделяя образ, информационно-понятийное ядро и некоторые дополнительные признаки.

Библиографический список

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 191 с.
2. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – М., 2007. – 296 с.
3. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность: антология / под. ред. В.Н. Нерознака. – М., 1997. – С. 267-280.
4. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград – 1996. – С. 168-184.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 411с.
6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность: антология / под. ред. В.Н. Нерознака. – М., 1997. – С. 28-37.
7. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. - №1. – С. 64-72.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие концепта в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 1999. – 30 с.

References

1. Popova Z.D., Sternin I.A. Scetches on cognitive linguistics / Z.D. Popova, I.A. Sternin. – Voronezh, 2003. – 191 p.
2. Maslova V.A. Introduction to cognitive linguistics / V.A. Maslova. – M., 2007. – 296 p.
3. Askoldov S.A. Concept and word / S.A. Askoldov // Russian philology: anthology. – M., 1997. – P. 267-280.
4. Karasik V.I. Cultural dominants in language / V.I. Karasik // Language personality: cultural concepts. – Volgograd, 1996. – P. 168-184.
5. Vezhbitska A. Language. Culture. Cognition. / A. Vezhbitska. – M., 1997. – 411 p.

6. Likhachev D.S. Concept sphere of Russian language / D.S. Likhachev // Russian philology: anthology. – М., 1997. – P. 28-37.

7. Vorkachev S.G. Language and culture studies, language personality, concept: the development of anthropocentric paradigm in linguistics / S.G. Vorkachev // Philological sciences. – 2001. – №.1. – P. 64-72.

8. Popova Z.D., Sternin I.A. The notion of concept in linguistic studies / Z.D. Popova, I.A. Sternin. – Voronezh, 1999. – 30 с.

УДК 801.3=82(045/046):26

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Ассистент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Подвигина Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48;
e-mail: ya_witch@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication, assistant lecturer
Podvigina N.B.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48;
e-mail: ya_witch@mail.ru*

Н.Б. Подвигина

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТОЛОГИИ И КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье анализируется процесс становления когнитивной лингвистики как науки, рассматриваются ее цели, задачи, основные положения, взаимосвязь с другими науками, а также приводится классификация основных направлений и школ современной когнитивной лингвистики.

N.B. Podvigina

THEORETICAL PROBLEMS OF COGNITOLIGY AND COGNITIVE LINGUISTICS

The article is devoted to the development of cognitive linguistics, its aims, subject and the connection with other sciences. The main branches of modern cognitive linguistics are also classified.

В последние десятилетия изучение реального функционирования языка выводит языкознание на новый уровень, связанный с когнитивной деятельностью человека, его индивидуальной и общественной жизнью. Это связано с расширением границ лингвистики, а также с воз-

росшим интересом к развитию языковой системы под влиянием речи.

В конце XX в. происходит развитие большого количества дисциплин, связанных с изучением получения, переработки и хранения информации.

Вследствие этого важнейшим событием в лингвистике конца XX - начала

© Подвигина Н.Б., 2008

XXI в. становится возникновение когнитологии, которая интенсивно развивается в последние годы, что можно объяснить возникшим интересом к происходящим в человеческом мозге процессам получения и переработки информации.

Большинством исследователей принимается определение когнитологии, согласно которому она представляет собой науку «о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентированы в нашем сознании и составляют основу ментальных, или когнитивных, процессов мышления» [5].

Когнитология «ставит своей целью проследить за тем, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, как происходит рост знания, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией» [1].

Итак, когнитология – это самостоятельная область знаний, предметом изучения которой являются приобретение, переработка и использование человеком информации.

Возникнув как наука о знании и его репрезентации, когнитология интегрирует многие научные дисциплины: философию, логику, психологию, лингвистику, культурологию, нейрофизиологию. Это необходимо для получения полного представления о человеческом разуме.

Вследствие того, что разум был предметом внимания ученых с древнейших времен, когнитология имеет богатую предысторию. «Человеческим интеллектом, закономерностями мышления, источниками знания и процессами его достижения – всем этим издавна занимались такие науки, как философия и логика, психология и биология. В философии существует специальный раздел, посвященный теории познания, в котором изу-

чаются гносеологические проблемы – проблемы возможностей познания, отношения знаний к реальности, вопросы истинности и ложности знаний и т.п. В рамках когнитивной науки все эти вопросы звучат по-иному и возникают в связи с появлением в современной науке новых парадигм научного знания» [10].

Зарождение когнитивной науки происходит в 40-е -50 е гг. XX в. В США были собраны лучшие ученые Германии и всей Европы [1]. «Во время войны становится ясным, что для успешного ведения боевых действий, при взаимодействии разных подразделений, родов войск и союзнических армий необходимо принятие быстрых решений для координирования совместных действий. Поэтому чрезвычайно важными оказываются проблемы связи и быстрой обработки информации» [10]. Правительство и Министерство обороны США выделяют ученым огромные деньги на научные исследования, в том числе на изучение быстрой и эффективной коммуникации, на разработку совершенных каналов связи.

В это же время директор американского Института фундаментальных исследований в Принстоне известный физик Р. Оппенгеймер приходит к выводу, что человек оказывает мощное воздействие на все, что происходит в физике. Соответственно, наблюдается необходимость определить степень воздействия человека на решение той или иной проблемы. К обсуждению этих вопросов Р. Оппенгеймером были приглашены психологи (Дж. Миллер), кибернетики (Н. Винер), специалисты по математическому моделированию, по теории информации, языковеды (Р. Якобсон) [10].

Попытка выяснить, что такое человек, как он программирует свои действия, что зависит от него в науке, привела к зарождению антропоцентрической парадигмы научного знания, которая обращается от простого описания научных проблем и явлений к пониманию роли человека и его сознания.

Ученых интересовало также то, во-первых, как человек может в доли секунды обрабатывать огромное количество информации, поступающей к нему, и принимать необходимые решения, и, во-вторых, какие мыслительные механизмы лежат в основе этих процессов. Психологи, занимавшиеся исследованием нарушений функций нервной деятельности человека, связанных с последствиями войны, пришли к выводу, что они мало знают о том, как работает сознание человека в норме. Так возникла необходимость изучения обыденного человеческого сознания для того, чтобы понять, какие процессы осуществляет человек, познавая и воспринимая мир. В результате психологи обратились к изучению ментальных, мыслительных процессов, которые позднее получили название когнитивных процессов.

Ученые также обратили внимание на то, что в обработке информации, поступающей к человеку, особое место занимает язык. Он является уровнем, на котором информация обрабатывается, осмысливается, интегрируется, категоризируется и классифицируется. Поэтому именно лингвисты должны объяснить, как происходят эти процессы. Формируется понимание того, что лучший доступ к сознанию – это не только наблюдение за предметно-познавательной деятельностью человека, но и наблюдение за языком как формой выражения мыслительных процессов. Именно через язык человек получает основные сведения о мире, именно в языке он отражает эти сведения. За всем этим стоят определенные когнитивные процессы, которые необходимо было исследовать. Этот фактор определил появление и развитие когнитивной науки.

Когнитивная лингвистика возникает как научное направление, которое отвечает на те же вопросы, что и когнитивная наука, только в их непосредственной связи с языком. Важнейшей стороной связи когнитивной науки с лингвистикой оказывается и та часть лингвистики, которая приходится на исследование семантики,

значения языковых форм и выражений. Ведь само значение определяется как когнитивный феномен, а любые данные об этом феномене – как проливающие свет на структуры сознания и их внутренне устройство. Среди этих структур выделяют вербальные и невербальные. Наиболее существенными из представлений нашего мозга и имеющихся структур сознания являются те, которые репрезентируют структуры сознания с помощью языковых знаков [5].

О рождении когнитивной лингвистики официально было объявлено весной 1989 года в Дуйсбурге на симпозиуме, организованном Рене Дирвеном и другими европейскими учеными. На нем было объявлено о создании Международной ассоциации когнитивной лингвистики, подготовке издания журнала «Когнитивная лингвистика» и серии монографий «Исследования по когнитивной лингвистике». В первом номере журнала «Когнитивная лингвистика» были так определены задачи нового лингвистического направления: исследование языка как средства организации, обработки и передачи информации. При этом когнитивная лингвистика опирается на изучение концептуальной и эмпирической базы языковых категорий и понятий. Языковые формы изучаются не сами по себе, а с позиций того, как они отражают определенное видение мира человеком и способы его концептуализации в языке, общие принципы категоризации и механизмы обработки информации с точки зрения того, как в них отражается весь познавательный опыт человека, а также влияние окружающей среды [10].

Становление современной когнитивной лингвистики связывают с трудами американских лингвистов Дж. Лакоффа, Р. Лангаккера, Р. Джакендоффа, в трудах которых мы находим высказывания по поводу того, как в человеческий мозг поступает информация и как происходит ее переработка, кодирование и вербализация.

Р. Джакендофф рассматривает языковое значение как мысленно кодируемую информационную структуру, а Дж.

Лакофф говорит о том, что вырабатываемая языком когнитивная система складывается из образного восприятия, ментальных образов и образов реалий культуры [7].

Труды этих ученых и развитие проблематики когнитивной лингвистики подробно рассмотрены и охарактеризованы в работах Е.С. Кубряковой, которые легли в основу когнитивной лингвистики в России.

В отечественном языкознании, несмотря на то, что когнитивная лингвистика складывается в последние десятилетия XX века, язык уже в первых теоретических трудах по языкознанию рассматривался с точки зрения его связи с мышлением.

Задачей когнитивной лингвистики является «описание и объяснение внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего / слушающего. Говорящий / слушающий рассматривается как система переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных компонентов ... и соотносящая языковую информацию на различных уровнях».

Цель когнитивной лингвистики – исследование системы и установление важнейших ее принципов, а не только систематическое отражение явлений языка. Для когнитивиста важно понять, какой должна быть ментальная репрезентация языкового знания и как это знание «когнитивно» перерабатывается, т.е. какова «когнитивная действительность» [10].

Сегодня насчитывается большое количество научных школ и направлений лингвокогнитивных исследований, которые по-разному классифицируются лингвистами.

З.Д. Попова и И.А. Стернин приводят следующую классификацию основных школ и направлений современной когнитивной лингвистики:

- *культурологическое* - исследование концептов как элементов культуры в опоре на данные разных наук (Ю.С. Степанов);

- *лингвокультурологическое* - исследование названных языковыми единицами концептов как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин, Г.В. Токарев);

- *логическое* - анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы (Н. Д. Арутюнова, Р. И. Павилёнис);

- *семантико-когнитивное* - исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Е.В. Рахилина, Е.В. Лукашевич, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Г.В. Быкова);

- *философско-семиотическое* - исследуются когнитивные основы знаковости (А.В. Кравченко) [9].

А.В. Рудакова выделяет следующие основные школы и направления современной когнитивной лингвистики:

- *общеконцептуальный подход Московской школы*. Представители: Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.С. Степанов, Ю.Н. Караулов, Д.С. Лихачев, Ю.А. Сорокин, Е.В. Рахилина, Р.М. Фрумкина, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский и др.;

- *психолингвистический подход*. Представители: И.Н. Горелов, Н.И. Жинкин, А.А. Залевская и др.;

- *прототипический подход* к изучению когнитивных аспектов языковых единиц Тамбовской школы. Представители: Н.Н. Болдырев, Т.А. Фесенко, Е.В. Милосердова, Н.И. Колодина, Е.М. Позднякова, А.Л. Шарандин, И.В. Миронова, С.В. Иволгина, Е.Л. Кочкина, С.Г. Виноградова и др.;

- *лексико-семантический подход* в исследовании концептуального содержания единиц языка Воронежской школы. Представители: З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.П. Бабушкин, В.Ю. Копров, Г.В. Быкова, Л.И. Гришаева, А.А. Кретов, В.М. Топорова, В.И. Убийко, В.Б. Голь-

дберг, О.В. Ивашенко, Э.Д. Хаустова и др.;

- *дискурсивный анализ*. Представители: А.А. Кибрик, Л.В. Цурикова, О.Н. Чарыкова, В.И. Карасик и др.;

- *культурологический подход* к рассмотрению проблем представления знаний. Представители: Ю.С. Степанов и др.;

- *лингвокультурологический подход* к исследованию репрезентации знаний Волгоградской школы. Представители: В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Н.А. Красавский, Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачев, А.А.Худяков, Е.Н. Егина, М.В. Милованова и др.;

- *гендерный анализ* представления концептуальных структур в сознании. Представители: А.В. Кирилина и др. [10].

В.И. Карасик в рамках культурологического исследования языка выделяет следующие направления: выявление национально-культурной специфики использования языка (Воркачев, Вежбиц-

кая, Прохоров, Телия, Воробьев, Маслова, Снитко, Бижева, Клоков, Красавкий, Евсюкова); изучение этнокультурных особенностей языка и речи в рамках лингвострановедения (Верещагин, Костомаров, Томахин, Ощепкова), этнолингвистики (Герд, Копыленко, Толстой), этнопсихоллингвистики (Сорокин), теории межкультурной коммуникации (Кабакчи, Шамне, Тер-Минасова, Леонтович) [2].

Итак, сегодня, несмотря на различное понимание, когнитивная лингвистика – это ветвь лингвистического функционализма, считающего, что языковая форма производна от функций языка, поскольку когнитивная лингвистика связана с убеждением, что «языковая форма является отражением когнитивных структур, то есть структур человеческого сознания, мышления и познания» [4]. Основными категориями когнитивной лингвистики являются концепт, категоризация, концептуализация, концептосфера.

Библиографический список

1. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - №1, с. 18 – 36.
2. Карасик В.И. Транслируемость концептов / В.И. Карасик // Проблемы вербализации концепта в семантике языка и текста: В 2 ч. – Ч. 2. Тезисы докладов. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 17 – 19.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994, №5. – С. 126 – 139.
5. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. - №4. – С. 26 – 45.
6. Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика и проблема композиционной семантики в сфере словообразования / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. – Серия литературы и языка. – 2001. - №1. – С. 13 – 24.
7. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» / Е.С. Кубрякова // Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. - №1. – С. 3 – 9.
8. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - №1. – С. 6 – 17.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2003. – 191 с.

10. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А.В. Рудакова. – Воронеж, 2004. – 80 с.

References

1. Boldyrev N.N. Conceptual space of cognitive linguistics / N.N. Boldyrev // Issues of cognitive linguistics. – 2004. - №1, p. 18 – 36.
2. Karasik V.I. Transmitability of concepts / V.I. Karasik // Concept verbalizing problems in language and textual semantic: 2 vol. – Vol. 2. The theses of reports. – Volgograd, 2003. – P. 17 – 19.
3. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discours / V.I. Karasik. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 p.
4. Kibrik A.A. Cognitive research on discours / A.A. Kibrik // Issues of linguistics. – 1994, №5. – P. 126 – 139.
5. Koubryakova E.S. Initial stages of cognitivism development: linguistics – psychology – cognitive science / E.S. Koubryakova // Issues of linguistics.– 1994. - № 4. – P. 26 – 45.
6. Koubryakova E.S. Cognitive linguistics and the problem of composition semantic in word formation sphere / E.S. Koubryakova // The Intelligence of RAS. – Literature and language section. – 2001. - №1. – P. 13 – 24.
7. Koubryakova E.S. On cognitive linguistics and the meaning of the term “cognitive” / E.S. Koubryakova // The Bulletin of VSU. Linguistics and cross-cultural communication. – 2001. - №1. – P. 3 – 9.
8. Koubryakova E.S. On the aims of cognitive science and urgent problems of cognitive linguistics / E.S. Koubryakova // Issues of cognitive linguistics. – 2004. - №1. – P. 6 – 17.
9. Popova Z.D., Sternin I.A. Scetches on cognitive linguistics / Z.D. Popova, I.A. Sternin. – Voronezh, 2003. – 191 p.
10. Roudakova A.V. Cognitology and cognitive linguistics / A.V. Roudakova. – Voronezh, 2004. – 80 p.

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета

**ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск №4, 2008 г.

Научный журнал

Подписано в печать _____ 2008. Формат 60*84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 14,6. Усл.-печ. л. 15,6. Тираж 100 экз. Заказ № _____

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84